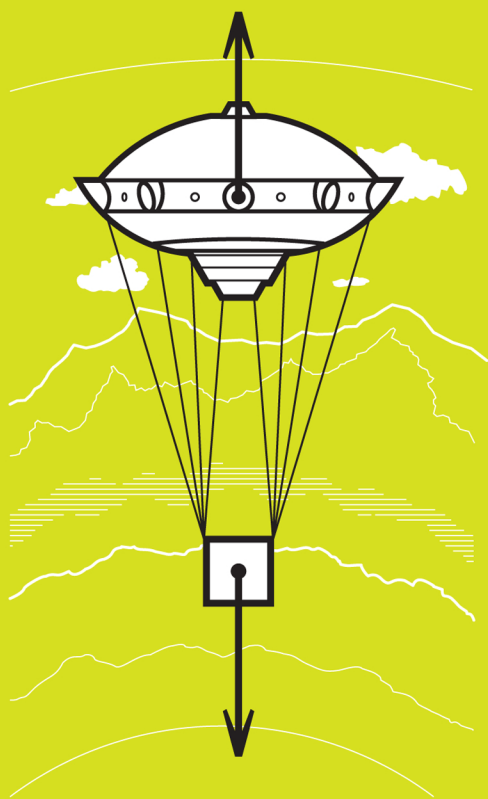

Бишкек утопический

Сборник текстов

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Ки)
Б 67

Составители и редакторы: Георгий Мамедов, Оксана Шаталова
Графика: Айканыш Абылова, Галина Васильченко, Самат Мамбетшаев
Дизайн и верстка: Юрий Дармин
Координация и менеджмент: Асель Акматова

Издание осуществлено при поддержке Представительства Фонда им. Ф. Эберта в Кыргызстане, Foundation for Arts Initiatives и Фонда Сорос-Кыргызстан.

Издание не предназначено для продажи и распространяется бесплатно. Фонд им. Фридриха Эберта не несет ответственности за мнения и оценки авторов, высказанные в данном издании.

Б 67 Бишкек утопический: Сб. текстов /

Сост. и ред. Г. Мамедов, О. Шаталова. — Б.: 2015. — 206 с.
ISBN 978-9967-27-699-4

Сборник — результат исследовательско-художественного проекта «Бишкек: хроники радикального воображения» (2014-2015), продолжающего долгосрочную программу Штаба по исследованию советской истории в Центральной Азии. Сборник включает как теоретические, так и арт-штудии истории Бишкека начиная с 1920-х и заканчивая 1970-ми гг. Каждый раздел книги отведен осмыслению определенно-го утопического концепта, благодаря которому в Бишкеке появились те или иные здания и сооружения: «Пролетарский интернационализм» (осмысление и переосмысление деятельности кооператива «Интергельпо»); «Социалистический город» (история обычного микрорайона); «Наука и техника» (исследование объектов, удостоверяющих ведущую роль науки в СССР). Особняком стоит раздел «Радикальная эмансипация», — эта утопия не оставила материальных следов на карте города, но зафиксирована в документах таинственного диссидентского кружка 1970-х гг. Главная цель проекта — найти в утопиях прошлого материал как для критического осмысления настоящего, так и для радикального воображения будущего.

ШТАБ

Адрес: Кыргызстан, Бишкек, ул. Московская, 147-5
Тел.: +996 (312) 976803
Email: art.initiatives.bishkek@gmail.com
www.art-initiatives.org

Б 0503020911-15
ISBN 978-9967-27-699-4

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Ки)

Бишкек утопический

Сборник текстов

Бишкек
2015

Содержание

<i>Георгий Мамедов</i>	6
Бишкек утопический: археология радикального воображения	
<i>Дэвид Харви</i>	24
Создание городского общего (глава из книги «Мятежные города: от права на город к городской революции»)	
Пролетарский интернационализм	
Пролетарский интернационализм:	56
кооператив «Интергельпо»	
Социалистический город	
<i>Оксана Шаталова</i>	72
Без исключенных: феноменология социалистического города	

Наука и техника

Мохира Суяркулова **112**

Научно-технический утопизм
в городском пространстве Бишкека

Нина Багдасарова **148**

О проекте воспитания «нового человека»,
или о советской педагогической утопии

Радикальная эмансипация

Георгий Мамедов, Оксана Шаталова **168**

Архитектура, космос, секс:
«коммуна им. Коллонтай» во Фрунзе 70-х гг.

Исторический материализм, советская власть **192**

и вопросы пола на современном этапе.
Доклад из архива «коммуны им. А. М. Коллонтай»

Стихи из архива «коммуны им. А. М. Коллонтай»

22, 55, 71, 111, 147, 167

Рисунки Айканыш Абыловой

23, 54, 70, 110, 146, 166

Бишкек утопический: археология радикального воображения

Утопический пэчворк

Город и утопия неразрывно связаны. Идеальному общественному устройству, описываемому утопией, должна соответствовать столь же идеальная организация жизненного пространства. Яркий пример такой пространственно-идейной синхронизации — «Город Солнца» Кампанеллы. Совершенному, по видению автора, политическому строю и организации общественной жизни соответствует совершенный же сферический город, состоящий из семи кругов, пересеченных четырьмя радиальными улицами. Ранние утопические тексты вроде «Города Солнца» представляют собой в первую очередь упражнение в социологическом воображении, мыслительный эксперимент, а не

программу или план действий. Между тем, некоторые градостроительные идеи итальянского священника-утописта XVII в. оказались востребованы в веке двадцатом. Использование Кампанеллой городских стен в просветительских целях — «во всем городе стены, внутренние и внешние, нижние и верхние, расписаны превосходнейшею живописью, в удивительно стройной последовательности отображающей все науки» — вдохновило известный ленинский «План монументальной пропаганды». Ленинский замысел, однако, в полной мере был реализован только в 1960-80-е годы, когда бесчисленное множество стен общественных и жилых зданий во всех городах и весях СССР были покрыты яркими мозаичными панно, прославлявшими советские идеалы — труд, научно-технический прогресс и дружбу народов.

Круглая схема «Города Солнца» также узнается в популярной градостроительной концепции начала XX в. — городе-саде англичанина Э. Говарда. Стройные и упорядоченные города-сады, по видению Говарда, должны были прийти на смену хаотичным и антигуманным капиталистическим городам. В городе-саде устранялись типичные для того времени трущобы, и обеспечивался равный доступ к общественным благам, в том числе зеленым зонам, за счет равной удаленности. Концепция города-сада обрела особую популярность после революции как пример эгалитарного, но символически нагруженного городского проектирования.

Обе эти концепции, источником которых является возрожденческое визионерство, присутствуют в структуре современного Бишкека. Для большинства горожан круглый жилмассив «Рабочий городок», построенный в начале 1930-х годов, и многочисленные советские мозаики — ничем не примечательные, обыденные элементы привычной городской среды.

Еще более обыденными и непримечательными кажутся советские микрорайоны Бишкека. Среднестатистический обитатель панельной пятиэтажки не задумывается о

том, что его типовая квартира и рационально организованная среда микрорайона — прямое наследие революционного жизнестроительного утопизма 20-30-х годов. Концепция индустриального серийного строительства жилья и идея микрорайона как градостроительной единицы берут свое начало в дискуссиях о т. н. «социалистическом расселении» — формах организации жизненного пространства в условиях социализма, — которые активно велись советскими и иностранными архитекторами, планировщиками и экономистами в 20-е годы. Прекращены эти дискуссии были партийным постановлением «О работе по перестройке быта» (1930), в котором дискутируемые градостроительные концепции и принципы организации быта обозначались как «вредные, утопические начинания». Между тем, в основу советского проекта массового жилищного строительства, инициированного Н. Хрущевым в 1954 г., были положены принципы, впервые сформулированные в рамках этих дискуссий 20-х годов и зафиксированные в легендарном градостроительном манифесте Ле Корбюзье «Афинская хартия» (1933) — функциональное зонирование городского пространства, типовое проектирование и строительство, композиционная открытость жилых пространств.

Утопичность советского микрорайона, однако, не ограничивается реминисценциями авангардной архитектурной мысли 20-30-х годов. В качестве определяющей характеристики утопического мышления теоретики (Мангейм, Шацкий, Джеймисон) выделяют артикулируемую в утопии радикальную и бескомпромиссную альтернативу существующему порядку. Польский социолог Ежи Шацкий, ссылаясь на К. Мангейма, дает следующее определение утопической ориентации: «Мы будем считать утопичной лишь ту «трансцендентную по отношению к действительности» ориентацию, которая, переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей»¹. Хрущевский проект массо-

---

¹ Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 35.

вого индустриального строительства жилья представлял собой не только радикальную альтернативу сталинской архитектурной эстетике (знаменитое постановление об излишествах), но в первую очередь — сталинской социальной политике. До 1954 года в СССР не велось масштабное жилищное строительство. Отдельная квартира считалась роскошью, большинство советских граждан жили в коммуналках, бараках, рабочих общежитиях. Утопическим горизонтом хрущевского замысла было обеспечение достойным жильем *всех* граждан СССР. Хотя горизонт так и не был достигнут, советская жилищная политика по праву считается одним из самых впечатляющих результатов советского социализма. В Кыргызстане только за первые десять лет (1955-1964) с начала массового строительства жилья переехали в новые дома или улучшили жилищные условия около миллиона человек — почти 40 процентов всего населения республики на тот период².

Бишкек утопический — это не идеальный город литературной утопии, стройная и целостная пространственная структура которого символизирует идеальный общественный строй, а скорее — своеобразный утопический пэчворк, сотканный из множества лоскутков, утопичность которых на первый взгляд практически не очевидна.

Продуктивная утопия

Один из самых ярких фрагментов утопической истории Бишкека — деятельность кооператива «Интергельпо». Однако связывание с утопией истории этого чехословацкого промыслового объединения, начавшего свою работу во Фрунзе (тогда еще Пишпек) в 1925 году вызывает несогласие и даже протест у потомков первых коммунаров. Обыденным сознанием утопия воспринимается как досужая фантазия,

---

² См.: Нусов В. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1971. С. 125.

идеализм и что-то принципиально не реализуемое. Участники «Интергельпо» же не были фантазерами, они занимались вполне конкретными делами — строили предприятия, дома, налаживали производство. Наследие «Интергельпо» в современном Бишкеке более чем материально — парк, клуб, здание действующей школы и даже крупный завод, возведенный на базе механических мастерских коммунаров.

Критика утопии как формы идеалистического мышления и фантазирования свойственна не только обыденному сознанию. Марксизм, отдавая должное утопическому социализму (Сен-Симон, Фурье, Оуэн), в то же время противопоставляет ему социализм как науку. Конструирование идеального общественного устройства сменяется критическим анализом действительности и определением в ней движущих сил изменения существующего порядка. В этой связи часто приводится известная цитата из «Немецкой идеологии»: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»³.

Попытки реализации утопических идей и программ всегда носили локальный характер и объединяли небольшие группы энтузиастов в коммуны, которые вскоре, под натиском внешних обстоятельств или ввиду внутренних противоречий, прекращали свое существование, — как сельскохозяйственные общины английских диггеров или многочисленные фаланги фурьеристов. Октябрьская революция и последовавшее за ней социалистическое строительство сделали возможным претворение в жизнь самых радикальных и визионерских утопических проектов, превратив огромную территорию первой в мире страны рабочих и крестьян в лабораторию для грандиозного эксперимента по созданию нового общества и нового человека. Утопическое преобразова-

---

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. И другие ранние философские работы. М., 2010. С. 415.

ние действительности из индивидуальной интеллектуальной деятельности, типичной, по мнению Энгельса, для домарксова социализма, становится *массовой практической деятельностью*⁴, а утопия в условиях советского социализма обретает новый аспект — *продуктивность*. Объективация утопического воображения происходит отныне не только и даже не столько в форме литературных текстов, но во множестве других форм — архитектуре, новых городских образованиях, бытовых, культурных и производственных практиках и т. п.

Таким образом, результаты активной практической деятельности «Интергельпо» свидетельствуют не против, а в пользу утопической трактовки истории кооператива, объединившего коммунистов и революционных рабочих. Кооператив и его работа были частью утопического эксперимента — строительства нового коммунистического общества. По свидетельствам самих коммунаров: «С огромным энтузиазмом встретили чехословацкие рабочие предложение об организации кооператива и о поездке в Советский Союз. Велико было стремление поехать туда, где братья по классу строят новую жизнь без помещиков и капиталистов»⁵.

Советская утопическая практика заставляет марксистскую теорию вырабатывать более комплексные подходы к осмыслению утопического мышления. Эрнст Блох метафорически описывает диалектику утопического в марксизме как сочетание и взаимодействие «теплого» и «холодного» течений. «Теплое» — воображение, энтузиазм, предвосхищение, безграничный горизонт изменений, «холодное» — аналитическое изучение условий возможного. Оба эти течения объединены в диалектическом методе и взаимно обуславливают марксистскую политическую практику. По Блоху, отсутствие «охлаждения» привело бы «к абсолютно беспочвенному,

---

⁴ См.: Шацкий. Е. Утопия и традиция. С. 31.

⁵ Самуэль И. Интергельпо. Чехословацкий промысловый кооператив в Киргизии. М. - Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1935. С. 7.

абстрактно-утопическому витанию в облаках»⁶. В то время как без «согревания» «исторического и актуально-практического анализа условий последний оказывается под угрозой экономизма и забывающего о цели оппортунизма, избегает тумана мечтательности лишь постольку, поскольку скатывается в болото филистерства, компромиссов и в конечном счете — предательства»⁷.

Помимо продуктивности утопия в условиях советского социализма обретает еще одну характерную особенность — *массовость*. Даже если «хрущевки» и мозаики — своеобразные формы утопического воображения, то это не делает их в глазах обывателя ни особенно ценными, ни интересными, так как точно такие же пятиэтажки, мозаичные панно и даже круглые городки-сады можно найти во всех городах бывшего СССР. Бишкек утопичен ровно в той же мере, что и Саратов, Кишинев или Алматы. В силу этой программной неаутентичности утопические следы в городском пространстве остаются невостребованными современными машинами репрезентации вроде туристической индустрии или национального мифа. Однако в ретроспективном рассмотрении именно массовая распространенность и обыденность этих проектов кажется их самой утопической характеристикой.

Советское утопическое воображение было направлено не только на удовлетворение исключительно насущных потребностей. Массово доступными для советских людей должны были стать не только жилье и искусство, но и космос. Освоение космического пространства стало главным советским утопическим императивом во второй половине XX в. Космические полеты оставались уделом избранных, массовые межпланетные путешествия откладывались до наступления коммунизма, но и у рядового советского гражданина была возможность почувствовать себя гражданином Вселенной. Эти возможности создавались развитой индустрией

---

⁶ Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 63.

⁷ Там же. С. 63.

культурного досуга, включавшей множество научно-популярных изданий, различных технических и конструкторских кружков, а также аттракционов вроде фрунзенского планетария, в котором с помощью специализированного оптического оборудования демонстрировалось искусственное звездное небо, Солнце, Луна, планеты, спутники и космические корабли. Сеанс посещения планетария стоил всего 10-20 копеек.

Е. Шацкий в своей типологии утопического мышления выделяет особый тип — *утопию политики*, которую можно определить как «практическое применение утопического мышления в жизни общества»⁸. Утопия политики помещает идеал в пределах человеческой досягаемости, но не лишает его заряда альтернативы существующему порядку. В утопии политики обнаруживается описанная Блохом диалектика, «утопия приобщается к практике, а политика — к идеалу»⁹. Советский микрорайон на фоне авангардного идеала новой жизни нового человека кажется ущербным компромиссом, так же как и 108 минут полета первого космонавта вокруг Земли не дотягивают даже до жалкого подобия регулярного межпланетного сообщения. Однако в результате столкновения идеала с действительностью не только идеал терпит поражение, но и действительность становится иной.

Слова и вещи

Бишкек утопический это в первую очередь «вещи» — материальные следы продуктивной утопии — здания, сооружения, структуры внутри городского пространства. Однако утопическая заряженность этих «вещей» становится очевидной только при условии соединения их со «словами» — идеями, системами мысли, текстами, программами, политической

⁸ Шацкий. Е. Утопия и традиция. С. 136.

⁹ Там же. С. 136.

риторикой — в общее дискурсивное поле. Мы определили четыре таких дискурсивных поля — «Пролетарский интернационализм», «Социалистический город», «Наука и техника», «Радикальная эмансипация».

«Рабочие не имеют отечества» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» — главные формулы **пролетарско-го интернационализма**, озвученные уже в «Манифесте коммунистической партии». В Советском Союзе пролетарский интернационализм был составной частью политики мировой революции, от которой большевики не отказывались в течение первого послереволюционного десятилетия. Эта политика включала объединение мировых коммунистических партий (Коминтерн), оказание поддержки коммунистическим и рабочим движениям по всему миру и предполагала открытость советских границ для рабочих из разных стран. В рамках этой политики в Советский Союз после революции приехало огромное число иностранных рабочих, квалифицированных специалистов, левых интеллектуалов и художников. Кто-то, как мексиканец Диего Ривера, приезжал на короткое время, кто-то, как венгр Бела Уитц, оставался в Советском Союзе на всю жизнь. Многие из тех, кто остался, стали жертвами сталинских репрессий в конце 30-х, как впрочем, и сама идея пролетарского интернационализма, сменившаяся реакционной «дружбой народов». Дружить должны были между собой уже только народы советских республик, да и то — под чутким руководством старшего брата.

Помимо чехословацкого кооператива «Интергельпо» к проявлениям пролетарского интернационализма в истории Бишкека относится работа художников-интернационалистов — украинки Оксаны Павленко и венгров Белы Уитца и Ласло Месароша, которые были приглашены во Фрунзе Семеном Чуйковым для оформления интерьеров здания Верховного Совета. В Кыргызстане на тот момент не хватало своих специалистов для создания визуальной репрезентации новой советской республики, и приглашенные художники ак-

тивно включились в этот процесс. Все трое приняли участие в конкурсе на разработку герба Киргизской ССР. Победительницей стала Павленко, варианты, предложенные Уитцем и Месарошем, также получили высокую оценку и были отмечены премиями. Одним из результатов утопической политики пролетарского интернационализма стал символ национальной государственности — показательное противоречие комплексной советской действительности.

Концепция «социалистического города», или соцгорода разрабатывается в дискуссиях о социалистическом расселении в 20-30-е годы. В 1930 г. вышла книга экономиста Л. Сабсовича «Социалистические города», в которой был сформулирован урбанистический взгляд на расселение в условиях социализма (главным оппонентом урбаниста Сабсовича в дискуссии о расселении был дезурбанист Охитович). Между тем, обозначенное нами дискурсивное поле **социалистический город** отсылает не к книге Сабсовича и его видению города, а ко всему многообразию социалистических градостроительных политик и практик, которые обсуждались и были реализованы в разные периоды советской истории. В качестве бишкекского репрезентанта социалистической городской утопии нами был выбран микрорайон № 6. Построенный в начале 70-х в юго-восточном жилом районе города, шестой микрорайон — образцовый пример позднесоветской градостроительной и жилищной политики, в которой нашли отражение авангардные архитектурные концепции 20-30-х, стремление обеспечить все население СССР достойным жильем и собственно утопические характеристики социализма как такового — отсутствие частной собственности на землю и бесклассовая композиция общества. На примере бишкекского шестого микрорайона отчетливо прослеживаются основные компоненты социалистической урбанистики — функциональное зонирование городского пространства (микрорайон — монофункциональная жилая зона), индустриальный метод строительства и типовое проектирование жилых и

общественных зданий, ступенчатая система обслуживания (расположение социально-бытовой инфраструктуры в зависимости от частоты потребностей), политика озеленения.

Под рубрикой **наука и техника** мы собрали разнородные городские объекты, которые, однако, можно условно разделить на две большие группы. В основе этого разделения лежат две утопические интенции в отношении науки, известные еще со времен Просвещения. К первой группе относятся объекты, которые демонстрируют роль науки в качестве организующей силы общественной жизни, формирующей в том числе и городское пространство. Например, помпезное здание Академии наук, торжественная архитектура и грандиозные масштабы которого должны были символически подчеркивать ведущую роль науки в советской действительности. В объектах второй группы — планетарии, обществе «Знание» и телевизионной вышке — реализуется просвещенческий идеал универсальной доступности научного знания. Наука, поставленная на службу обществу, советской идеологией представлялась как одна из главных отличительных характеристик социализма. Особое значение дискурсу науки и техники, науке как образу будущего придают достижения советской космонавтики — запуск спутника, полет Ю. Гагарина, а затем и регулярные экспедиции на орбиту Земли. Наука стала, пожалуй, последним советским утопически заряженным дискурсом, в позднесоветское время воспринимавшимся практически как синоним коммунизма (эта конвергенция ярко проявилась в названии дисциплины, преподававшейся в советских вузах в 60-80-х годах — научный коммунизм).

Любая утопия в качестве своего горизонта предполагает эмансипацию человека от всех форм угнетения и отчуждения. Выделяя в качестве специфического дискурсивного поля **радикальную эмансипацию**, мы имели в виду в первую очередь гендерную эмансипацию как преодоление угнетающей патриархатной нормативности. Этот фрагмент утопической истории Бишкека стоит в стороне от трех описанных

выше. Радикальная эмансипация в контексте Бишкека — это продуктивная утопия, но не массовая. Гендерная эмансипация на уровне государственной политики в Советском Союзе не может считаться утопическим проектом. Вернее, таковой эта политика была только в первое послереволюционное десятилетие, когда в дискуссиях о социалистическом быте и половых отношениях артикулировались радикальные альтернативы доминировавшему гендерному порядку. В это время звучали призывы к уничтожению института брака, отказу от романтической любви как проявления буржуазности, а в отношениях полов должно было возобладать бескомпромиссное равенство. Однако материальных следов внутри городского пространства это утопическое десятилетие не оставило.

Между тем, именно к этим послереволюционным идеалам апеллируют в своих текстах фрунзенские гендерные диссиденты начала 70-х, объединившиеся, судя по найденным артефактам, в коммуны, которой они дали имя Александры Коллонтай. Эту, как мы ее назвали, «бишкекскую квир-коммуну», можно было бы описать как сообщество намерения (*intentional community*). Сообществами намерения в теории утопии называют добровольные объединения людей с целью реализовать на практике определенную утопическую программу. Однако нам доподлинно неизвестно, существовала ли эта коммуна в действительности или была лишь плодом фантазии, материализовавшимся в десятке поэтических текстов и паре визуальных работ. В этих текстах артикулируется радикальная альтернатива существовавшему гендерному порядку, но не с антикоммунистических, а наоборот — с радикально коммунистических позиций. Главный тезис найденного нами архива: радикальная сексуальная эмансипация — неотъемлемая часть коммунистического проекта.

Фокусируя свое внимание на «словах» и «вещах», мы определили свою исследовательскую задачу как *археологию радикального воображения* внутри советской истории

Бишкека. Археология, в отличие от привычной историографии или исторического очерка, «не стремится найти непрерывный и незаметный переход, который плавно связывает дискурс с тем, что ему предшествует, его окружает и за ним следует»¹⁰. Археология — это различающий анализ, выявляющий противоречия и разрывы, стремящейся к дифференциации, а не упорядочению и единообразию. Бишкек утопический не идентичен Бишкеку советскому. Наша задача заключалась в том, чтобы очертить неровные, прерывистые, зачастую едва различимые контуры утопического внутри советского, подрывая, таким образом, его привычную однородность и когерентность. Бишкек утопический в этом смысле вписывается в более обширную программу Штаба по дифференцированному исследованию советской истории в Центральной Азии.

После утопии

Одно из главных свойств утопии — предвосхищение. Утопия — это взор, обращенный в будущее, во всяком случае, если речь идет о прогрессивной утопии, стремящейся к радикальным общественным трансформациям. Однако утопия не является исключительным свойством прогрессивного или левого политического мышления. Консервативное мышление также может быть утопичным, противопоставляя наличной действительности идеальную альтернативу. Консервативное мышление зачастую размещает свой идеал в прошлом. Для сторонников евразийской интеграции советское время — мифический золотой век, и в Евразийском Союзе они узнают его своеобразную реминисценцию. Возвращение в земной рай для их оппонентов из националистического лагеря, напротив, обусловлено фанатичной верностью традициям предков, попорченным советской модернизацией. Бишкек утопический —

---

¹⁰ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 139

это также взгляд в прошлое, но ни в коей мере не ретроутопия. Оборачиваясь назад, мы не стремимся найти в недавнем советском прошлом идеал, золотой век и утраченный Эдем. Наше стремление идентифицировать и исследовать *будущее в прошедшем* преследует другие цели и, в первую очередь, представляет собой попытку вывода современного политического воображения из тисков консервативного ретроутопизма (как националистического, так и имперского) и либеральной апатии «конца истории» (и конца утопии). Герберт Маркузе, вслед за Ницше, обратил внимание на доминирующую в культуре политику памяти, в которой последняя избирательна и одностороння — в ней сохраняются невзгоды, угроза наказания, но не счастье и не обещание свободы. Бишкек утопический — это попытка иной, радикальной политики памяти. Исследование будущего в прошедшем, утопии как возможного — это усилие мысли, «восстанавливающее память как движущую силу освобождения»¹¹.

Бишкек утопический предлагает две возможные перспективы с точки зрения левой политической практики — критическую и собственно утопическую. Утопия — это не только воображение будущего, но и всегда с необходимостью критический взгляд на современность. Согласно югославскому исследователю научно-фантастической литературы Дарко Савину, главная социальная функция утопии как жанра — *познавательное остранение* (cognitive estrangement) действительности¹². Савин использует концепцию остранения, разработанную Шкловским и Брехтом. Для Брехта техника остранения заключается в том, чтобы внушить зрителю аналитическую, критическую позицию по отношению к изображенным событиям, лишив эти события всего того, что само собой разумеется, знакомо, очевидно, вызвав по их поводу удивление и любопытство. В конечном счете, замечает Брехт,

---

¹¹ См.: Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2002. С. 201-202.

¹² См.: Darko Suvin. *Metamorphoses of Science Fiction*. Yale University Press, 1979. P.8.

«о-эффект служит для того, чтобы все можно было бы рассмотреть с общественной точки зрения»¹³. Савин вводит понятие *познавательного остранения* для научной фантастики, так как и в других фантазийных жанрах — сказках, мифах, фэнтези — происходит остранение реальности. Но только утопия позволяет критически осмыслить разрыв между наличной действительностью и воображаемой альтернативой и выявить условия, при которых эта альтернатива может стать реальностью.

В Бишкеке утопическом безусловно остраняется Бишкек современный. Но критическая перспектива в данном случае — это не только абстрактный антиутопический комментарий к современности. Продуктивность утопии позволяет поставить вполне конкретные вопросы о текущем статусе ее следов и актуализировать дискуссию об общественном в городе. Исследование утопического в Бишкеке — это еще и хроника превращения общественного городского пространства в частную собственность. Наиболее резонансный случай — бывший «Дом науки и техники», известный ныне как караоке-клуб «Запой». Науки и техники в здании нет уже давно, но в прошлом году владельцы решили окончательно изгнать «просвещения дух» из своей собственности и закрасили коричневой краской фасадную мозаику «Космос и научно-технический прогресс», которая, однако, была включена в список охраняемых государством памятников культуры. После шумной кампании в СМИ (начало которой положил мультфильм Штаба об этой ситуации) и предписания прокуратуры мозаика была очищена от краски, но первоначальный вид вернуть ей не удалось.

Судьба другого научно-просветительского центра — планетария — еще печальнее. Его заброшенное и почти разрушенное здание находится в частной собственности с 1996 года, а с 2010 года в собственности частного лица оказывается и земельный участок. Иностранцами инвесторами рассматривается возможность строительства на данной территории гостиничного комплекса со сносом здания бывшего планетария.

---

¹³ Цит. по: Шумахер Э. Жизнь Брехта. М., 1988. С. 136.

В частной собственности оказался и целый стадион бывшего завода сельскохозяйственного машиностроения им. Фрунзе — «Сельмашевец». Стадион, как и производственная база завода, частными собственниками превращен в руины. Бишкекский ботанический сад им. Гареева Академии наук пока еще сохраняет статус научного института, но и на его территории ведется различная незаконная коммерческая деятельность. Что неудивительно — обширные территории ботанического сада являются объектом постоянного интереса девелоперов и инвесторов. В мэрии Бишкека обсуждаются инициативы по креативному перепрофилированию сада из научного учреждения в парково-досуговое, чтобы использовать его территорию для развития городского огородничества.

Можно вести борьбу с властями и собственниками против разрушения советских культурных и научно-просветительских учреждений, можно использовать их руины в качестве весомого аргумента в критике городских властей, но все-таки наиболее важным для левого политического проекта является не сохранение утопий прошлого, не превращение их в памятники или фетиши, а прагматичное использование их для утопического конструирования горизонта будущего. Фредрик Джеймисон замечает, что исключительное политическое значение утопических текстов прошлого заключается в их способности генерировать новые утопические проекты и видения, включающие утопии прошлого, но модифицирующие и корректирующие их¹⁴. Необходимо в полной мере использовать не только критический, но и утопический потенциал будущего в прошедшем. Бишкек утопический — это архив радикального воображения, с помощью которого можно критически осмыслить опыт утопий прошлого, определить их основные недостатки, извлечь уроки из неудач и провалов. Но главное — это архив, в котором можно находить инструменты и материалы для производства новых утопических проектов.

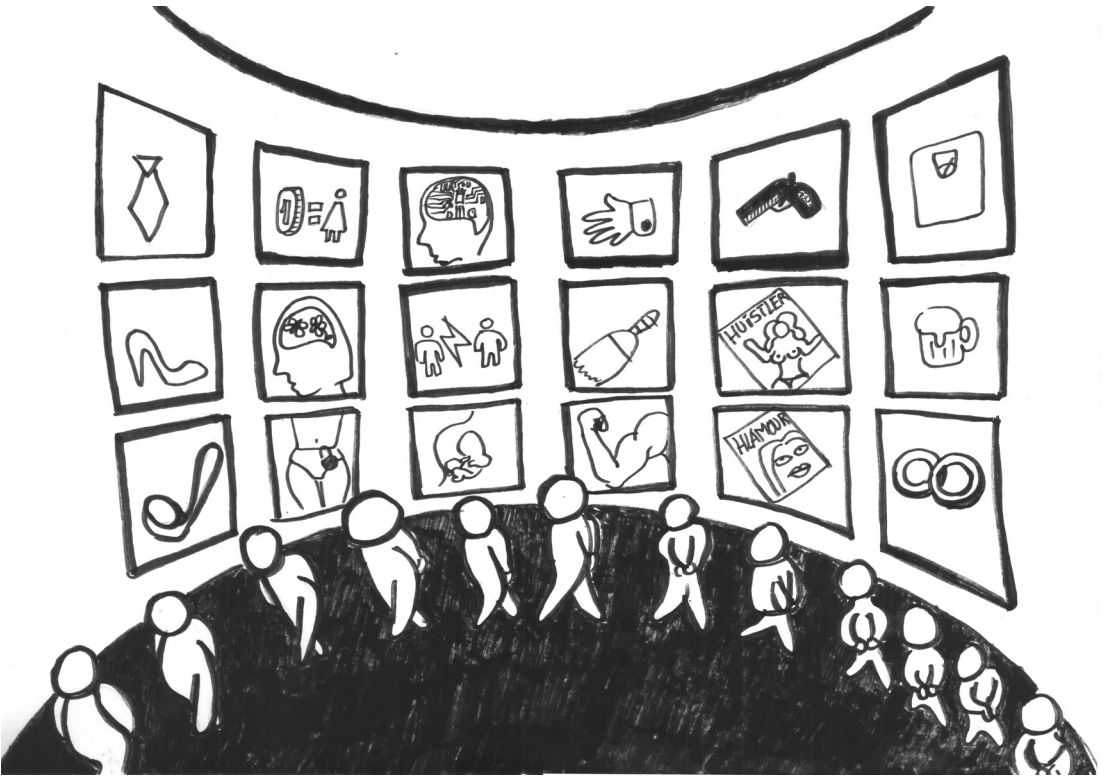
---

¹⁴ См.: Fredrick Jameson. *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. Verso, 2005. P. XV.

Полюс Инь-Ян
Пол есть изъян
«Я» понимания.
Почему человек —
функция физиологии,
а не сознания?
От имени и до тюрьмы-сумы
Мы — знаков пола суммы.
Запонки галстуки каблуки
Кричат: мы — не мыслим,
Мы — вторичные признаки.
Призрачные знаки

С О Т Р И.

Сотри случайные черты,
И ты увидишь мир прекрасен.

Дэвид Харви

(перевод с английского М. Суяркуловой)

Создание городского общего¹

Город это место, которое — порой через конфликт и полемику — смешивает людей всех родов и сословий и создает общую, хотя и постоянно меняющуюся и временную, жизнь. Общность городской жизни уже долгое время является предметом обсуждения урбанистов и темой резонансных художественных произведений, стремящихся уловить характер этой жизни (или же характерные особенности жизни в конкретном городе, в определенном его месте и в какое-то конкретное время). Долгая история городского утопизма насчитывает рекордное количество мечтаний человека о новом городе, соответствующем «чаяниям нашего сердца». В

---

¹Глава из книги «Мятежные города: от права на город к городской революции» / David Harvey. REBEL CITIES. From the Right to the City to the Urban Revolution. London, New York: Verso, 2012.

последнее время дискуссии об утрате этой самой городской общности происходят на фоне существенного влияния недавней волны приватизации и сопутствующего ей «огораживания» общественного пространства, ужесточившегося полицейского надзора и повсеместного введения систем наблюдения на качество городской жизни и на возможность создавать новые формы социальных отношений (новое городское общее). Городское пространство оказалось полностью подчиненно классовым интересам капитала. Когда, к примеру, Хардт и Негри утверждают, что необходимо рассматривать «метрополис как фабрику по производству Общего», они предлагают нам точку опоры для антикапиталистической критики и политического активизма. Как и «право на город», эта идея звучит заманчиво и привлекает внимание, но что она значит? И как она соотносится с длинной историей споров о производстве и использовании ресурсов, находящихся в общей собственности?

Не счесть, сколько раз мне встречалось упоминание классической статьи Гарретта Хардина «Трагедия ресурсов общего пользования», приводившейся в качестве неоспоримого аргумента в пользу эффективности прав частной собственности на землю и ресурсы, и, следовательно, как неоспоримое оправдание приватизации². Это ошибочное прочтение частично происходит из-за использования Хардином примера скотоводческой общины, на участке общего пользования которой пасется скот нескольких частных собственников, каждый из которых заинтересован в извлечении максимальной личной прибыли. Каждый отдельный скотовод выигрывает от увеличения поголовья, а потери от уменьшенной плодородности земли распределены между всеми пользователями. В результате нагрузка на землю будет постоянно увеличиваться до полного ее истощения. Конечно, если бы

---

² Garrett Hardin. The Tragedy of the Commons. Science 162 (1968): 1,243-8; B. MacCay and J. Acheson, eds. The Question of the Commons: The Culture and Ecology of Communal Resources. Tucson, AZ: University of Arizona Press, 1987.

скот находился в общей собственности, то этот пример потерял бы смысл. Понятно, что суть проблемы — в частной собственности на скот и эгоистичном поведении собственников, а не в общей земле. Но даже не это имел в виду Хардин при написании статьи. Его беспокоил прирост населения. Он опасался, как и Мальтус, что эгоистичное желание иметь детей и бесконтрольная рождаемость в конечном итоге приведут к разрушению общих ресурсов планеты. Единственным решением этой проблемы должен был стать жесткий контроль над рождаемостью³.

Я вспомнил этот пример из статьи Хардина, чтобы проиллюстрировать типичную линию размышлений в связи с общим, часто ограниченную узким набором допущений, опирающихся на пример огораживания (*насильственного отчуждения общинных земель в частную собственность крупных помещиков — прим. ред.*), происходившего в Великобритании начиная с позднего средневековья. Мнения по поводу практики огораживания, как правило, отражают две полярные точки зрения — одна склоняется к приоритету частной собственности, вторая настаивает на авторитарном вмешательстве государства. С политической точки зрения эти дискуссии сводятся к эмоциональному (не лишённому ностальгических сантиментов о якобы когда-то существовавшей моральной экономике общего) отстаиванию одной из позиций — за или против огораживания (вторая чаще распространена среди левых).

Элинор Остром в книге «Управляя общим» (*Governing the Commons*)⁴ стремится развеять это распространённое

---

³ На удивление много левых аналитиков совершенно неправильно прочитывают Хардина в этом вопросе. Так, Массимо де Анджелис пишет, что «Хардин сфабриковал оправдание для приватизации ресурсов общего пользования, основываясь на предполагаемой природной необходимости». Massimo de Angelis. *The Beginning of History: Value Struggles and Global Capital*. London: Pluto Press, 2007: 134.

⁴ Elinor Ostrom. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: CUP, 1990 / Элинор Остром. *Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности*. Изд. ИРИСЭН, 2010.

заблуждение о неизбежности такой поляризации позиций в связи с общим. Она систематизирует антропологические, социологические и исторические свидетельства, демонстрирующие, что в ходе непосредственного общения или в результате выработанных культурных норм общего пользования скотоводы с легкостью разрешили бы все возможные противоречия. Остром убедительно доказывает, что люди способны находить изобретательные, разумные, взаимовыгодные коллективные решения для управления ресурсами общего пользования. Ученая решила выяснить, в каких случаях таких решений удастся достичь, и при каких обстоятельствах вероятно неудача. Исследованные ею случаи «рушат убежденность многих аналитиков в том, что единственным решением в вопросах управления ресурсами общего пользования является либо приватизация, либо жесткое регулирование со стороны государства». Напротив, примеры Остром демонстрируют возможность «разнообразных вариантов смешения общественных и частных инструментов». Вооруженная этим выводом, она оказалась в состоянии оспорить позиции экономических ортодоксов, сводящих политику к неизбежности выбора между государством и рынком.

Однако большинство ее примеров рассматривали сообщества, включавшие не более сотни собственников. Более крупные сообщества (в самом крупном из ее примеров участвовало 15 тыс. человек) требовали многоуровневой (nested) структуры принятия решений, так как прямые переговоры между всеми участниками были невозможны. Это указывает на то, что именно многоуровневые, а значит в некотором смысле «иерархичные», формы организации необходимы для решения крупномасштабных проблем, таких как всемирное потепление. К сожалению, слово «иерархия» стало анафемой для здравого смысла (и Остром также опасается его использовать), но и среди большинства левых оно крайне непопулярно. Во многих радикальных группах единственной политически корректной формой организации счи-

тается негосударственная, неиерархичная и горизонтальная. Вопросы управления общими ресурсами в глобальных масштабах (например, та же проблема мирового народонаселения, беспокоившая Хардина) просто не обсуждаются, дабы не столкнуться с неизбежным выводом о возможной необходимости многоуровневой иерархичной системы принятия решений.

Очевидно, что перед нами стоит аналитически сложная «проблема масштаба». Решения по вопросам управления ресурсами общего пользования, адекватные для сообществ одного масштаба (например, право пользования общими водными ресурсами для сотни фермеров в малом речном бассейне), не могут быть применены к проблемам глобальным (таким как всемирное потепление) или даже к региональной проблеме токсичных выбросов теплоэлектростанций. По мере того, как мы перемещаемся между различными уровнями анализа, природа проблемы и перспектива ее успешного решения драматически меняются⁵. Решение, кажущееся оптимальным на одном уровне, не выдерживает критики на другом. Отличные решения на одном уровне (скажем, на «локальном») в совокупности не выливаются в хорошие решения на следующем уровне (к примеру, глобальном). Именно поэтому притча о скотоводах, рассказанная Хардином, содержит откровенный подвох: он использует пример функционирования частного капитала на уровне локального пастбищного хозяйства для объяснения глобальных проблем, как будто разницы уровней просто не существует.

И именно поэтому ценные уроки, извлеченные из опыта небольших коллективов экономической солидарности, практикующих общую собственность, не могут быть переведены в глобальные решения без использования многоуровневых — а, следовательно, иерархичных — организационных форм. К сожалению, как уже было отмечено, сегодня во многих сег-

---

⁵ Eric Sheppard and Robert McMaster, eds. *Scale and Geographic Enquiry*. Oxford: Blackwell, 2004.

ментах оппозиционных левых сил идея иерархии подвергнута анафеме. Организационный фетишизм (например, настаивание на полной горизонтальности) часто стоит на пути поиска приемлемых и эффективных решений⁶. Чтобы внести ясность — я не выступаю против горизонтальности как таковой, однако необходимо признать ее ограничения в качестве доминирующего организационного принципа и быть готовыми при необходимости использовать другие принципы.

В отношении связи между общими ресурсами и предполагаемыми ужасами «огораживания», инициированного государством, также существует много недопонимания. В глобальном масштабе может случиться, что некая форма огораживания часто является лучшим способом уберечь ценные ресурсы общего пользования. Это спорное высказывание отражает действительно противоречивую ситуацию. Например, для того, чтобы защитить *как* биоразнообразие, *так* и культуры коренного населения бассейна Амазонки, необходимо придать этим территориям статус заповедных. Только государство обладает ресурсами для защиты этих общих земель от мещански понятой демократии краткосрочных денежных интересов, готовых уничтожить общие природные ресурсы, превратив их в очередные соевые плантации и скотоводческие ранчо. Таким образом, не все формы огораживания должны быть бездумно отвергнуты. В нашем безжалостно коммерциализированном мире создание пространств, исключенных из (отгороженных от) товарного обмена, может быть оценено только положительно. Однако в нашем кон-

---

⁶ Единственный анархистский теоретик, серьезно занимающийся этой проблематикой, это Мюррей Букчин (Murray Bookchin). См.: *Remaking Society: Pathways to a Green Future*. Boston, MA: South End Press, 1990; и *Urbanization without Cities: The Rise and Decline of Citizenship*. Montreal: Back Rose Books, 1992. Книга Марины Ситрин (Marina Sitrin). *Horizontalism: Voices of Popular Power in Argentina*. Oakland, CA: AKPress, 2006) предлагает пылкую защиту анти-иерархической мысли. Также см.: Sara Motta and Alf Gunvald Nilson. *Social Movements in the Global South: Dispossession, Development and Resistance*. Basingstoke, Hants: Palgrave Macmillan, 2011. Ведущий теоретик анти-иерархических взглядов среди левых — Джон Галловэй (John Holloway). *Change the World without Taking Power*. London: Pluto Press, 2002).

кретном примере могут возникнуть и другие сложности: для сохранения биоразнообразия региона лучшим решением может быть сочтено выселение из лесов Амазонии коренных жителей (за что часто ратует Всемирный фонд дикой природы). То есть один ценный ресурс общего пользования сохраняется за счет утраты другого. Возводя забор вокруг заповедника, мы ограничиваем общественный доступ к нему. Однако преждевременно делать вывод о том, что лучший способ сохранить общий ресурс — это отказаться от другого ресурса. Существует достаточно аргументов в пользу того, что одним выстрелом можно «убить двух зайцев». Так, опыт проектов коллективного лесопользования, преследовавших двойную цель — развитие естественной среды обитания и культивацию леса при сохранении доступа к лесным ресурсам традиционных пользователей, показывает, что достижение подобных целей возможно взаимовыгодным образом. Хотя идею о защите общих владений посредством огораживания (ограничения доступа) приходится озвучивать с осторожностью, ее необходимо рассматривать как потенциально антикапиталистическую стратегию. И действительно, часто звучащий слева призыв к большей «автономии на местах» есть не что иное, как требование своеобразного огораживания.

Мы вынуждены признать, что вопросы общего пользования полны противоречий и как таковые всегда оспариваются. За этой борьбой лежат конфликтующие социальные и политические интересы. Действительно, «политика», как заметил Жак Рансьер, «это сфера деятельности в общем пространстве, которое постоянно является предметом спора»⁷. В конечном итоге, перед мыслителем часто встает необходимость принятия однозначного решения: на чьей ты стороне, чьи общие интересы ты стремишься защитить и какими средствами?

Так, богатые горожане сегодня имеют обыкновение

---

⁷ Jacques Rancière, процитировано в: Michael Hardt and Antonio Negri. Commonwealth. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009: 350.

укрывать от мира в жилых комплексах, окруженных заборами, создавая эксклюзивные общие пространства. В принципе, это ничем не отличается от сообщества пятидесяти фермеров, использующих для своих нужд один источник поливной воды. Богачи цинично описывают эти городские пространства, доступные только избранным, как традиционные деревенские общины. Так, Киерлэнд Коммонс в Фениксе, штат Аризона, рекламируется как «городская деревня с пространством для розничной торговли, ресторанов и офисов»⁸. Радикальные группы тоже создают пространства (иногда при помощи права частной собственности, когда коллективно покупается здание для использования в прогрессивных целях), способствующие продвижению общего дела. Зачастую коммуны или советы основывались внутри какого-либо защищенного пространства. Именно такими пространствами служили «народные дома», описываемые Маргарет Кон, имевшие важнейшее значение для политического активизма в Италии начала XX века⁹.

Не все ресурсы общего пользования подразумевают открытый доступ. Некоторые (как воздух, которым мы дышим) доступны всем, в то время как другие (вроде улиц наших городов) в принципе открыты для всех, но подвергаются регулированию, полицейскому надзору и даже частному управлению. Некоторые виды ресурсов общего пользования — как в нашем примере с пятьюдесятью водопользователями — изначально исключают определенные социальные группы. Большинство примеров, описанных в первой книге Остром, были именно этого последнего типа. К тому же в ее ранних исследованиях она ограничила свои изыскания только так называемыми «природными» ресурсами, такими как земля, лес, вода, рыба и т. п. (Я говорю «так называемые», потому что все ресурсы наделяются техноло-

---

⁸ Elizabeth Blackmar. Appropriating 'the Common': The Tragedy of Property Rights Discourse, in Setha Low and Neil Smith, eds. *The Politics of Public Space* New York: Routledge, 2006.

⁹ Margaret Kohn. *Radical Space: Building the House of the People*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003.

гическими, экономическими и культурными значениями, и как таковые социально обусловлены).

Остром и ее коллеги в дальнейшем начали исследования других форм общих благ, таких как генетические материалы, знание, культурное достояние и т. п. Эти блага сегодня тоже находятся под угрозой «огораживания» и коммерциализации. К примеру, общие культурные богатства превращаются в товар, вульгаризируются индустрией культурного наследия, превращающей их в аттракцион (Disneyfication). А вопрос распространения интеллектуальной собственности на генетические материалы и научные знания — один из самых горячо обсуждаемых сегодня. Проблема доступа к знаниям, которые должны быть общим достоянием, со всей очевидностью являет себя в общепринятой издательской практике платного доступа к статьям, опубликованным в научных и технических журналах. Проблема открытого доступа к знаниям за последние двадцать лет многократно оказывалась в центре огромного количества исследований, практических предложений, а также отчаянных юридических баталий¹⁰.

Культурные и интеллектуальные ресурсы общего пользования обычно не рассматриваются в логике дефицита, или же эксклюзивного использования, в отличие от большинства природных ресурсов. Мы все можем слушать одну и ту же передачу по радио или смотреть программу по телевидению, не истощая этот ресурс. Общие культурные блага, пишут Хардт и Негри, «динамичны и являют собой как продукт труда, так и средства будущего производства. Эти блага не ограничены землей, на которой мы обитаем, но также включают языки, созданные нами, социальные практики, основанные нами, способы общения, определяющие наши взаимоотношения и т. д.». Эти блага создаются постепенно и

---

¹⁰ Charlotte Hess and Elinor Ostrom. *Understanding Knowledge as a Commons: From Theory to Practice*. Cambridge, MA: MIT Press, 2006.

в принципе открыты всем¹¹.

Человеческое измерение города производится нашей деятельностью в городском пространстве, пусть даже «огороженном» и подчиненном частным или государственным интересам. Здесь важно подчеркнуть различие между общественными пространствами (public spaces) и общественными благами (public goods) с одной стороны, и пространствами и благами общего пользования — общим (commons) с другой. Общественные пространства и блага в городе всегда находились под управлением государственной власти, однако не всегда становились *общими*. На протяжении всей урбанистической истории общественные пространства и блага (такие как канализация, здравоохранение, образование и т. п.), финансируемые общественными или частными средствами, были необходимы для капиталистического развития¹². А поскольку города всегда были местом ожесточенной классовой борьбы, городская администрация просто была вынуждена обеспечивать общественные блага (доступное муниципальное жилье, здравоохранение, образование, мощные улицы, канализацию и водопровод) городскому рабочему классу. Хотя эти общественные пространства и блага имеют огромное значение для создания общего, только направленные политическое действие по их присвоению со стороны горожан преобразует *общественное* в *общее*. Общественное образование становится общим, когда социальные силы присваивают, защищают и укрепляют его для всеобщего блага (хороший пример — Ассоциации родителей и учителей в США). Площадь Синтагма в Афинах, площадь Тахрир в Каире и Пласа де Каталунья в Барселоне были общественными пространствами, которые превратились в общие, когда люди собрались там для выражения своих взглядов и предъявления политических требований. Улица это общественное место, ко-

---

¹¹ Hardt and Negri. Commonwealth: 137-9.

¹² Martin Melosi. The Sanitary City: Urban Infrastructure in America, From Colonial Times to the Present. Baltimore, MD: John Hopkins, 1999.

торое может преобразиться как в пространство революционного движения, так и в место кровавого подавления мятежа¹³. Ведется постоянная борьба за то, как, кем и в чьих интересах должно регулироваться производство и доступ к общественным пространствам и благам. Соперничество за присвоение общественных пространств и благ в городе для целей общего продолжается. Но для сохранения общего часто бывает необходимо защитить доступ к общественным благам, служащим основой для общего. Сокращение финансирования общественного в условиях неолиберальной политики ведет к оскудению ресурсов общего, вынуждая социальные группы изыскивать очередные способы его сохранения (сфера образования — тому пример).

Общее, таким образом, это не объекты, имущество или даже социальные процессы, а зыбкие и текучие социальные взаимоотношения между социальными группами и некоторыми аспектами их существующей и потенциальной социальной и/или физической среды, обязательные для жизни и обеспечения средств существования. Существует в некотором роде социальная практика *приобщения* (*commoning*). Эта практика производит или устанавливает социальные отношения с общим (*a common*), использование которого либо ограничено определенной группой, либо частично или полностью открыто для всех. В основе практики *приобщения* лежат принципы коллективности и отрицания коммерциализации приобщаемого блага, которое оказывается исключенным из логики рыночного обмена и рыночной ценности. Этот последний момент особенно важен, потому как позволяет провести различие между *общественным*, производимым в результате государственных вложений, которые могут быть государством возвращены или преумножены, и *общим*, которое создается и используется вне логики из-

---

¹³ Anthony Vidler. The Scenes of the Street: Transformations in Ideal and Reality, 1750-1871, in Stanford Anderson. On Streets: Streets as Elements of Urban Structure. Cambridge, MA: MIT Press, 1978.

влечения прибыли. Хотя не исключено, что использование общего ресурса может способствовать увеличению доходов социальной группы, заявляющей на него свое право. Общинный сад — хорошее дело вне зависимости от того, что в нем выращивают. Это, однако, не значит, что часть еды, в нем выращенной, не может быть продана.

Понятно, что разные группы могут осуществлять *приобщение* по разным причинам. Это возвращает нас к изначальному вопросу о том, какую группу следует или не следует поддерживать в ходе борьбы за *приобщение*. Ультра-богатые, в конце концов, тоже яростно защищают свое право на общие пространства своих жилых комплексов и имеют куда больше запала и сил для их создания и отстаивания.

Общее, даже (и в особенности) когда оно не может быть огорожено, всегда может быть продано, даже не являясь товаром. Например, особая атмосфера и привлекательность города является коллективным продуктом всех горожан, но туристическая индустрия капитализирует это общее для извлечения монополярной ренты (см. главу 4). Каждый в отдельности и все вместе, горожане создают социальный мир города своей каждодневной деятельностью и борьбой, образуя нечто *общее* как рамку, внутри которой возможно сосуществование всех. Хотя это культурное общее не может быть разрушено использованием, оно искажается и извращается злоупотреблением. Забитые трафиком улицы превращаются в общественное пространство, непригодное для использования даже водителями (не говоря уже о пешеходах и протестующих). Это ведет к ограничению доступа к общественной дорожной сети посредством сборов, — чтобы уменьшить нагрузку и обеспечить эффективное функционирование дорог. Такая улица не является общей. Но до массового распространения автомобиля улицы часто были общими — местом для общения, игровой площадкой для ребятни (я достаточно стар, чтобы помнить, что именно там мы проводили все время). Но такой тип общего был уничтожен и пре-

вращен в общественное пространство с появлением автомобилей. Городские власти пытаются возродить некоторые аспекты «более цивилизованного» общего и способствуют появлению в городах исключительно пешеходных улиц, уличных кафе, велосипедных дорожек, небольших парков, которые можно было бы использовать как игровые площадки и т. п. Однако подобные попытки создать новое городское общее зачастую легко капитализируются. Более того, общее даже намеренно создается именно в таких целях. Городские парки почти всегда увеличивают стоимость недвижимости, расположенной вблизи них (конечно, при условии, что за парком следят, и его не заполонили наркоторговцы и прочие проходимцы). Из-за недавно разбитого в Нью-Йорке парка Хай Лайн (High Line) стоимость жилья в прилегающих районах резко возросла, сделав недвижимость здесь недоступной для большинства горожан. Создание такого рода общественного пространства существенно снижает возможности его приобщения большинством горожан, за исключением самых богатых.

Суть проблемы заключается, согласно приведенному примеру из Хардина, не собственно в общем, а в противоречии между общими интересами и интересами, связанными с индивидуальной частной собственностью. Почему же мы тогда не обсуждаем частное владение скотом и эгоистичное поведение каждого отдельного скотовода, а озабочены общностью пастбища — как будто это основная проблема, требующая разрешения? В либеральной теории право частной собственности оправдывается тем, что оно якобы обеспечивает всеобщее благо, способствуя справедливому и свободному рыночному обмену. Всеобщее благо, как утверждал Гоббс, производится конкуренцией частных интересов, но ограниченной сильным государством. Подобная позиция, которой также придерживались либеральные теоретики Джон Локк и Адам Смит, продолжает проповедоваться по сей день. Правда, сегодня, хотя сами эти идеи при

необходимости насаждаются brutальной силой государства, проповедь направлена на ограничение роли государства. Всемирный банк (следуя теориям Эрнандо де Сото) уверяет нас, что проблема бедности будет решена, как только обитатели трущоб получают права частной собственности и доступ к микрофинансированию. Эти схемы микрофинансирования приносят кредиторам изрядную прибыль, в то время как должники кончают жизни самоубийством, оказываясь не в силах терпеть долговое рабство¹⁴. Но миф продолжает жить: стоит только дать свободу врожденным предпринимательским инстинктам бедноты, и она преодолет хроническую нищету: порочный круг будет разорван и всеобщее благополучие будет достигнуто. Такие же аргументы озвучивались в поддержку огораживания общинных земель в позднесредневековой Британии. И эти доводы не были полностью ошибочными.

Индивидуальная собственность, согласно Локку, это естественное право, возникающее, когда люди становятся способными производить, «перемешивая свой труд с землей». Плоды их труда принадлежат только им. В этом заключалась суть локковской версии трудовой теории стоимости¹⁵. В условиях рыночного обмена это естественное право собственности становится частью общественных отношений — индивидуальный производитель возвращает произведенную им стоимость в результате эквивалентного обмена стоимостями с другими индивидуальными производителями. Производительный труд, а также свободный и справедливый рыночный обмен произведенных этим трудом стоимостей — есть главный способ поддержания, умножения и усиления общественного значения частной собственности. Именно так, утверждает Адам Смит, строится богатство нации, и преумно-

¹⁴ World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography. Washington, DC: World Bank, 2009; Ananya Roy. Poverty Capital: Microfinance and the Making of Development. New York: Routledge, 2010.

¹⁵ Ronald Meek. Studies in the Labour Theory of Value. New York: Monthly Review Press, 1989.

жается общее благо. И в этом суждении он был отчасти прав.

Однако теория эта основана на предположении, что рынки свободны и справедливы. В классической политэкономии, согласно тому же Адаму Смиту, государство должно было гарантировать эту свободу и справедливость, в том числе посредством своего необходимого вмешательства. Однако из теории Локка вытекает одно нелицеприятное заключение. Выходит, что тот, кто не участвует в производительном труде, не может претендовать на собственность. Коренные народы Северной Америки были лишены права собственности «продуктивными» колонистами, оправдывавшими свои действия тем, что местные жители, мол, ничего не производили¹⁶.

Как ко всему этому относится Маркс? Маркс принимает локковское допущение в первых главах «Капитала» (хотя и иронизирует, например, по поводу популярного в политэкономии мифа о Робинзоне Крузо, — мифа, ожидающего от человека в «естественном состоянии» предприимчивого поведения прирожденного британца)¹⁷. Однако когда Маркс переходит к обсуждению того, как рабочая сила превращается в товар, продаваемый и покупаемый на рынке, допущение Локка предстает не более чем выдумкой: система, основанная на эквивалентном обмене стоимостями, производит излишки стоимости для капиталиста, владеющего средствами производства, в результате эксплуатации рабочей силы в процессе производства (а не в результате рыночного обмена, который может регулироваться буржуазными правами и конституциями).

Логика Локка еще более дискредитируется, когда Маркс поднимает вопрос коллективного труда. В мире, где отдельные ремесленники владеют собственными средствами производства и участвуют в обмене на относительно свободных рынках, выдумка Локка, может, и имела бы смысл. Но

---

¹⁶ Ellen Meiksins Wood. *Empire of Capital*. London: Verso, 2005.

¹⁷ Маркс К. Капитал. Том 1. Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 82-83.

развитие фабричной системы, начавшееся в конце XVIII века, сделало умозаключения Локка неактуальными. На фабрике труд организован коллективно. Если в результате такого труда и возникает некое естественное право собственности, то это право, конечно же, должно быть коллективным, а не индивидуальным. Определение труда как источника стоимости, на котором базируется теория частной собственности Локка, теперь должно быть применено не к отдельному индивиду, а к коллективному рабочему. Коммунизм наступит тогда, когда станет возможным «союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу»¹⁸. Маркс, таким образом, выступает не за государственную собственность, а за форму собственности, закрепленную за коллективным рабочим, производящим общее благо.

О том, как такая форма собственности возникает, можно понять, если обернуть аргументы Локка о происхождении стоимости против его собственных рассуждений. Предположим, предлагает Маркс, что капиталист запускает производство с капиталом в тысячу долларов, за первый год ему удастся заработать двести долларов благодаря труду рабочих, и он использует эту прибыль для собственных нужд. Через пять лет эта тысяча должна уже принадлежать коллективу работников, так как это именно их труд произвел прибавочную стоимость. Капиталист же вернул себе свое первоначальное вложение. Согласно этой логике, как и в случае с коренным населением Северной Америки, капиталисты должны быть лишены права собственности, так как они не участвуют в производительном труде.

Хоть эта идея и кажется возмутительной, именно она лежала в основе плана Мейднера в Швеции конца 1960-х¹⁹. Согласно этому плану, в обмен на ограничение требований

---

¹⁸ Там же. С. 86.

¹⁹ Robin Blackburn. Rudolph Meidner, 1914-2005: A Visionary Pragmatist. Counterpunch, December 22, 2005.

профсоюзов о повышении зарплат предполагалось ввести налог на прибыль корпораций, доход от которого помещался бы в фонд, подконтрольный рабочим. Собранные таким образом деньги планировалось инвестировать в производство, что в конечном счете привело бы к полному его приобретению коллективом трудящихся. Капиталисты отчаянно сопротивлялись этой идее, и план так и не был осуществлен. Однако к этой идее стоит вернуться. Главный вывод — коллективный производительный труд является основанием для коллективных, а не частных прав на собственность. Стоимость, равная общественно необходимому времени труда, и есть капиталистическое общее, выраженное в деньгах, универсальном эквиваленте, в котором измеряется общее богатство. Общее, таким образом, не есть утраченная мифическая сущность, а то, что — как и общее в городе — постоянно производится коллективным трудом. Капитал, однако, с тем же постоянством присваивает и «огораживает» это общее, превращая его в деньги или товар.

В городском контексте такое присвоение происходит в основном посредством извлечения арендной платы за землю и недвижимость²⁰. Сообщество, стремящееся сохранить культурную самобытность своего района от натиска джентрификации, вдруг обнаруживает, что цены на жилье (и налоги) постоянно растут, в то время как агенты по недвижимости «продают» эту самую самобытность в обертках мультикультурализма и разнообразия своим богатым клиентам. Когда жернова машины джентрификации закончат вращаться, коренные жители будут вытеснены из района возросшей арендной платой и налогами на имущество, а отобранное у них общее пространство преобразится до неузнаваемости. Так называемая «ревитализация» (оживление) жилых массивов Южного Балтимора посредством джентрификации вытеснила из района всю оживленную уличную жизнь. Там,

---

²⁰ Хардт и Негри недавно возродили общий интерес к этой важной идее (Common wealth: 258).

где когда-то люди сидели на крыльцах своих домов теплыми летними вечерами, общаясь с соседями, — теперь пустынные улицы с фешенебельными кондиционированными домами, у которых припаркованы BMW. «Оживление» на деле оказалось умерщвлением. Эта судьба также постигла Христианию в Копенгагене, район Святого Павла в Гамбурге, Вильямсбург и Дамбо в Нью-Йорке. И именно так было уничтожено Сохо.

Эта история проясняет природу трагедии городских ресурсов общего пользования нашего времени. Творцы динамичной городской среды теряют эту среду вследствие захватнических практик дельцов от недвижимости, финансистов и богатых потребителей. Чем самобытнее созданное социальной группой общее, тем более вероятно, что это общее будет присвоено алчными чужаками.

Однако здесь стоит отметить один аналитический аспект. В представлении Маркса коллективный труд был большей частью ограничен фабричными стенами. Что если мы расширим эту концепцию и вообразим, как предлагают Хардт и Негри, что весь город это огромное общее пространство, произведенное коллективным трудом? В таком случае право использовать это общее пространство, конечно же, должно принадлежать всем участникам его производства. Борьба за право на город выступает против власти капитала, безжалостно паразитирующего на городе и общей жизни, построенной горожанами. Она напоминает нам, что настоящая проблема лежит в частном характере права на собственность и во власти присваивать коллективный труд и его плоды. Другими словами, проблема не в собственно общих пространствах, а в отношениях между их создателями и теми, кто эти пространства присваивает для личной наживы. Значительная часть коррупционных схем в городской политике связана с общественными инвестициями в проекты по обустройству общественных пространств, которые, однако, на деле способствуют продвижению интересов привилегированных собственников. Граница между городскими

общественными и общими благами зыбка и опасно пориста. Слишком часто проекты по развитию субсидируются государством во имя общих интересов, в то время как на самом деле выгоду из них извлекает горстка землевладельцев, финансистов и девелоперов.

Каким же образом создается город как общее? Механизм приобщения на местном уровне вполне понятен. Приобщение происходит в результате частных инициатив по присвоению экстерналий (побочных эффектов городской жизни), в итоге какая-то часть жизненной среды оказывается вне рынка. Местные власти могут быть задействованы в этом процессе через свои регулирующие действия, кодексы, стандарты и инвестиции, в то время как формальные или неформальные локальные организации могут быть представлены ассоциациями местных жителей, более или менее активными и воинственными. Зачастую левые продвигают свои интересы через территориальные стратегии и огораживания городских пространств. Так, профсоюзные лидеры разнорабочих Балтимора объявили весь район Внутренней Гавани «зоной прав человека» — общим пространством, где каждому должны платить не менее прожиточного минимума. Федерация местных ассоциаций в Эл-Альто стала оплотом восстаний 2003-го и 2005-го годов, когда весь город коллективно поднялся против существующей власти²¹. Огораживание внутри городского пространства — эффективная временная политическая мера для достижения общих политических целей.

В то же время, как точно заметил Маркс, стремление капитала к максимизации прибыли в условиях конкуренции приводит к тому (как и в примере Хардина), что «...всякий процесс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении ее плодородия на данный срок есть в то же время прогресс в разрушении

---

²¹ United Workers Organization and the National Economic and Social Rights Initiative. *Hidden in Plain Sight: Workers at Baltimore's Inner Harbor and the Struggle for Fair Development*. Baltimore and New York, 2011.

постоянных источников ее плодородия. Чем более известная страна, как, например, Соединенные Штаты Северной Америки, исходит от крупной промышленности как базиса своего развития, тем быстрее этот процесс разрушения. Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего»²².

Так же и капиталистическая урбанизация приводит к разрушению города как социального, политического и обитаемого общего пространства.

Эта «трагедия» схожа с той, которую описывает Хардин, однако источники ее совершенно иные. Как было отмечено выше, нерегулируемое частное накопление капитала неминуемо грозит разрушить два главных ресурса для производства общего: трудящегося и землю. Но земля, обитаемая нами, — тоже продукт коллективного человеческого труда. Урбанизация связана с постоянным процессом создания городского общего и его постоянным присвоением и разрушением со стороны частных интересов. При современных темпах роста (обычно удовлетворительный темп составляет как минимум три процента в год) эта двойная угроза окружающей среде (как «естественной», так и построенной) и труду постоянно увеличивает свои масштабы и интенсивность²³. Достаточно вспомнить разруху в Детройте, чтобы прочувствовать насколько опустошительным может быть этот процесс.

Интересно отметить, что городским общими пространствам присущи все политические противоречия других общих пространств, но в крайне концентрированной форме. Возьмем, к примеру, вопрос смены масштаба политической организации с уровня района на уровень мегаполиса. Традиционно вопросы ресурсов общего пользования на уровне крупных городов регулировались механизмами государ-

---

²² Маркс К. Капитал. Том 1. С. 509-510.

²³ David Harvey. *The Enigma of Capital, And the Crises of Capitalism*. London: Profile Books, 2010.

ственного планирования — в целях эффективного обеспечения городского населения услугами, такими как водопровод, транспорт, канализация, пространство для досуга. Здесь левый анализ звучит неубедительно и оставляет непроясненным вопрос перехода с локального уровня на региональный и далее на глобальный. Многим левым все еще наиболее комфортно мыслить и действовать на микроуровне.

Кое-какие противоречия можно прояснить, если обратиться к недавним теоретическим работам об общем. Остром, к примеру, дает своей Нобелевской лекции, в основном посвященной анализу примеров на микроуровне, подзаголовок «Полицентрическое управление сложными экономическими системами», намекая тем самым, что у нее есть решения для проблем ресурсов общего пользования на всем спектре анализа. Однако выясняется, что Остром полагается на то, что «при использовании ресурсов общего пользования более сложноорганизованной общественной экосистемой деятельность по управлению этими ресурсами может быть организована на множестве встроенных друг в друга уровней», но при условии отсутствия в этой схеме какой-либо централизованной иерархичной структуры²⁴.

Здесь важно выяснить, как подобная полицентрическая система управления (или нечто аналогичное конфедерации либертарных муниципалитетов, предложенной Мюрреем Букчином), может работать на практике, и так же важно удостовериться, что она не является прикрытием для чего-то другого. Это относится не только к аргументам Остром, но и ко многим другим радикальным левым предложениям по решению проблемы ресурсов общего пользования. Поэтому здесь необходим критический подход.

Остром пояснила свой тезис, основанный на результатах долгосрочного исследования обеспечения общественных благ в муниципалитетах, в докладе на конференции по миро-

---

²⁴ Elinor Ostrom. *Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems*. *American Economic Review* 100 (3): 200, 641-72.

вому изменению климата²⁵. Долгое время преобладало мнение о том, что обеспечение общественных благ городскими властями — более эффективно и целесообразно, чем делегирование этой функции множеству местных администраций. Однако исследования последовательно демонстрируют, что это не так. Все потому, что гораздо легче организовать коллективную деятельность с активным участием местных жителей в малых юрисдикциях. И наоборот — чем крупнее административная единица, тем сложнее добиться прямого участия. Остром закончила цитатой Эндрю Санктона, напоминающей нам о том, что «муниципалитеты это не просто органы, предоставляющие услуги. Это демократические механизмы, посредством которых территориально-основанные сообщества людей обустроивают жизнь в своих районах посредством самоуправления... настаивающие на укрупнении муниципалитетов уверяют, что это мотивировано желанием укрепить их. Такой подход, пусть он и произведен благими намерениями, подрывает фундамент наших либеральных демократий, ставя под сомнение эффективность форм самоуправления, существующих вне институтов центрального правительства»²⁶.

Но кроме соображений эффективности и целесообразности, есть и другие причины отдать предпочтение организациям, работающим на местном уровне и не поддающимся логике рынка.

«В то время как крупные единицы являлись частью эффективного управления городом», делает заключение Остром, «единицы мелкого и среднего масштабов также были необходимыми компонентами». Конструктивная роль этих мелких единиц, утверждает она, «должна быть серьезно переосмыслена». Возникает вопрос — как структурировать

---

²⁵ Elinor Ostrom. Polycentric Approach for Coping with Climate Change. Background Paper to the 2010 World Development Report. Washington, DC: World Bank, Policy Research Working Paper 5095, 2009.

²⁶ Andrew Sancton. The Assault on Local Government. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2000: 167 (cited in Ostrom. Polycentric Approach for Coping with Climate Change).

отношения между этими единицами. Ответ, который в свою очередь предлагает Винсент Остром, — «полицентрический режим», в котором «множество элементов способны подстраиваться друг под друга внутри общей системы правил, где каждый элемент действует независимо от остальных»²⁷.

Что не так в этой картине? Это умозаключение зиждется на так называемой «гипотезе Тибо (Tiebout)». Тибо предложил модель фрагментированного городского образования, в котором множество юрисдикций предлагали бы собственные местные режимы налогообложения и пакеты социальных услуг своим резидентам, имеющим возможность «проголосовать ногами» и выбрать комбинацию налогов и услуг, наилучшим образом соответствующую их нуждам и предпочтениям²⁸. На первый взгляд, такое предложение выглядит очень привлекательно. Однако существует проблема: чем ты богаче, тем легче тебе «голосовать ногами» и купить недвижимость или землю в предпочтительном районе. Более высокое качество общественного образования может быть обеспечено за счет высоких цен и налогов на недвижимость, но бедняки лишены возможности выбора и, как следствие, обречены жить в бедных районах с плохими школами. В результате воспроизводятся классовые привилегии. Таким образом, полицентрическое управление довольно хорошо вписывается в неолиберальную стратегию социального-классового воспроизводства.

Как и многие другие, еще более радикальные, концепции децентрализации и автономии, предложение Остром заводит нас в ловушку. Неолиберальная политика всячески способствует как административной децентрализации, так и увеличению местной автономии. Хотя такая политика создает пространство, внутри которого радикальные силы могут

---

²⁷ Vincent Ostrom. Polycentricity — Part 1 in Michael McGinnies, ed. Polycentricity and Local Public Economies, Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1999 (cited in Ostrom. Polycentric Approach for Coping with Climate Change).

²⁸ Charles Tiebout. A Pure Theory of Local Expenditures. Journal of Political Economy 64: 5 (1956): 416-24.

довольно свободно взрастить семена революции, контрреволюционный захват Кочабамбы реакционными силами во имя автономии в 2007 году показывает, что восторженное поклонение левых локализму и автономии проблематично. В США лидеры кливлендской инициативы, восхваляемой как пример коммунарской автономии в действии, поддержали избрание праворадикального губернатора-республиканца, настроенного против профсоюзов.

Децентрализация и автономия — главные инструменты производства неравенства в условиях неолиберализма. Так, в штате Нью-Йорк были признаны неконституционными существенные различия в качестве общественного образования между юрисдикциями с разным составом населения. В соответствии с судебным решением штат должен был обеспечить унификацию качества предоставляемого образования. Штат распоряжения не выполнил, ссылаясь на кризисную ситуацию в экономике. Однако тут важно отметить, что суд оказывается в состоянии указать исполнительным органам штата на нарушение конституционных прав по обеспечению равного доступа к образованию именно в силу своего иерархически более высокого положения внутри многоуровневой системы. Остром не исключает такого регулирования сверху. Отношения между независимыми и автономно функционирующими сообществами должны как-то устанавливаться и регулироваться (здесь она отсылает к «установленным правилам» Винсента Острома). Однако важно уточнить, как и кем эти правила сверху будут устанавливаться, а также каковы способы демократического контроля над ними. Такие правила или практики, основанные на опыте, необходимы для обеспечения жизни в городе. К тому же такие правила должны не только создаваться — необходимо также обеспечивать их соблюдение. Несоблюдение таких правил может привести к последствиям, обратным желаемым. Так, в «полицентрической» Еврозоне все члены союза должны были соблюдать правила, ограничивающие их бюджетные дефициты.

Когда большинство из них нарушило это правило, справиться с фискальным дисбалансом между государствами стало невозможно. Попытки заставить государства следовать поставленным целям по снижению выхлопов углекислого газа, похоже, тоже безнадёжная затея.

<...>

Как может радикальная децентрализация работать в отсутствие некоей власти, устанавливающей правила сверху? Наивно полагать, что полицентризм или любая другая форма децентрализации может функционировать без сильных иерархических ограничений и активного принуждения к соблюдению правил. Большая часть радикальных левых — особенно анархических и автономистских убеждений — не могут ответить на этот вопрос. Вмешательство государства (не говоря уже о принуждении или полицейском контроле) неприемлемы для них, а легитимность буржуазной конституции отвергается. Вместо этого лелеется смутная и наивная надежда, что социальные группы, удовлетворительно организовавшие свои отношения с ресурсами общего пользования на местном уровне, найдут способ наладить коммуникацию и сотрудничество с другими группами. Для такого сотрудничества локальные группы должны будут пожертвовать накопленными преимуществами, демократично распределёнными внутри группы, чтобы выручить чужаков, бедствующих в результате собственных неверных решений или неудач. История показывает, что подобное перераспределение может осуществляться только случайно или одноразово. Таким образом, ничто не сможет предотвратить рост социального неравенства между сообществами. Это как нельзя точнее соответствует неолиберальному проекту, не только защищающему, но и отдающему предпочтение структурам классовой власти.

Мюррей Букчин хорошо осознаёт такую опасность: «повестка либертарного муниципализма может легко ока-

заться в лучшем случае пустой, а в худшем использоваться в сугубо местных интересах», — пишет он. Решение этой проблемы он находит в «конфедерализме». В этой модели муниципальные ассамблеи, функционирующие как прямые демократии, формируют основу для политической деятельности, а государство заменено «конфедеративной сетью муниципальных ассамблей; экономика корпораций сведена к настоящей политической экономии, в которой муниципалитеты, взаимодействующие друг с другом как по политическим, так и по экономическим вопросам, будут решать свои материальные проблемы как гражданские органы в открытой ассамблее». Эти конфедеративные ассамблеи будут управляться политиками, определенными в муниципальных ассамблеях, и их делегаты будут подотчетны муниципальным ассамблеям. Конфедеративные советы это «способ связать деревни, поселки, жилые районы и города в конфедеративную сеть. Власть, таким образом, проистекает снизу вверх, а не сверху вниз, да и значение этой направленной снизу вверх власти в конфедерациях будет уменьшаться в силу территориального охвата федерального совета, который включает объединения от местных и региональных до более обширных территориальных категорий»²⁹.

Предложение Букчина является наиболее разработанной радикальной моделью коллективного пользования общими благами на различных уровнях администрации, и его стоит дальше обсуждать и разрабатывать как часть радикальной антикапиталистической повестки.

И вопрос этот имеет неотложный характер, потому что последние тридцать лет мы наблюдаем ожесточенное наступление неолиберализма на общественные блага. Это сопутствовало тотальному уничтожению организованного рабочего движения в 1970-е годы (от Чили до Великобритании), но также это неолиберальное наступление оказало и прямое

---

²⁹ Murray Bookchin. *Urbanization without Cities: the Rise and Decline of Citizenship*. Montreal: Black Rose Books, 1992: Chapters 8 and 9.

влияние на стоимость общественного воспроизводства рабочей силы. Капитал издавна предпочитал относиться к стоимости социального воспроизводства труда как к экстерналии — издержке, за которую он не несет никакой рыночной ответственности. Однако социально-демократическое движение и реальная угроза коммунистической альтернативы вплоть до 1970-х годов в развитом капиталистическом мире заставляли капитал считаться с некоторыми издержками общественного воспроизводства рабочей силы, также как и с издержками, связанными с причинением вреда окружающей среде. Цель же неолиберальной политики, начиная с 1980-х годов, — перенести эти издержки на глобальное общее, включающее как ресурсы общественной репродукции, так и окружающую среду, создавая, таким образом, нечто вроде отрицательного общего, в условиях которого вынуждены жить целые народы. Вопросы общественного воспроизводства, гендера и общего взаимосвязаны³⁰.

Реакцией капитала на экономический кризис 2007 года стало претворение драконовского глобального плана затягивания поясов, ограничивающего общественные блага, связанные с социальным воспроизводством и защитой окружающей среды. Капитал также использовал кризис, дабы упростить хищническое присвоение общего как необходимое условие восстановления роста. Использование политического влияния, к примеру, для апроприации общественных пространств в личных целях — классический пример государственного спонсорства частных интересов.

От Калифорнии до Греции кризис привел к утрате городских активов, прав и социальных привилегий для большей части городского населения, вкуче с ужесточением хищнической власти капитала над беднейшими и маргинализированными слоями населения. Была развернута полномасштабная атака на репродуктивные и экологические ресурсы общего

---

³⁰ Silvia Federici. Women, Land Struggles and the Reconstruction of the Commons. Working USA: The Journal of Labor and Society 14 (2011): 41-56.

пользования. Более 2 миллионов человек, живущих на менее чем 2 доллара в день, вовлекается в хищнические схемы микрофинансирования. То же произошло и на рынке жилья в США, где ипотечные кредиты с большой процентной ставкой оставили многих без права выкупа закладной и жилья <...>. Экологические ресурсы общего пользования также находятся под угрозой, в то время как предлагаемые ответы (такие как торговля квотами на вредные выбросы и новые эко-технологии) используют инструменты накопления капитала и спекулятивного рыночного обмена, которые и привели нас к экологическому кризису. Неудивительно поэтому, что бедность не исчезла, а наоборот, количество бедных постоянно растет. Хотя Индия и могла похвастаться значительными темпами роста экономики в период кризиса, количество миллиардеров в стране подпрыгнуло с 26 до 69 за последние три года, в то время как количество обитателей трущоб почти удвоилось за последнее десятилетие. Городской ландшафт отражает это шокирующее неравенство — роскошные кондиционированные кондоминиумы поднимаются среди разрухи и нищеты трущоб.

Механизмы, ограничивавшие хищнические практики накопления, были демонтированы, что привело к необузданности финансовых спекуляций капиталистической урбанизации. Урон, причиненный этими процессами, может быть компенсирован только обобществлением прибавочного продукта и его справедливым перераспределением, а также созданием нового общего благосостояния, открытого и доступного всем.

В этом контексте возрождение риторики и теории ресурсов общего пользования приобретает особую значимость. Если предоставляемые государством общественные блага приходят в упадок или становятся инструментом частной наживы (как происходит с системой образования), или если государство самоустраняется от их предоставления, остается одна возможность — население должно самоорганизоваться и обеспечить себе собственные общие

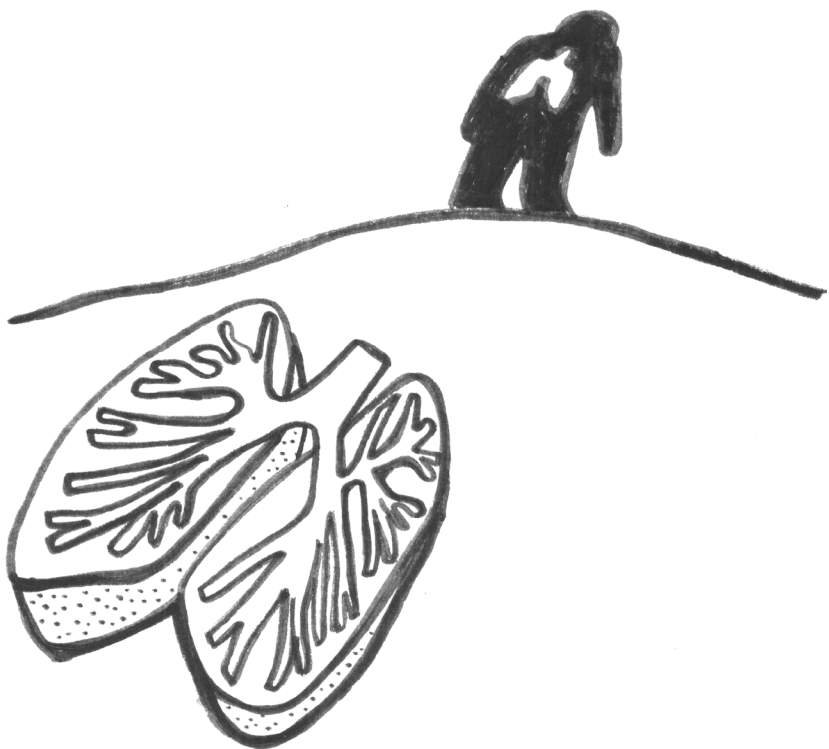
пространства и блага (как это произошло в Боливии, см. главу 5). Политическое осознание того, что общее может производиться, сохраняться и использоваться в общественных интересах, становится основой сопротивления капиталу и переосмысления всей антикапиталистической политики.

Не суть важно, какая комбинация институциональных механизмов будет использована, — важно, чтобы в результате объединенного политического действия были найдены решения проблемы разрушительного влияния капитала на воспроизводство рабочей силы и сохранение земельных ресурсов. В этой коллективной борьбе будет играть ключевую роль «богатый набор инструментов», который начала определять Элинор Остром. И эти инструменты не могут быть ограничены только общественными и частными, но с необходимостью будут включать и все другие способы управления и пользования общим — коллективные и ассоциативные, многоуровневые, иерархические и горизонтальные, эксклюзивные и открытые. И все эти способы должны сыграть ключевую роль в определении и организации производства, распределения, обмена и потребления таким образом, чтобы удовлетворить все человеческих потребности и желания на антикапиталистической основе. Этот богатый набор инструментов еще необходимо подобрать и испытать.

Политический вопрос возвращения общего должен быть интегрирован в антикапиталистическую борьбу. К сожалению, идея общего (как и требование права на город) с такой же легкостью присваивается существующей политической властью, с какой риелторы извлекают прибыль из самого общего. Нужно найти изобретательные способы использования коллективного труда для общего блага и сохранения производимых стоимостей под контролем самих производителей.

Для этого необходимо атаковать политическую систему в двух направлениях. С одной стороны — нужно требовать от государства большего обеспечения общественных нужд и

предоставления общественных благ, а с другой — путем самоорганизации всего населения приобщать этих общественные блага, превращая их в исключенное из логики рыночного обмена общее. Создание общего в таких городах, как Мумбай, Сан-Паоло, Йоханнесбург, Лос-Анджелес, Шанхай и Токио, становится центральным вопросом для демократических социальных движений. Но для этого необходимо гораздо больше воображения и искренности, чем могут предложить сегодня даже самые радикальные теории общего, тем более на фоне постоянного присвоения общего капиталистической урбанизацией. Роль городских общих пространств и благ в формировании городов и в городской политике только сейчас начинает ясно осознаваться и прорабатываться как в теории, так и на практике радикальных движений во всем мире. Предстоит еще много работы, но многочисленные городские социальные движения по всему миру указывают на то, что критическая масса политической энергии уже накоплена, и эта работа будет осилена.

Называли когда-то оргией,
Называли когда-то мистерией
Избавление лёгкой энергии
Из плена тяжёлой материи.

Аскеза — долг наслаждения,
Мистереальный путь
К опыту освобождения
От органических пут.

Пролетарский интернационализм: кооператив «Интергельпо»

«Интергельпо» — историческая справка

Уже перед Первой мировой войной в Европе начали звучать призывы к объединению рабочих разных стран в борьбе с капитализмом и милитаризмом. Одним из таких призывов был лозунг чехословацких социалистов «Ни одного солдата и ни одной копейки для милитаризма!»¹. Победа революции в России, несмотря на разорительные последствия мировой и гражданской войн, привлекла внимание интернационалистов по всему миру. Призыв Ленина о помощи в развитии первого социалистического государства, переведенный на многие европейские языки, разошелся по всем го-

---

¹ Самуэль И. Интергельпо. Чехословацкий промысловый кооператив в Киргизии. М. — Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1935. С. 9.

Рудольф Маречек выступает на митинге по вербовке в «Интергельпо» в г. Врутке. 1923.
ЦГА КФФД КР

родам Европы. В 1923 году, в ответ на этот призыв в чешском городе Турчанский Святой Мартин, Рудольф Маречек с группой единомышленников начали создавать промышленный кооператив «Интергельпо» (взаимопомощь на интернациональном языке идо). За счет членских взносов кооператив должен был приобрести станки и прочее промышленное оборудование и покрыть дорожные расходы на поездку в Советскую Киргизию более чем для тысячи человек.

Помимо стремления оказать СССР содействие в деле индустриализации, коммунары-интернационалисты имели и еще одну цель: кооператив должен был стать основой новой жизни вдали от капиталистического угнетения. Начать эту новую жизнь, по мнению членов кооператива, можно было только на новом месте. Своеобразной «*tabula rasa*» стало Семиречье, в частности Кыргызстан, куда в 1925 году и направились несколько сотен коммунаров с оборудованием для будущих фабрик. Уже в 1926 году ими было запущено несколько предприятий, на которых работали чехи, словаки, венгры, немцы, поляки, русские и др. Всего в Кыргызстан

с 1925 по 1932 гг. прибыл 1081 человек². В январе 1935 года в состав кооператива «Интергельпо» входили следующие предприятия: суконная фабрика, кожевенный завод, механические мастерские с токарным, кузнечным и литейными цехами, столярно-мебельные мастерские, строительный цех, а также продовольственная база, сапожная и портняжная мастерские³.

Помимо производственных сооружений, интергельповцы построили жилые дома и социально-культурные объекты: одноименный поселок (ныне улица Интергельпо), «Рабочий городок», клуб, школу, парк, детский сад. Все эти объекты до сих пор сохранились, некоторые — с изменением первоначальной функции.

В конце 1930-х — начале 1940-х гг., пройдя через ряд преобразований, интернациональный кооператив «Интергельпо» был ликвидирован. В 1939-м текстильное предприятие было передано Министерству текстильной промышленности Киргизской ССР, а кожевенный завод перешел в распоряжение Министерства легкой промышленности. В 1940-м от «Интергельпо» отделилась часть текстильного производства и швейная мастерская, оформившись в новый кооператив «Текстиль», который позднее, в 1952-м, также вошел в структуру Министерства легкой промышленности. В 1941-м «Интергельпо» был разделен на два кооператива — «Металлозавод-Интергельпо» и «Мебельщик-Интергельпо»⁴. В начале войны в механических мастерских кооператива был размещен эвакуированный из украинского города Осипенко (Бердянск) Первомайский завод, на базе которого был создан завод сельскохозяйственного машиностроения им. Фрунзе⁵. Заводу впоследствии был передан клуб, а детский сад и ясли

---

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 36.

⁴ Кокайсл П., Усманов А. История Кыргызстана глазами очевидцев. Прага, 2012. С. 176.

⁵ Великая Отечественная. Киргизия. Тыл. Только цифры // ИА «24.kg». <http://arch.24.kg/pobeda65/73623-velikaya-otechestvennaya-kirgiziya-tyl-tolkocifry.html>

После постройки жилого дома в рабочем поселке «Интергельпо» во Фрунзе. ЦГА КФД КР

остались на балансе Союза промышленных кооперативов Киргизской ССР⁶, в состав которого, по-видимому, входили все промышленные кооперативы республики.

Мифы об «Интергельпо»

«...многие говорили о «Интергельпо», но почти никто уже не знал, что же он представлял из себя в действительности»⁷

Несмотря на то, что кооператив «Интергельпо» тщательно документировал свою историю, а в Бишкеке до сих пор живут потомки первых коммунаров, история чехословацкого объединения обросла множеством мифов. Возможно, эти мифы появились в результате значительных трансформаций в социально-экономической и политической действительности современного Кыргызстана — изменилась идеологическая оптика, через которую рассматривается история кооператива.

В наиболее распространенных мифах члены коопера-

⁶ Кокайсл П., Усманов А. История Кыргызстана глазами очевидцев. С. 176.

⁷ Там же. С. 177.

тива описываются как некие «беглецы». Например, в фильме «Мифы нашего города. Загадка «Интергельпо» говорится, что «они (интергельповцы) за свой счет приехали в нашу страну, скрываясь от коммунистической власти», не «желая, видимо, следовать принципу «от каждого по способностям, каждому по труду»⁸. Кроме того, членов кооператива и их потомков часто упоминают как «хранителей» этнической культуры, языка и идентичности. Во всех документальных фильмах об «Интергельпо»⁹ история кооператива и его вклад в развитие Бишкека намерено экзотизируется: на первый план выдвигаются традиционные словацкие блюда, европейские танцы и регулярные воссоединения «земляков», а сами потомки интергельповцев идентифицируют себя как чехов, словаков и венгров, утративших связь с «этнической родиной». Наконец, интергельповцы часто представляются промышленными первооткрывателями Кыргызстана, которые приехали «на пустое абсолютно место»¹⁰ и «распространили на территории Кыргызстана кооперативное движение»¹¹.

Однако даже самый поверхностный анализ истории кооператива выявит несостоятельность этих мифов. Члены кооператива в подавляющем большинстве были «коммунисты, революционные рабочие»¹², откликнувшиеся на призыв Ленина оказать помощь советскому государству. «Интергельпо» сыграл важную роль в деле индустриализации Фрунзе и создании городской социально-культурной инфраструктуры, однако деятельность кооператива встраивалась в более обширную программу индустриального и социального развития региона. В годы первой пятилетки (1928-1932) в Кыргызстане были введены в строй «десятки заводов,

---

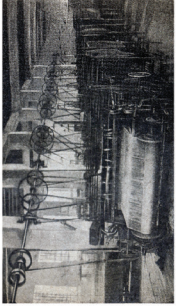
⁸ Фильм «Мифы нашего города. Загадка «Интергельпо». Мин. 00:29. <http://www.blive.kg/video:78201/>

⁹ См., например, фильм «Дом интернационалов». <http://namba.kg/#!/video/154374/>

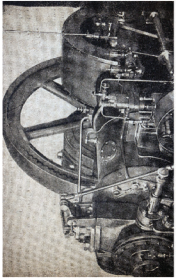
¹⁰ Там же. Мин. 04:27.

¹¹ Там же.

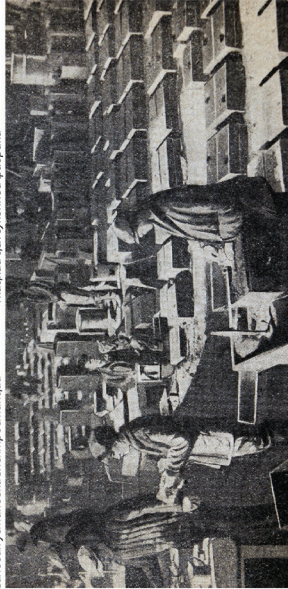
¹² Самуэль И. Интергельпо. Чехословацкий промысловый кооператив в Киргизии. С. 7.

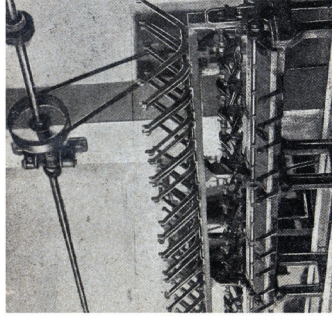
Ткацкий цех суконной фабрики

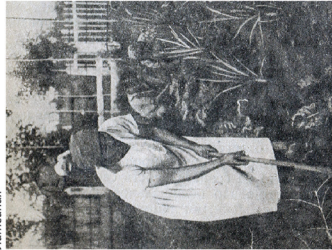
Силовая установка электростанции

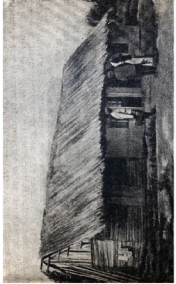
Литейная

Шпулярная машина (Светлана Петликом в «Интергельпо»)

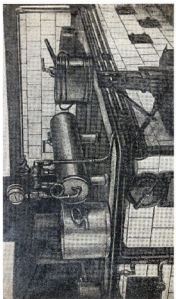
Работы на оворобе

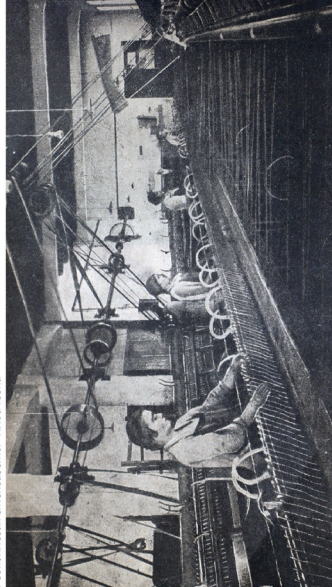
Первый жилой дом

Редколлегия стенькавцы «Ильичевка»

Кухня столовой

Ткацкий цех суконной фабрики

В коллаже использованы фотографии из книги И. Самуэля «Интергельпо» — чехословацкий промышленный кооператив в Киргизии» (1935). Подписи к фотографиям повторяют оригинальные подписи из книги. Коллаж: Галина Васильченко

рудников, шахт, среди них — крупные предприятия пищевой промышленности: мельничный и мясоконсервный комбинаты, эфирный, сахарный и ферментационный заводы. В эти же годы в республике появились первенцы тяжёлой индустрии: механический завод ДЭС № 1, малая АГЭС, механический завод и рудник в Кок-Янгаке»¹³. Более того, с первых дней работы и до самой ликвидации «Интергельпо» получал широкую поддержку киргизского советского правительства, в первую очередь финансовую, выражавшуюся в долгосрочных ссудах на развитие производства¹⁴.

Наконец, коммунары видели себя носителями не национальных культур, а новой интернациональной пролетарской культуры¹⁵.

«Интергельпо» и новая пролетарская культура

«Мы строим в Советском Союзе новую жизнь, очищенную от всего, что нас разделяло в старом государстве»¹⁶

Далее мы рассмотрим, какое содержание включала в себя новая пролетарская идентичность интергельповцев, какие формы принимала и как была связана с революционными культурными процессами того времени. Нам кажется, что рассмотрение истории кооператива в контексте послереволюционной социалистической реконструкции и культурной революции дает наиболее адекватное понимание его значения — как яркого проявления международной рабочей солидарности

---

¹³ Социалистическая индустриализация // Киргизская Советская Социалистическая Республика. Энциклопедия. Фрунзе, 1982.

¹⁴ См.: Прохоров Н. Коммуна «Интергельпо» // Правда Востока. 17 октября 1928. № 240. С. 3.

¹⁵ Об идентичности коммунаров см.: Кокайсл П., Усманов А. История Кыргызстана глазами очевидцев. С. 178.

¹⁶ Цитата из письма интергельповцев. Цит. по: Кокайсл П., Усманов А. История Кыргызстана глазами очевидцев. С. 178.

и утопической попытки построения нового общества, свободного от национальных, этнических и всех прочих ограничений.

Город-сад

В первую очередь следует остановиться на жилмассиве «Рабочий городок» как на одном из наиболее заметных «следов» деятельности рабочих интернационалистов во Фрунзе. Считается, что круглый городок для рабочих-железнодорожников был построен при участии «Интергельпо» в 1928-1932 гг.¹⁷. Исследовательница Н. Андрианова связывает круглую схему, положенную в основу плана «Рабочего городка» с градостроительной концепцией «города-сада» английского мыслителя Э. Говарда¹⁸. Идея города-сада была довольно распространенным градостроительным трендом начала прошлого века и нашла применение в десятках городов в Европе, США и СССР. Э. Говард пытался совместить в своей концепции городской комфорт с элементами сельского ландшафта. Город-сад призван был снять разделение на «даунтаун» и трущобы. В качестве своеобразного центра намечалась «средняя кольцевая магистраль («большое авеню») —...широкий кольцевой парк, в котором размещаются школы, культовые сооружения и здания культурного назначения»¹⁹. Население таких городов планировалось лимитированным — не более 32 тыс. человек, — в случае превышения численности предполагалось заселять близлежащие города-сады.

В 1922 году выпускники архитектурного отделения ВХУТЕМАСа экспериментировали с радиальной схемой го-

¹⁷ Фрунзе. Энциклопедия / Ред. Орузбаева Б. Фрунзе, 1984. С. 219.

¹⁸ Андрианова Н. Интергельпо — ностальгический оптимизм // Вернуть будущее. Альманах Штаба № 1 / Сост. и ред. Г. Мамедов, О. Шаталова. Бишкек, 2014. С. 160-179.

¹⁹ Хан-Магомедов С. Архитектура советского авангарда. Кн. 2: Социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001.

http://www.alyoshin.ru/Files/publika/khan_archi/khan_archi_2_017.html

рода-сада в Останкино²⁰. Помимо «Рабочего городка» во Фрунзе, радиальную схему пытались реализовать в Твери. Подобное будущее в 20-30-е разрабатывалось и для Москвы. Архитекторы Алексей Щусев и Сергей Шестаков разработали проекты «Новой Москвы» и «Большой Москвы», которые предусматривали застройку пригородов и окраин города «посёлками, состоящими из невысоких домов, в которых должны были быть свои библиотеки, клубы, спортивные и детские площадки, детские сады»²¹. В 1924 году радиальная концепция городской планировки была применена в Ереване архитектором А. Туманяном, который также руководствовался социалистическими требованиями «эффективности экономики и труда, социальной справедливости, доступа к товарам и услугам, высокому качеству жизни (всего) городского населения»²². В 20-е годовардовский город-сад понимался как социалистическая альтернатива капиталистическому городу классового неравенства, гетто, трущоб и антисанитарии. Советские архитекторы и градостроители, бравшие на вооружение идеи Говарда, подчеркивали важность эгалитарного распределения в социалистических городах всех общественных благ, таких как пространства для социализации, озеленение, доступ к производству и социальным услугам. Главной особенностью было отсутствие частной собственности на землю, в результате чего весь город должен был принадлежать заселявшей его коммуне.

Язык идо и латинизация алфавитов

Другим важным аспектом новой пролетарской культуры интергельповцев была языковая политика. Кооператив

---

²⁰ Там же.

²¹ Виноградов В. Москва. 850 лет. Северный административный округ. М., 1997. С. 90.

²² См.: Sina Zekavat. Becoming a Post-Soviet City: Social Housing and Urban Planning in Yerevan. Ajam Media Collective, 2014.

<http://globalvoicesonline.org/2014/10/05/becoming-a-post-soviet-city-social-housing-and-urban-planning-in-yerevan/>

Выступление физкультурниц кооператива «Интергельпо». 1935. ЦГА КФД КР

стремился популяризовать среди рабочих язык идо — один из вариантов эсперанто. Эсперанто — международный искусственный язык, разработанный в 1887 году варшавским врачом Л. М. Заменгофом. В основу его лексики входят интернациональные слова, часто понятные без перевода, а грамматика состоит всего из 16 основных правил. Простота грамматики и словаря эсперанто делали его очень простым для освоения (обучение занимало от 3-х до 6-ти месяцев), при этом достаточно выразительным. Эти качества также обеспечивали его привлекательность для различных международных движений и в первую очередь для международного рабочего движения. В частности, вопрос о переходе на международный язык обсуждался на «2-ом и 3-ем конгрессах Коммунистического Интернационала, на 1-ом конгрессе Красных профсоюзов (Профинтерне), на 2-ой международной конференции женщин-коммунисток»²³ и т. д. Будущие интергельповцы прочли призыв Ленина к международному рабочему движению (об оказании помощи Совет-

²³ Маречек Б. Учебник международного языка Идо (реформированный эсперанто). С. 2. http://yk4ever.org/ido/marechek_ido_beta.pdf

скому Союзу) именно на идо, на котором в то время уже выходило несколько газет и журналов, например, журнал «Nia standardo»²⁴ (Наше знамя).

В русле этой же политики упрощения и интернационализации коммуникации рабочих в конце 1920-х в СССР была начата кампания по латинизации алфавитов, прежде использовавших для письма адаптированную арабскую вязь. Арабский алфавит был сложным для усвоения и не способствовал быстрому распространению массовой грамотности. Однако планы большевиков по латинизации письма в СССР не ограничивались лишь тюркскими и иранскими языками. Луначарский выступал адвокатом латинизации всех языков СССР, включая русский, но эта идея не встретила особой поддержки, в том числе и со стороны Ленина²⁵. Всего же в СССР было латинизировано 66 языков. В результате этой реформы для многих языков, до того бывших бесписьменными, были разработаны алфавиты на основе латиницы (например, для шугнанского — одного из памирских языков в Таджикистане). Однако программа латинизации была свернута в 1936 году в контексте сталинской реакционной ревизии национальной политики, одним из эффектов которой стал перевод большинства языков СССР на кириллицу, полностью законченный в 1940 году. Новая языковая политика не обошла стороной и «Интергельпо». Кооператив, пользовавшийся до 1935 г. в том числе и чешским языком, перевел все делопроизводство и отчетность исключительно на русский.

Культурные практики «Интергельпо»

Культурная работа в «Интергельпо» занимала особое место. Планы будущей культурной самостоятельности намечались коммунарами еще до отбытия из Чехословакии. Один

---

²⁴ Андрианова Н. Интергельпо — ностальгический оптимизм. С. 170.

²⁵ Луначарский А. Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку, 1930. С. 20-26.
<http://crecleco.seriot.ch/textes/Lunacharskij30.html>

из основателей кооператива Рудольф Маречек вспоминает: «Мы поставили себе в задачу сорганизовать из своих членов хороший духовой оркестр, сформировать и одеть свою дружину физкультурников, запастись хорошей научной и политической литературой»²⁶. Практически сразу по прибытии коммунарами были организованы драмкружки, собиравшиеся в мастерских, стенгазета «Ильичевка», громкая читка газет во время обеденных перерывов и самодеятельный оркестр.

Внимание интергельповцев к культурной работе и их практики — выпуск стенгазеты, «живая газета», физкультурные дружины — повторяют формы культурной работы многочисленных самодеятельных рабочих движений и организаций. Из громкого и театрализованного чтения газет (живая газета, или живгаз) развилось движение «Синяя блуза». По всей стране организовывались кружки синеглазцев, представлявших на предприятиях и в рабочих клубах «живые газеты» и другие «зрелища малых форм театрального искусства», такие как раек, частушка, инсценировка, марш-парад, лубок, оратория, скетч, буффонада, гротеск, водевиль, музыкальная комедия²⁷.

Визуальные практики «Интергельпо» (стенгазеты, плакаты и др.) находились в русле широчайшего движения самодеятельных и рабочих художников. И члены «Интергельпо», и другие рабочие художники стремились реализовать общий принцип — «Искусство в массы» и «Искусство масс»²⁸, т. е. отражать в искусстве трудовые будни и достижения, придерживаться классового содержания в творчестве (главный персонаж искусства — класс-гегемон — рабочий), политизировать искусство (бороться с мещанским «чистым искусством»).

---

²⁶ Самуэль И. Интергельпо. Чехословацкий промышленный кооператив в Киргизии. С. 12.

²⁷ Альбом «Синяя блуза СССР». М., 1928. С. 3.

²⁸ О пролетарском искусстве см.: Мамедов Г., Шаталова О. Искусство в массы: художественные практики культурной революции 1920-1930-х годов в Центральной Азии // Вернуть будущее. Альманах Штаба № 1 / Сост. и ред. Г. Мамедов, О. Шаталова. Бишкек, 2014. С. 55-64.

Труд и медиа

Не менее важной культурной формой для «Интергельпо» была фотография. Книга И. И. Самуэля «"Интергельпо": чехословацкий промысловый кооператив в Киргизии», выпущенная в честь 10-летия кооператива, наполнена изумительным фотоматериалом, охватывающим историю кооператива — от призыва Ленина, зачитанного на митинге в 1923 г. в Чехословакии, до налаженной работы предприятий кооператива в 1935 г. Фотокамера запечатлела отправку и прибытие первого и второго эшелонов, запуск первых цехов, сдачу первых жилых домов, выпуск стенгазеты, открытие клуба и многое другое. За этой активной медиализацией стояло стремление выдвинуть труд и его материальные результаты на первый план информационного поля; показать городское пространство как продукт неотчужденного общественного труда.

Фотография в СССР 20-30-х была явлением массовым. Тысячи фото-энтузиастов уделяли большое внимание теме труда на стройках и предприятиях. Снимки профессиональных фотографов и т. н. «фоторабкоров» печатались в многочисленных фото-журналах. Наиболее известными из них были «Советское фото» и «СССР на стройке (выходивший на русском, английском, немецком и французском языках). Фотография, по выражению Вальтера Беньямина, «освободила руку в процессе художественной репродукции от важнейших творческих обязанностей, которые отныне перешли к устремленному в объектив глазу»²⁹ и сделала художником любого человека, владеющего элементарной техникой фотосъемки. Материальный мир, ежечасно производимый общественным трудом, стал главным персонажем в искусстве, т.к. фотография благодаря своей относительной технической простоте позволяла рабочим самим отражать свои будни и достижения.

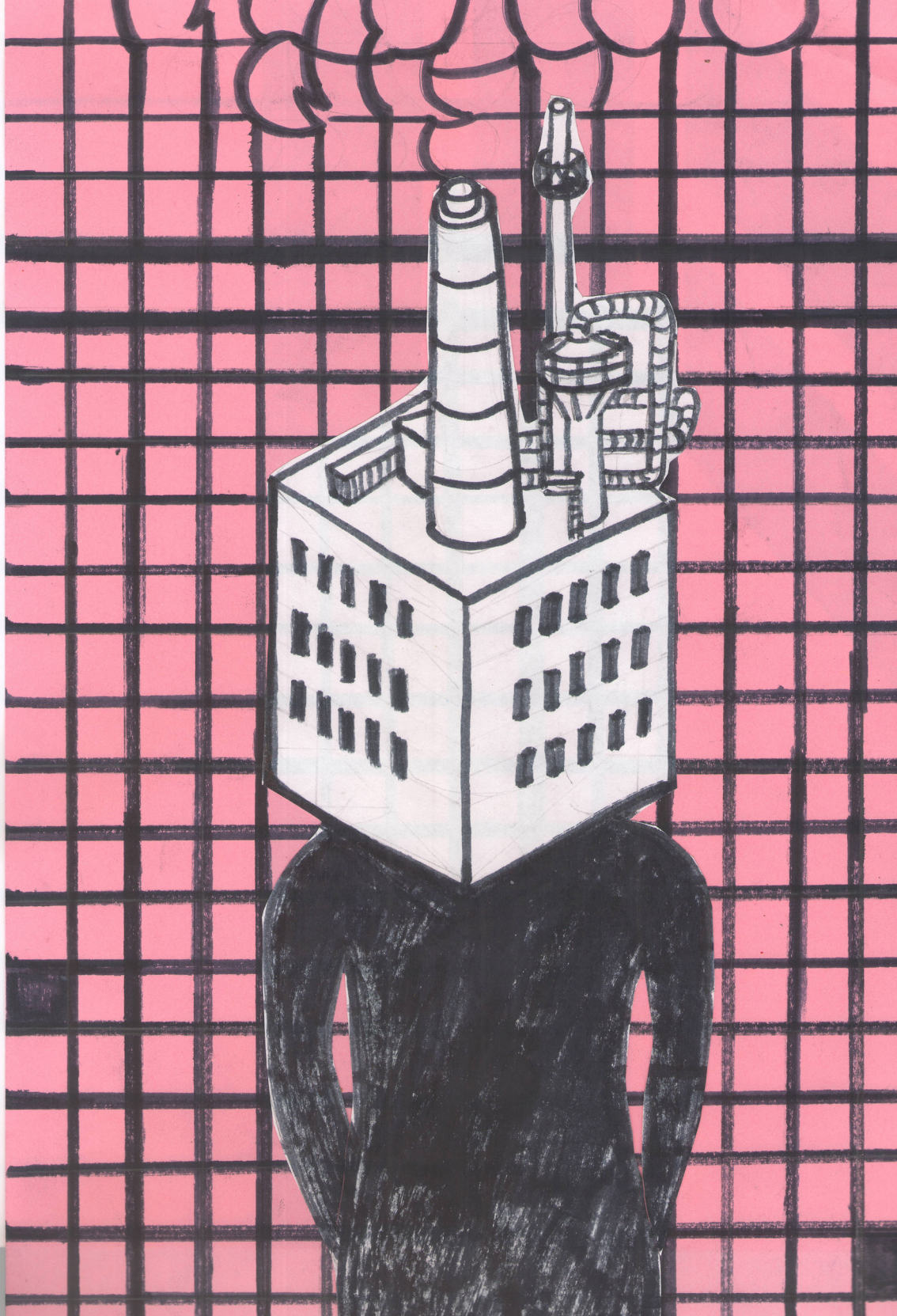
Над текстом работали:

Фарух Кузиев, Георгий Мамедов, Оксана Шаталова

---

²⁹ Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996. С. 18.

Тело — источник
И трата.
Будь обесточен
Стократно,
Но не напрасно.
Не трать
На мелкую страсть.
Ты — не частица,
Но часть
Тяжелой промышленности
мысли.
В тонны слов и числ
Переводи массу тела
До изнеможения
До уничтожения
До предела.

Без исключенных: феноменология социалистического города

Социальный заказ и социальная инженерия

В проекте «Бишкек: хроники радикального воображения» мы исследовали принципы создания советского жилого микрорайона — на примере 6-го бишкекского. Микрорайон есть планировочная модель, важная для понимания концепта «социалистического города». Этот концепт мы рассматривали в аспекте, обозначенном нами как *продуктивность утопии*¹ и определяемом как *материальное преобразование городского пространства в целях преобразования пространства социального*.

---

¹ См. в этом сборнике текст Г. Мамедова «Бишкек утопический: археология радикального воображения».

6-й микрорайон. 1970-е. ЦГА КФД КР

Такого рода преобразования включают два вектора мотиваций — *социальную инженерию*, т. е. деятельные требования к жителю города, и *социальный заказ*, т. е. его же запросы. Термины «социальная инженерия» и «социальный заказ» имеют не архитектурное происхождение (первое — из сферы психологии труда, второе — из литературоведения²), но, на мой взгляд, удобны для рассмотрения вышеуказанной проблематики. В контексте урбанистики я предлагаю понимать термин *социальная инженерия* как «воспитание пространством», — как такую организацию пространства, которая влияет на индивида и общество в соответствии с некими идеологическими конвенциями. Здесь структурно подразумевается субъект воспитательного процесса, социальный инженер. Со-

² Оба понятия произвела советская послереволюционная мысль. «Социальная инженерия» — термин Алексея Гастева (1882-1938), теоретика научной организации труда, который разрабатывал технологии «перedelки человека», воспитания идеального рабочего. См.: А. К. Гастев и Центральный институт труда // Носкова О. История психологии труда в России (1917-1957). М.: МГУ, 1997. «Социальный заказ» — понятие из лексикона Осипа Брика (1888-1945). Оно означает актуальное требование социальной группы, которое формулирует для себя художник, принадлежащий к этой группе. См.: Брик О. Т. н. «формальный метод» // Леф. 1923. № 1. С. 213-215.

циальный заказ — некий обратный феномен. В данном контексте примем, что это некое стихийное, «сформулированное самое жизнью», общественное требование, которое должно быть выполнено государством либо другим уполномоченным социальным актором; в советское время «социальный заказ» выступал обычно под маркером «потребности населения».

Оба понятия можно приложить не только к социалистической урбанистике, но к процессам градостроения и градорегулирования вообще. Это, однако, не всегда очевидно. Советская социнженерия — особенно в ранние периоды — утверждала себя открыто, хотя зачастую ограничивалась лишь громкими декларациями («новая советская женщина, освобожденная от кухонного рабства», «новый человек, интернационалист и коллективист»). Отчасти в связи с этой декларативностью советская социальная инженерия является привычной мишенью либеральной критики: «совок» обвиняется в том, что воспитывал стандартного человека. Расхожими сделались представления о советском городе как «тоталитарном», «безликом», «уравнительном», «антигуманном», — городе, который покушался на уникальные свойства личности, помещая последнюю в прокрустово ложе панельных пятиэтажек. Рыночные джунгли же, напротив, форсируют своеобразие личности. Ведь капиталистический город это город-организм, город естественной борьбы за выживание, где личности, как трава, растут сами по себе, и выживают самые сильные и умные побегии. Однако социнженерия — не менее рутинная стратегия и при капитализме. Один из примеров — реконструкция Парижа бароном Жоржем Османом, префектом департамента Сена, во второй половине XIX века. Осман снес в Париже узкие улочки и пробил широкие магистрали, которые трудно загородить баррикадами. Таким образом, в парижанина закладывалась программа невозможности стать мятежником³. Вообще, любая гра-

---

³ «Осман хотел двояким образом предотвратить появление баррикад. Расширение улиц должно было сделать их невозможными, а новые улицы должны были проложить кратчайший путь от казарм к рабочим кварталам». — Беньямин В. Париж, столица XIX столетия // Беньямин В. Озарения. М., 2000. С. 165.

дерегулирующая инициатива содержит элементы социальной инженерии, — производящей, например, привилегированного жителя центра или маргинализированного обитателя окраин. Если прокладывается один маршрут и перекрывается другой, это так или иначе окажет влияние на личность, которая будет вынуждена в буквальном смысле двигаться по указке городских властей. Тем более это касается случаев, когда в местах проживания, как в бишкекских «новостройках», отсутствуют обычные городские коммуникации, — на уникальных свойствах личности это отражается определенно (и не имеет значения, «намеренны» эти влияния или нет, поскольку социальная инженерия, сопрягаясь с социальным заказом привилегированных групп, автоматически работает на закрепление привилегий и маргинальностей).

Итак, социальная инженерия, как и социальный заказ, имеет место там, где есть город. Но, разумеется, социалистические и капиталистические модели различаются. Данная статья посвящена именно социалистическому городу с его специфическими конвенциями.

Сделаю оговорку, что оппозиция «заказ / инженерия» абстрактна и аналитична. В дискурсах и практиках эти понятия часто не разделяются, предъявляя диалектику инженерии и заказа. Авторы советских архитектурных концепций 20-30-х гг. были убеждены, что воспитание нового человека это и есть главный социальный заказ. В качестве ведущего социального инженера понимался рабочий класс (позже — «советский народ»), он же одновременно и был воспитуемым (единство того, что должно и того, что нужно). Вот одна из характерных цитат 20-30-х гг.: *«Проблема «социалистического города» — большая классовая проблема... Речь идет о перестройке всего жизненного уклада трудящихся, о подъеме их благосостояния, о новых общественных отношениях и связях, о создании нового человека. Новых навыков в психологии»*⁴. Здесь пере-

---

⁴ Черня И. На землю (Ответ Охитовичу, критика Сабсовича) (1930). Цит. по: Меерович М. Соцгород. http://alyoshin.ru/Files/publika/meerovich/meerovich_sots.html

числяются как задачи социальной инженерии (перестройка уклада, создание нового человека), так и составляющие социального заказа (подъем благосостояния). С другой стороны, зачастую то, что провозглашалось в качестве исполнения социального заказа, при аналитическом усилии опознается как акт социальной инженерии. Именно так строилась гендерная политика в СССР начиная с середины 1930-х гг. В более ранние периоды в этой сфере открыто заявлялись интенции социнженерии — в том числе через организацию городской среды (строительство жилищ для нового человека — домов-коммун, рассчитанных не на семейный, а на коллективный быт; домов без кухонь, предполагавших обобщественное приготовление пищи и питание в столовой и пр.). Но с середины 1930-х гг. вектор изменился, и гендерная политика стала представлять себя в качестве исполнения соцзаказа на государственную поддержку «естественной» («полной», гетеросексуальной, совместно проживающей) семьи⁵. Одна только декларация «естественности» такой формы общежития — это уже форма социнженерного воздействия. В СССР же эти декларации поддерживались институционально — государственными программами и мерами регулирования демографической ситуации, как позитивными (поощрение многодетных матерей, в том числе льготными квартирами), так и негативными (налог на бездетность); а также мерами контроля сексуальности (криминализация и патологизация гомосексуальности), т.е. очевидно социнженерными программирующими действиями.

Далее настоящая статья будет посвящена только одной стороне этой пары — *социальному заказу*, что обусловлено двумя причинами. Первая причина — наглядность и *продуктивность утопии*, материальная результативность: примеры реализации соцзаказа в контексте урбанистики легче верифицируются и компактнее излагаются, нежели достижения социальной инженерии. Важно отметить, что нас интересует

---

⁵ См.: Шаталова О. Кухня и освобождение от нее: домашняя работница в советской прессе 70-х // Сайт Штаба. <http://www.art-initiatives.org/?p=14867>

не советская социнженерия как таковая и не феномен градорегулирования как таковой (примеров манипулятивных стратегий советской власти в отношении советского общества можно привести предостаточно), но *социалистическая* социальная инженерия, основанная на некоей ценностной матрице, в определении которой Штаб делает собственный дискурсивный выбор. В частности, как уже упомянуто, в ранние советские периоды были предприняты интересные урбанистические эксперименты, связанные с гендерной политикой, — но они были быстро свернуты и не оставили материальных следов в городском пространстве⁶. Во-вторых, сегодня, — когда социалистическая аксиология вымывается из коллективного сознания, а субъектами соцзаказа автоматически воспринимаются привилегированные группы, — напоминание о принципе равенства, формировавшем советские города, есть напоминание о том, что капиталистическая городская сегрегация — не единственная возможная модель. Вместе с тем фокус на «социальном заказе» не равен прославлению затхлой риторики «удовлетворения потребностей», — риторики частного бытия и филистерства, на которой основывалась проблематика соцзаказа в позднем СССР⁷. Советский Союз является не монолитом-в-себе, требующим его либо «благодарно принимать», либо безоговорочно отвергать, — но противоречивым явлением, чьи аспекты и ракурсы могут быть активизированы в разной степени при разных исследовательских стратегиях.

Мой исследовательский интерес заключается в том, чтобы проследить попытки реализации утопического потенциала города в контексте Кыргызстана и Фрунзе/Бишкека. Я рассмотрю три концептуальных элемента, определяющих

---

⁶ Флэшбэки этих экспериментов промелькнули в 1950-1970-х гг. в архитектурном дискурсе. См. в данном сборнике текст Г. Мамедова и О. Шаталовой «Архитектура, космос, секс: «коммуна им. А. Коллонтай» во Фрунзе 70-х гг.».

⁷ См., например: Бикбов А. Буржуазная личность в государстве «зрелого социализма» // Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издательский дом высшей школы экономики, 2014. С. 195-237.

социалистическую урбанистику в аспекте социального заказа: 1) масштабность строительства; 2) серийность строительства; 3) функциональную рациональность городской планировки. Эти взаимообусловленные аспекты жилищного строительства 1950-1980-х гг. представляли формы реализации социального заказа в СССР, решая задачи: всеобщего доступа к жилью; всеобщего доступа к комфортному жилью; всеобщего доступа к материальным и культурным благам.

1. Масштабность

Коммунистическая утопия подразумевает социальную инклюзивность и социальное равенство, — в контексте урбанистики это доступ к жилью и прочим городским благам для 100% горожан, без какой-либо их «естественной» или намеренной фильтрации. Далее, такой коммунистический горизонт, как радикальное переустройство социальной реальности, требует не фрагментарного, но панорамного взгляда на эту реальность. Необходимо мыслить масштабами не дома, двора или квартала, а города или страны, а лучше — вселенной. Такие амбиции подразумевают мета-взгляд архитектора — социального демиурга, с вершины политической правоты обобщающего макет с кубиками и фигурками и расставляющего их «по порядку». Итого: социалистическая урбанистика предполагала абсолютную социальную инклюзивность и абсолютный контроль этой инклюзивности⁸, — что подразумевало преобразования, в том числе строительство, больших масштабов. Продуктом такого беспрецедентно массового строительства и стали микрорайоны, бесчисленными кубиками размноженные, по всей, как тогда называли СССР, «одной

---

⁸ Алексей Юрчак таким образом характеризует парадоксальность советских идеологических оснований: «противоречие между двумя главными целями коммунистической системы — полным освобождением личности посредством ее полного контроля со стороны партии». — Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 555.

3-й микрорайон. 1967. ЦГА КФД КР

шестой части суши». Однако чтобы понять, как развивались эти процессы 50-80-х гг., нужно упомянуть их предпосылки и аффирмации, проявившиеся на десятилетия раньше.

Дискуссия о соцрасселении

В 1929-1930-х гг. — когда был свернут НЭП и начата индустриализация — активно обсуждалось составление первого генерального плана развития народного хозяйства СССР. В рамках этого обсуждения в Москве разразилась бурная дискуссия о новых городах — так называемая «Дискуссия о социалистическом расселении»⁹, проходившая как в печати, так и в форме публичных диспутов. Тогда и утвердился термин «*социалистический город*», идеал новой организации

---

⁹ См.: Хазанова В. Дискуссия о социалистическом расселении. В кн.: Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего. М.: Наука, 1980.

обитаемого пространства и антипод города капиталистического, — последний все дискуссанты дружно критиковали за непомерное разрастание, перенаселение, антисанитарию и сверх-концентрацию культурной жизни по сравнению с селом. Но в точке обсуждения нового социалистического города мнения разделялись. Одна сторона — так называемые *урбанисты* (самый известный — экономист Леонид Сабсович) — видели будущий город аграрно-индустриальным, объединяющим промышленность и сельское хозяйство¹⁰. Как мегаполисы, так и деревни должны исчезнуть, породив среднее арифметическое с числом жителей 50-60 тысяч. Состоять новые поселения будут из «жилых комбинатов» — огромных зданий на 2-3 тыс. человек, включающих индивидуальные спальни и общественные помещения — столовые, библиотеки, клубы, спортзалы. От промышленных предприятий жилкомбинаты отделены зеленой полосой. Традиционных улиц и кварталов нет, дома редко разбросаны в парках среди зелени¹¹. Быт обобществлен, семья отмерла, детей воспитывает коллектив. Эта концепция Сабсовича и закрепилась собственно под формулой «социалистический город», «соцгород» в узком смысле.

Другая сторона — *dezурбанисты* (лидер — Михаил Охитович) — были более радикальны. Они критиковали грузные жилкомбинаты Сабсовича и предлагали вовсе отказаться от города, порождения капиталистических отношений. При социализме город должен рассеяться на отдельные атомы-домики. *Дезурбанисты* провозгласили лозунг: «*Не дом-коммуна, а коммуна домов*»¹² и ратовали за так называемые «децентрализованную систему» и «ленточное расселение»: благодаря развитой транспортной сети можно равномерно расселиться вдоль дорог индивидуальными коттеджами. Коттеджи сборно-разборные, что придает каждому члену общества мобильность, — каждый или каждая может по желанию при-

¹⁰ Сабсович Л. Социалистические города. М.: Московский рабочий, 1930. С. 30.

¹¹ Там же. С. 53, 90-92.

¹² См.: Современная архитектура. 1930. № 1-2. С. 41.

ближаться или отдаляться от других. Вся инфраструктура однородно распределяется вдоль транспортных путей. Тоже много растительности. Быт тоже обобществлен.

Важно отметить, что дискуссанты были не уличными мечтателями, а фактически государственными чиновниками — и Сабсович, и Охитович работали в Госплане.

В целом, и урбанисты, и дезурбанисты имели общие идеалы: уничтожение пресловутой «разницы между городом и деревней» и равномерность распределения промышленности, а также материальных и культурных благ, по всей территории советской республики.

Дискуссия длилась до тех пор, пока в мае 1930-го не была остановлена окриком партии, — в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» подобные концепции были заклеены как «полуфантастические»¹³. Из всех идей дискуссантов власть реализовала, пожалуй, только идею «равномерного распределения», исходя при этом, однако, не из гуманистических идеалов, но из приоритета индустриализации¹⁴. «Равномерно распределялось» и «децентрализовалось» промышленное производство, которое в качестве головной структуры инспирировало появление и рост обслуживающей инфраструктуры: рабочих городов, сельскохозяйственных поселений, транспортных узлов. Это был социнженерный проект пролетаризации всей страны¹⁵, — должной из крестьянской превратиться в пролетарскую, ведь именно пролетариат обременен исторической миссией глобального переустройства.

Итого, в 20-30-х годах, во время форсированной индустриализации, массовое строительство осуществлялось, но это было строительство не жилое, а промышленное.

¹³ Постановление ЦК ВКП(б) О работе по перестройке быта. Современная архитектура. 1930. № 1-2. С. 3.

¹⁴ См.: Меерович М. Дискуссия о соцрасселении. Социалистический город — новый тип управления хозяйственно-производственными процессами. В кн.: Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР. 1926-1932 гг. Иркутск: ИрГТУ, 2008. http://archi.ru/lib/e_publication.html?id=1850569764

¹⁵ См. там же.

Норма жилплощади

История «квартирного вопроса» в СССР полна драматических поворотов. Начинается эта история сразу после революции, когда была упразднена частная собственность на жилье, и весь жилой фонд передан местным советам. Значительная часть населения обитала тогда в тяжелых, иногда чудовищных, жилищных условиях — например, в рабочих казармах¹⁶. Встал вопрос распределения жилья. Исходя из базового социалистического принципа — социального равенства, — как разделить жилье между всеми, если квартир на всех не хватает? Прибегли к помощи математических абстракций. Жилье стали мыслить не квартирами или комнатами, а квадратными метрами. Появилось понятие «санитарная норма жилой площади», определявшее минимальную площадь в замкнутом помещении, на которой человек мог пребывать без вреда для здоровья (это и есть то, что антикоммунисты называют «уровнировкой» — чисто антропологический критерий распределения). Жилищно-санитарная норма впервые была введена Наркомздравом РСФСР в 1919 году и составляла 8,25 кв. м. на человека, а в 1922 году была увеличена до 9 кв. м.¹⁷. Послереволлюционная драма квадратуры получила название «уплотнение» — неимущих стали массово подселять к бывшим имущим; тогда и распространилось понятие «коммунальная квартира». За первые десять лет советской власти только в Москве в благоустроенные квартиры переехало примерно полмиллиона человек. Однако жилищная ситуация продолжала оставаться критической: перед хру-

¹⁶ «Как пример наемных помещений рабочих в избах, мы опишем одну из заурядных в с. Озерах. В избе о двух комнатах, шириною в 7 и длиною в 7 или 6 аршин... помещались 4 прядильщика с женами, 17 парней и мальчиков — присучальщиков и ставильщиков и 15 женщин и девушек — банкаброшниц и мотальщиц, всего вместе с хозяйкою избы 41 человек...». — Фрагменты из книги Е. Дементьева «Фабрика, что она дает населению, и что она у него берет», 1897 (из гл. I-III).

http://www.rusproject.org/pages/history/history_6/rab_bit_kon_19_mosk.html

¹⁷ Бураков В. Государственная жилищная политика в БССР в период НЭПа (1921-1929). Авт. дисс. канд. ист. наук. Минск, 2001.

<http://www.bs.u.by/sm.aspx?guid=288903>

Новый район Фрунзе. 1965. ЦГА КФФД КР

щевским строительным бумом лишь 30% квартир заселялось посемейно; большинство проживало в коммуналках, бараках и общежитиях¹⁸, т. е. «социальный заказ» заявлял о себе во весь голос. Наконец, в середине 50-х гг. Хрущев объявил приоритетной задачей массовое строительство доступного жилья. В 1954 году на «Всесоюзном совещании строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов...» Хрущев провозгласил ориентацию на индустриальное (поточное) домостроение и развитие соответственной промышленной отрасли. В 1955 году вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», осуждавшее дороговизну и неуместную декоративность ста-

---

¹⁸ См., например: Горлов И. Жилищное строительство в Москве как социокультурная проблема (1953-1991 гг.). Авт. дисс. докт. ист. наук. Москва, 2005. <http://cheloveknauka.com/zhilischnoe-stroitelstvo-v-moskve-kak-sotsiokulturnaya-problema-1953-1991-gg>

линской архитектуры. В постановлении же 1957 года «О развитии жилищного строительства в СССР» признавалось, что темпы жилищного строительства отстают от промышленного, и ставилась задача: *«в кратчайшие сроки достигнуть значительного прироста жилого фонда, чтобы в ближайшие 10-12 лет покончить в стране с недостатком в жилищах»*.

Формула хрущевского жилищного бума была такова: типовое проектирование плюс индустриальное строительство. Курс на массовость предполагал не красоту и торжественность архитектуры (ориентиры сталинского времени), а на радикальное удешевление — на это и была отныне направлена архитектурная фантазия. Жилой дом «оптимизировали» по всем статьям. Убрали лифт, получив классическую пятиэтажку, т. к. по медицинским показаниям можно подниматься пешком без вреда для здоровья не выше 5 этажа. Сокращали, урезали и снижали всё, что можно. В институте «Киргизгипрострой» следующим образом проектировали жилую серию 213: снизили высоту потолка до 2,5 м, совместили санузел, уменьшили ширину маршей лестничных клеток, исключили угловые секции. Эти и другие усилия позволили снизить стоимость строительства на 30%¹⁹. Оптимизировался — посредством конвейеризации — и строительный процесс. ДСК («домостроительные комбинаты», заводы крупнопанельного домостроения) и изготавливали железобетонные плиты, и собирали из них дома. Во Фрунзе первый подобный цех был открыт на заводе ЖБИ-1 в 1962 году. Он выпускал 8,1 тыс. кв. метров жилой площади ежегодно. В 1965 году был запущен Фрунзенский ДСК, производивший в основном четырехэтажки общесоюзной серии 1-464А/62 и отличавшийся мощностью 85 тыс. кв. метров²⁰. Второй Фрунзенский ДСК, производивший уже местную серию 105, открылся в 1972 году и отличался существенно возросшей годовой мощностью — 200 тыс. кв. метров жи-

¹⁹ Писарской Е., Курбатов В. Архитектура Советской Киргизии. М.: Стройиздат, 1986. С. 201.

²⁰ Курбатов В. Архитектура городского жилища. Учебное пособие. Фрунзе: 1972. Стр. 62.

лой площади, с возможностью расширения до 400 тыс. кв. метров²¹. Уже к концу 50-х годов Советский Союз вышел на первое место в мире по темпам жилищного строительства²². В Киргизии, как и по всему СССР, происходили кардинальные изменения жилищной ситуации: *«За десять лет — с 1955 по 1964 г.... горожане и жители рабочих поселков получили 136000 квартир... Переехали в новые дома или улучшили жилищные условия около миллиона человек — почти 40 процентов всего населения республики»*²³. Или: *«К началу 1971 года показатель жилищного фонда города в 7 раз превзошел показатель довоенного 1940 г.... ежегодный прирост общей площади жилых зданий, порою до 40%, превышает весь жилищный фонд, имевшийся в городе в 1926 г. Говоря образно и сравнивая с прошлым, можно сказать, что каждый год во Фрунзе вырастает еще один город»*²⁴.

Микрорайон № 6 также был возведен довольно быстро, приблизительно за два года (1972-1974). Усилия строителей были неизменно направлены на повышение степени сборности зданий, т. е. на ускорение строительства. С этой целью практиковались эксперименты: например, с завода привозили стеновые панели уже с остекленными окнами или — другая новация — готовые санкабины, облицованные внутри плиткой²⁵. Нередко эксперименты оказывались неудачны (в ряду причин называется воровство материалов со стройплощадок), но стремление строителей повысить производительность труда никогда не угасало. Скорость в любом случае была впечатляющей: один 48-квартирный дом в 6-ом микрорайоне возводился за месяц²⁶.

---

²¹ Писарской Е., Курбатов В. Архитектура Советской Киргизии. С. 213.

²² См., например: Ерофеев Н. История хрущевки. <http://openleft.ru/?p=4962>

²³ Нусов В. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1971. С. 125.

²⁴ Курбатов В., Писарской Е. Архитектура города Фрунзе. Фрунзе: Кыргызстан, 1978. С. 58.

²⁵ Интервью Штаба с Шафиковым С. С. (руководитель ДСК в 70-х гг.), Джоотумановым А. Н. (руководитель ДСК «Азат»), ноябрь 2014.

²⁶ Там же.

Один из цехов Фрунзенского ДСК. 1970. ЦГА КФД КР

Итого, жилищный бум работал на реализацию принципа абсолютной инклюзивности. В 1977 году в Конституции СССР появилась статья «право на жилище», провозглашавшая *«справедливое распределение под общественным контролем жилой площади...»*. Бесплатно получить квартиру мог любой трудящийся — от предприятия или по месту жительства, — собрав определенные документы и доказав свою потребность в жилье. Скорость получения квартиры варьировалась — от месяцев до многих лет — в зависимости от ряда обстоятельств: места проживания, работы, наличия льгот. Расчеты велись опять же относительно нормы жилой площади. Минимальная всесоюзная норма была 9 кв. м., но союзные республики могли

Фрунзенский ДСК. Погрузка наружных стеновых панелей на панелевоз на складе готовой продукции для отправки на стройплощадку. 1972. ЦГА КФД КР

ее поднимать, — в Киргизии она составляла 12 кв. м.²⁷. Власть постоянно обещала увеличить заветную квадратуру. В 1971 году прогнозировалось, что к 1995 году общесоюзная норма составит 13 кв. м. на человека²⁸. В утопической же перспективе понятие жилищной нормы виделось временным: в будущем, когда «квартирный вопрос» утратит остроту, это понятие исчезнет за ненадобностью. Фрунзенский архитектор Валентин Курбатов в 1972 году прогнозировал, что в 1980 году в СССР общепринятой нормой станет формула *«число комнат в квартире равно количеству членов семьи»*. А в 2000 году, по мнению Курбатова, *«число комнат в жилой ячейке (квартире) будет*

²⁷ Постановление Совета Министров Киргизской ССР от 30 июня 1961 года № 336 «О пользовании жилой площадью».
http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30289777

²⁸ Вечерняя Москва. 1971. 21 июня.

7-й микрорайон. 1970-е. ЦГА КФД КР

на одну больше, чем число членов семьи» — отдельная комната для каждого плюс общая гостиная²⁹.

2. Серийность

Индустриальное строительство по определению не могло производить уникальные объекты. Поэтому социалистический город состоял из «произведений искусства в эпоху его технической воспроизводимости», т. е. из типовых строений.

Здесь вновь стоит вернуться в 20-30-е гг. Концептуально «стандартные города» были освоены уже тогда — и не просто осмыслены как необходимость, но валоризованы. Ввиду колоссального авторитета марксизма всеобщим символом веры сделались «средства производства», в частности, индустриальные средства производства — техника, гарант мессианской роли пролетариата. Культ науки и машинного производства, анти-ремесленничество, технизм, тейлоризм сплелись в один ценностный узел. Прежде всего, конечно, вспоминается Ле Корбюзье: *«Промышленность,*

²⁹ Курбатов В. Архитектура городского жилища. С. 154, 155.

На рабочей площадке Фрунзенского ДСК. 1969. ЦГА КФД КР

разлившаяся как река, затопляющая берега, несет нам новые средства, отвечающие этому новому времени и его духу... Надо создать дух серийности — стремление строить дома сериями, стремление жить в серийных домах, стремление проектировать дома как серии»³⁰. В СССР участники дискуссии о социалистическом расселении также ратовали за индустриализацию градостроения: «Перейдем на машинное производство, производство стандартных элементов — на производство круглый год. От сооружения зданий — к сборке частей»³¹. Эти ориентиры имели не только прагматическую, но и идеологическую подложку, — как заметил исследова-

³⁰ Le Corbusier. *Vers une architecture* (1925). Цит. по: Иконников А. Искусство, среда, время. Эстетическая организация городской среды. М.: Советский художник, 1985. С. 61.

³¹ Куда итти? Современная архитектура. 1930. № 1-2. С. 6.

тель 80-х, *«Технический стандарт конструктивистами... был принят за универсальное упорядочивающее средство: простейшие ритмы, возникающие в повторе одинаковых элементов, казались выражением коллективного начала новой жизни, идеи социального равенства»*³².

Эстетика серийности

Осмислялась и новая образность — эстетика стандарта и конвейера. Основную проблему этой новой эстетики, позже ставшую роковым клеймом типового строительства — «монотонность», «одинаковость» — создавали уже в 20-30-е гг. и пытались снять посредством приема комбинаторики. Именно так дезурбанисты предлагали строить новые города: *«Из... стандартных элементов собираются различные строения... Различные по форме плана, по пропорциям, освещению и др. При действительной механизации — отсутствие механического однообразия, казарменности»*³³.

В хрущевское время эти тезисы повторялись. Новое понимание архитектуры — как инженерии и науки, а не как «искусства» — не отменило эстетических параметров, но лишь пересмотрело их. Так, в выступлении одного из ораторов на «Всесоюзном совещании строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов...» (1954) художественные претензии архитектуры сначала высмеиваются («парфюмерные украшения»), но затем подтверждаются, хотя и в измененном формате: *«Многие архитекторы... не понимают, что культура жилых зданий определяется не парфюмерными украшениями их фасадов, а удобствами квартир. Слово «архитектор» означает главный строитель, а наши архитекторы отгораживаются от строительства... Ныне... не*

³² Иконников А. Искусство, среда, время. Эстетическая организация городской среды. М.: Советский художник, 1985. С. 64.

³³ Барщ М., Владимиров В., Охитович М., Соколов Н. Магнитогорье. Современная архитектура. 1930. № 1-2. С. 48.

Строительство первого крупнопанельного дома. 1962. ЦГА КФФД КР

встретишь надписи архитектор-инженер. Зато архитекторам льстит, когда их называют архитектор-композитор. (Смех в зале). Архитекторы любят повторять известное изречение Гёте о том, что архитектура — застывшая музыка. Если архитекторы сравнивают себя с музыкантами, то они должны быть последовательны и не строить обычный дом из девяти-сот типоразмеров керамических камней. Музыкальная практика уже в течение нескольких веков пользуется системой двенадцати различных звуков в октаве, причем, как известно, только семь из них являются основными. (Аплодисменты, смех в зале). Жизнь показывает, что из ограниченного числа стандартных элементов можно создать бесконечное разнообразие архитектурных форм»³⁴.

Но эта «лего-опция» не получила распространения: само понятие «бесконечного разнообразия архитектурных форм» противоречит идее типового проектирования. Обсуждалось и другое решение, а именно более софистичированная комбинаторика «второго уровня», — когда роль

³⁴ Всесоюзное совещание строителей. Правда. 1954. 8 декабря.

5-й микрорайон. 1967. ЦГА КФФД КР

компонентов выполняют готовые здания, собираемые в целое — жилой комплекс, микрорайон, город. Такие идеи также восходят к Корбюзье, считавшему, что эстетическими качествами должен обладать не «дом в себе», а комплекс зданий, свободно группируемый в пространстве³⁵. Советские архитекторы 50-70-х гг. вторили Корбюзье, — если в вышеприведенной цитате оратор сравнивал архитектуру с нотной системой, то другой теоретик избрал метафору литературы: *«Серийное здание массового заводского изготовления — это не поэма и не рассказ, а одно-единственное слово; из подобных ему слагаются архитектурные фразы. Разница между старыми сооружениями (палаццо, дворец, храм) и современными примерно та же, что между содержательным рассказом и отдельным словом... Рассказ должен быть оригинален, красив и содержателен. Отдельное слово может быть обыденным»*³⁶.

Учитывая эти риторические ходы, а также феноменологию типового жилья, можно заключить, что эстетика хрущевок была синхронна (пост)модернистской эстетике, предьявляя

³⁵ См.: Всеобщая история архитектуры. Т. 11. Архитектура капиталистических стран XX века / Под ред. А. Иконникова. М.: Стройиздат, 1973. С. 20-22.

³⁶ Борисовский Г. Архитектура, устремленная в будущее. М.: Знание, 1977. С. 55, 56.

джентльменский набор ее симптомов. Это эстетика копии (у типового дома нет оригинала), эстетика коллажа (комбинации, сборки готовых форм), эстетика серийности и тиражности, эстетика редуционизма и аскетизма, наконец, эстетика анонимности, — не умоглядная, как в трактатах постмодернистов, а вполне реальная смерть автора (у таких скучных строений не может быть творца; признаки креативности стерты с этих нейтральных стен). Хрущев, бранивший искусство «абстракционистов» на выставке в Манеже, множил по всей территории Советского Союза гораздо более радикальные объекты. Но он не был «автором» этих произведений; бессознательное модернизма вылилось в СССР в симптомы рутинного строительства, миновав сферу институционализованного искусства³⁷. Причем население и воспринимало типовые дома как проект эстетический, оценивая его не согласно функциона-

---

³⁷ Иногда эти бессознательные процессы производили странные эффекты «на местах». Например, появилось такое явление, как наивное, или самодеятельное, монументальное искусство, — казалось бы, оксюморон, т. к. наглядная и «вечная» монументалка подразумевает высокую степень мониторинга властей. Действительно, монументальные произведения в СССР проходили от эскиза до воплощения длинный путь, гарантирующий их «качество»: множество заседаний Худсовета при Худфонде (на последних заседаниях присутствовало городское руководство). Но об оформлении микрорайонов (как правило, городских окраин) централизованная забота проявлялась реже, чем об оформлении значимых общественных зданий. Торцевые мозаики в жилмассивах, как правило, разрабатывались на стадии строительства самими строителями, при этом процесс согласований был гораздо менее бюрократизирован и включал одобрение лишь строительного руководства. Таким образом, в системе советского искусства появлялась ниша, свободная от централизованного контроля: советский строй, если и претендовал на «тоталитарность», на практике далеко не всегда мог такой контроль осуществлять (см.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014). В 5-ом микрорайоне Бишкека можно наблюдать большое количество самодеятельных мозаик и рельефов — фактически свободное творчество строительной индустрии. Некоторые панно более искусны, другие содержат композиционные ошибки, третьи очевидно неуверенны. Сюжеты — сказочные и прочие детские. Техника иногда довольно экстравагантна: например, мозаики из битой посуды. Итого, на стенах строгих кубов возникало подобие наивного искусства; модернистские дегуманизированные объекты подвергались «вторичной переработке», своего рода ре-гуманизации, «присваивались» строителями — как позже жильцами, пытавшимися остеклить балконы. Это можно сравнить с тем, как если бы на стенах архитекторов Малевича посетители музея рисовали цветы (не исключено, что такое сочетание радикальнее самих архитекторов).

листной природе (машины для жилья), а как объект художественный, порицая отсутствие «парфюмерных украшений», требуя от архитектуры исполнения художественного долга. Самое популярное наименование панельных пятиэтажек — «монотонные», «серые», «скучные» — есть собственно эстетическая оценка (иногда ради разнообразия говорят о «плохом строительстве», как правило, имея в виду то же самое). Эстетика же геометрических форм таковой не опознавалась. Рутинная нелюбовь населения к типовым жилищам сродни такой же рутинной нелюбви к «Черному квадрату», к модернизму вообще, — сродни отказу принимать его за «настоящее искусство». Тот же факт, что миллионы советских граждан получили приемлемое жилье — в том числе благодаря «монотонности» этого жилья (вернее, факторам, обусловившим его монотонность), обычно при этом не вспоминается³⁸, — такова негативная суггестия модернистских форм.

Киргизская 105

Впрочем, в Кыргызстане отношение к типовому жилью нельзя назвать однозначно скептическим. Архитектурная мысль советской Киргизии произвела феномен, который бишкекцы до сих пор воспринимают с симпатией — крупнопанельную серию «Киргизская 105», разработанную местными специалистами в начале 70-х гг. (проектный институт «Киргизгипрострой», архитекторы: Е. Писарской, В. Седов, инженеры: В. Мозговой, А. Афонин, А. Кокорин, А. Тэвс³⁹). В советской архитектурной литературе эта серия, — удостоенная в 1978 году Государственной премии Киргизской ССР, — описывается как безусловное достижение по нескольким причинам. Во-первых, серия была разработана в соответствии с местными климатическими условиями и характеризовалась высокой сейсмостойкостью (до 8-9

³⁸ См.: Шаталова О. МетаФизика формы // Вернуть будущее. Альманах Штаба № 1 / Сост. и ред. Г. Мамедов, О. Шаталова. Бишкек, 2014. С. 106-109.

³⁹ Курбатов В., Писарской Е. Архитектура города Фрунзе. С. 65.

Новый жилой дом с цокольной панелью в 6-ом микрорайоне. 1987. ЦГА КФФД КР

баллов). Во-вторых, отличалась «лего-эффектом», вариативностью (дома пяти- и девятиэтажные, секционные и галерейные, со встроенными магазинами и учреждениями быта; квартиры от одно- до пятикомнатных). В-третьих, характеризовалась более оживленным фасадом (декором балконов, лоджий, входов)⁴⁰. В-четвёртых, улучшенной планировкой и ком-фортностью квартир (увеличенная высота потолка, пропорции, зонирование)⁴¹.

«Киргизская 105» приобрела такую популярность, что предыдущую серию 1-464АС население ретроспективно переименовало в «104-ую» (т. е. 105-ая стала абсолютным ориентиром); это народное название закрепилось и используется до сих пор. 6-ой микрорайон, отсчитывающий свою

⁴⁰ Писарской Е., Курбатов В. Архитектура Советской Киргизии. С. 213-214.

⁴¹ Курбатов В. Архитектура городского жилища. Стр. 83.

историю с начала 1970-х, первоначально застраивался четырёхэтажками именно «104-й серии». Позже, в 1979-1981 гг., поскольку планировка 6-го включала свободные места (как говорили строители, «пятна»), микрорайон был уплотнен уже 105-ыми домами⁴².

«Киргизская 105» воспринималась современниками с энтузиазмом, поскольку обещала исполнение соцзаказа на комфорт. Население обеспечивалось жильем с нарастанием не только количественных, но и качественных показателей, — архитекторы с воодушевлением констатировали «повышение материального благосостояния народа»⁴³. 105-ая серия давала повод свидетельствовать успешность индустриализации строительства — «окончательный переход на новую, более высокую ступень в развитии жилищной архитектуры...»⁴⁴.

3. Рациональность

Свежие постройки, как правило, дышали свободно — разворачивались новыми районами, а не расталкивали локтями старую застройку (как это происходит в Бишкеке сейчас): *«Жилые дома строились... кварталами, группами и микрорайонами на свободных городских землях. Строительство жилых домов в пределах застроенной территории города имеет небольшой удельный вес»*⁴⁵. Поэтому вопрос планировки неотъемлем от проблематики массового строительства. В частности, нас интересует планировка микрорайона, базовой градостроительной единицы советского города.

На практике же эта планировка была обусловлена не столько эстетическими (комплекс домов как «литературный рассказ»), сколько сугубо прагматическими факторами. А

---

⁴² Интервью с Шафиковым С. С., Джоотумановым А. Н.

⁴³ Курбатов В., Писарской Е. Архитектура города Фрунзе. С. 65.

⁴⁴ Там же. С. 66.

⁴⁵ Нусов В. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. С. 125.

Комбинат бытового обслуживания во Фрунзе. 1938. ЦГА КФД КР

именно, количеством жителей и расчетом их возможных потребностей: микрорайон проступал на картах как итог подобных калькуляций. Системообразующим в данном контексте являлся социальный заказ на доступ к учреждениям, как говорили в советское время, «соцкультбыта».

В 20-30-х гг. эта проблема также понималась как первостепенная. Планировщики соцгородов скрупулезно продумывали конфигурации социально-бытовой инфраструктуры. Жилкомбинаты Сабсовича совмещали жилье с инфраструктурой буквально под одной крышей⁴⁶. Дезурбанисты же планировали обитаемую среду следующим образом (на примере проекта Магнитогорска). Домики «ленточного расселения» располагались вдоль 25-километровых магистралей. На конце каждой магистрали находились магазины и санитарные учреждения, а в центре магистрали — «Дорожный парк культуры» с музеем, кинотеатром, врачебной консультацией и выставками товаров, которые можно заказать

⁴⁶ То, что жилкомбинаты являлись «своеобразными зародышами микрорайона», т. к. включали «наряду с жильем повседневно необходимые культурно-бытовые учреждения», замечает С. Хан-Магомедов в книге «Архитектура советского авангарда»: Кн. 2: Социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001.
http://www.alyoshin.ru/Files/publika/khan_archi/khan_archi_2_037.html

по каталогу. Самым необходимым потребностям отвечали «километровые станции», расположенные через каждый километр и включавшие столовую, читальню, комнату отдыха, парикмахерскую, спортплощадку и т. д. Авторы проекта подробно рассчитывали количество пассажиро-километров в день (транспорт в их схеме играл решающую роль). Они предполагали, что километровой станцией житель пользуется несколько раз в день, в парк культуры ездит почти каждый день, в конец дороги — один раз в 5 дней⁴⁷. Т. е. различались потребности первичные, повседневные, периодические и так далее. Подобным же образом Корбюзье в «Афинской хартии» делил потребности населения в отдыхе на «повседневные», «еженедельные» и «ежегодные» и на основании этой классификации предлагал разные форматы расположения озелененных территорий⁴⁸. В целом, как заявляли авангардисты, «Архитектура группирует жилища в крупные комплексы на основании точных расчетов»⁴⁹, а также: «Плотности населения городов должны устанавливаться законом»⁵⁰.

Ступенчатая система обслуживания

«Точный расчет» количества жителей, а также иерархий их потребностей и лег в основу микрорайона как базовой единицы социалистического города. Расположение объектов инфраструктуры рассчитывалось так, чтобы все без исключения жители имели к ним легкий доступ. Значение имело расстояние от жилых домов до объектов инфраструктуры — те и другие «расставлялись» на плане в соответствии с этим принципом, как тогда говорили, «свободно» («свободная планировка»). Дома внутри микрорайона могли компоноваться самым причудливым образом, улиц

⁴⁷ Барц М., Владимиров В., Охитович М., Соколов Н. Магнитогорье. С. 38-57.

⁴⁸ Ле Корбюзье. Афинская хартия // Три формы расселения. Афинская хартия. М.: Стройиздат, 1976. С. 105.

⁴⁹ Там же. С. 122.

⁵⁰ Там же. С. 102.

в привычном смысле не было: фактор собственности на землю отсутствовал, соответственно, отсутствовала и необходимость разграничивать/маркировать земельные участки, как при классической квартальной застройке.

Принцип расчета потребностей населения назывался «ступенчатой системой обслуживания» и потенциально расширялся на весь город, — микрорайон в этом смысле являлся эталоном. В СССР существовали незначительно различающиеся вариации этой системы; ниже перечислены параметры и нормативы, изложенные в учебнике фрунзенского архитектора и преподавателя В. Курбатова.

Жилая группа (0-ая ступень): несколько рядом расположенных жилых домов на 1,5-3 тыс. человек. Вблизи домов жилой группы находятся учреждения *первичного* обслуживания, такие как ясли-сад, столовая, ЖЭК, «помещение коллективного отдыха», «помещение, оборудованное торговыми автоматами», «пункт доставки продуктов на дом» (последние два или даже три пункта — скорее, мечта о будущем, чем заурядная реальность микрорайона). Расстояние до этих учреждений от всех домов жилой группы — не больше 150-200 м, т. е. 2-3 минуты пешей прогулки.

Жилой микрорайон (1-ая ступень): состоит из нескольких жилых групп и является базовой градостроительной единицей с населением 6-18 тыс. человек. В каждом микрорайоне работают учреждения 1-ой ступени, т. е. *первичного* и *повседневного* обслуживания: школы, детские сады, столовые, магазины товаров первой необходимости, службы быта, спортплощадки, помещения для самодеятельности и культурного досуга. Максимальный радиус обслуживания — 500 м, или 5-7 минут прогулки пешком. Микрорайон запрещено разрезать маршрутами общественного транспорта.

Жилой район (2-я ступень): состоит из нескольких микрорайонов, проживают 25-60 тыс. человек. Включает учреждения *первичного*, *повседневного* и *периодического* об-

5-й микрорайон. 1970. ЦГА КФД КР

служивания: дома культуры, кинотеатры, библиотеки, кафе, торговые центры, учреждения связи, поликлиники, роддома, гаражи и т. д. Доступность для всех жителей жилого района — максимум 1500 м, или 15-20 минут ходьбы. Расстояние между жилыми районами — минимум 100 м. Через жилой район нельзя прокладывать скоростные дороги.

Городской центр (3-я ступень) — масштаб города. Эта ступень включает учреждения *эпизодического обслуживания*: административные здания, театры, музеи, рестораны, гостиницы, больницы, вузы и др. Их посещение осуществляется при помощи транспорта.

Пригород (4-ая ступень): также учреждения *эпизодического обслуживания*: пансионаты, «летние городки отдыха», пионерские лагеря, дома отдыха, санатории, «туберкулезные и психиатрические лечебницы»⁵¹.

Микрорайоны стали строиться во Фрунзе с начала 1960-х гг. Территория на юго-востоке, не отягощенная многоэтажной застройкой, стала своего рода чистым листом и полигоном отработки вышеизложенной схемы: «*Строительство*

⁵¹ Курбатов В. Архитектура городского жилища. С. 129-131.

на свободных территориях позволило запроектировать компактные микрорайоны с простой конфигурацией, в которых легко реализовать исходную теоретическую планировочную структуру. В результате возникли микрорайоны с численностью населения от 6 до 12 тыс. человек, застроенные четырёхэтажными жилыми домами с вкраплением небольшого количества 9-этажных домов точечного типа»⁵². Несколько микрорайонов на этой территории составили «юго-восточный жилой район», в состав которого входил и № 6, расположенный в южной части⁵³. Современники оценивали юго-восточный жилой район как «гипертрофированный», поскольку количество его жителей превысило нормативное — 100 тыс. вместо максимальных 60 тыс. В связи с чем радиусы доступности инфраструктуры для отдельных микрорайонов также перекрыли норму⁵⁴. Вместе с тем на примере многих микрорайонов, в том числе на примере 6-го, «ступенчатую систему обслуживания» отследить довольно легко. В процессе работы над проектом «Бишкек: хроники радикального воображения» мы составили схему этого микрорайона, наглядно представив радиусы обслуживания 0-ой и 1-ой ступеней: расстояние до детских садов, школ, магазинов и др. В частности, схема отображает, что в пределах 6-го работало одновременно несколько детских садов, что являлось нормой для советского микрорайона, где детсады активно возводились именно согласно «ступенчатой системе».

Подобная строго рациональная система, ориентированная на тотальность доступа к благам, использовалась на

⁵² Там же. С. 134.

⁵³ Данные о микрорайоне № 6 на стадии проектирования (1968): разработка проекта — институт «Киргизгипрострой»; главный архитектор — Г. Оганесян; строительство — Управление капитального строительства и Фрунзенский домостроительный комбинат; площадь — 57 га; плотность жилого фонда — 2404 кв. м. на 1 га (48 жилых домов); численность населения — 11300 чел.; проектный срок строительства — 24 месяца; сметная стоимость — 20752, 645 руб. — Экспертное заключение по проекту застройки 6 микрорайона юго-восточного жилого района г. Фрунзе. Утверждено заместителем председателя Госстроя Киргизской ССР Ш. Каримовым. 1968 // ЦГА КР. Ф. 2710. Оп. 4. Д. 383. Л. 17.

⁵⁴ Курбатов В. Архитектура городского жилища. С. 134.

всей территории СССР, обустривая бесчисленное количество жилых микрокосмов. Помимо доступа к объектам «соцкультбыта», эти жилые среды учитывали такой фактор, как воспитание у горожан привычки к здоровому образу жизни (пример конвергенции социального заказа и социальной инженерии). Территория микрорайона была закрыта для общественного транспорта в целях сохранения микроклимата, — но также и затем, чтобы поощрять жителей на ежедневную прогулку: *«...пешеход должен в день ходить по 400 метров до остановки и обратно. Если он будет так ходить, то, во-первых, будет здоров, во-вторых, будет обладать большой скоростью на дороге, потому что маршрутный транспорт не будет заезжать в микрорайоны...»*⁵⁵.

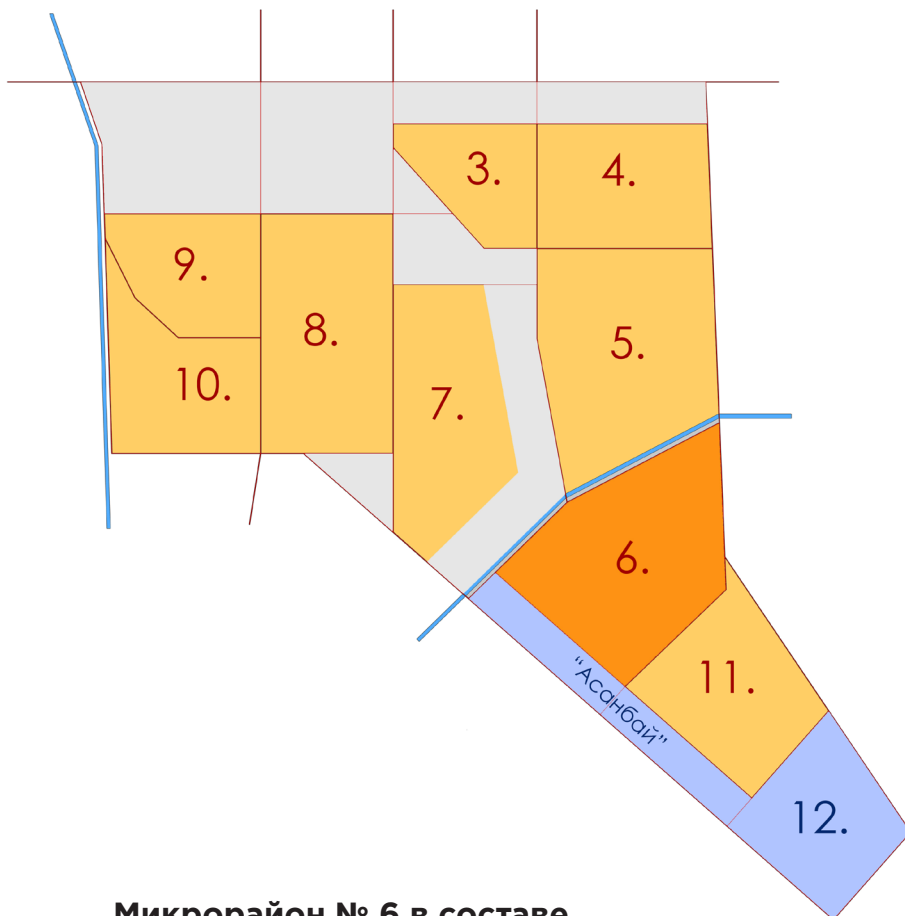
В контексте здорового образа жизни нельзя не упомянуть и вопрос озеленения, так же популярный как в раннем, так и в позднем СССР. Авангардисты единодушно мечтали превратить город в город-сад или даже город-лес: по Корбюзье, одна из основных функций градостроительства состояла в том, чтобы *«обеспечивать человека жилищем... в местах и пространствах, обеспеченных свежим воздухом и солнцем, т. е. в истинно «природных условиях»*⁵⁶.

Не все микрорайоны или жилые районы Советского Союза включали зеленую прогулочную зону, но образцовые включали обязательно. Здесь также имело значение отсутствие частной собственности: ничто не препятствовало щедрой трате земель. В пример можно привести район Беляево в Москве⁵⁷ или наш 6-ой микрорайон. И первый, и второй развили парковую зону на основе ранее существовавших

⁵⁵ Нуркиязова С. Когда в Бишкеке появится метро? Интервью с С. Дресвянниковым, главным специалистом по транспорту генплана Бишкека. <http://enot.kg/mag/city/323-kogda-v-bishkeke-poyavitsya-metro>

⁵⁶ Ле Корбюзье. Афинская хартия. С. 117.

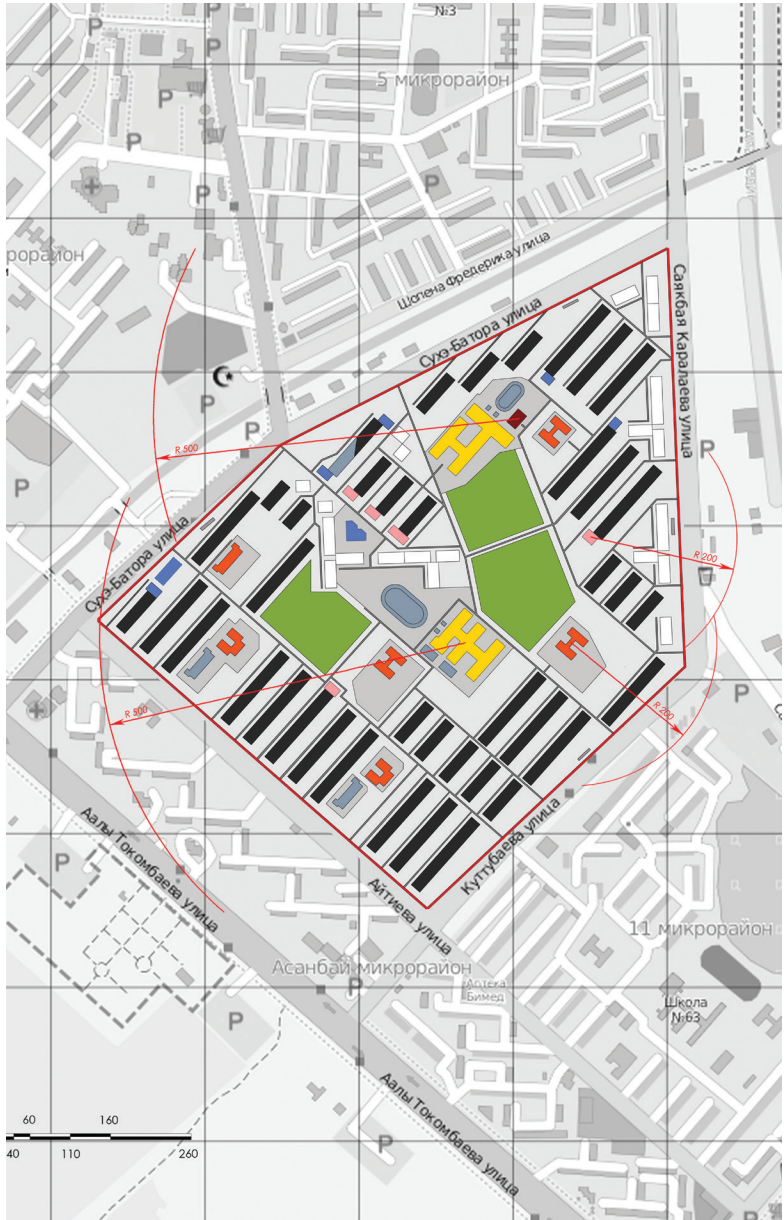
⁵⁷ «Парковая территория расположилась посередине между тремя микрорайонами — таким образом, она находилась в пешеходной доступности для всех жителей, и они искренне полюбили это «зеленое сердце» юго-западного подрайона. Большие пруды, расположенные поблизости, стали композиционным центром нового средового пространства...» — Снопек К. Беляево навсегда. М.: «Стрелка», 2013. С. 31.

**Микрорайон № 6 в составе
юго-восточного жилого района
г. Бишкек, Кыргызстан**

- Первоначальная конфигурация
селитебной территории под
строительство микрорайонов 3-11
- Микрорайоны поздней застройки

Графика: Самат Мамбетшаев

Схема микрорайона № 6

 Жилые дома серии 1-464

 Жилые дома серии 105

Объекты обслуживания жилой группы (200 м)

 Детские сады

 Магазины

Объекты обслуживания микрорайона (500 м)

 Школы

 Почтовое отделение

 Зелёные зоны

 Объекты поздней застройки

зеленых массивов, — в частности, на месте 6-го прежде находились насаждения поселка «Ортосай»; почти 20 процентов территории были заняты посадками ореха, дуба, акации, урюка, березы. Проектируемый же показатель зеленых насаждений, одобренный Минздравом, составлял 38 га (66% территории микрорайона)⁵⁸. Микрорайон до сих пор утопает в зелени и знаменит уютным парком «Ореховая роща».

Заключение

Математические основания «ступенчатой системы обслуживания», ее радиусы и таблицы, не раз критиковались за «обезличку» (за то, что индивидуальные свойства личности стандартизируются и «поверяются алгеброй»⁵⁹). Но в современной ситуации — когда жители «новостроек» Бишкека порой не имеют доступа не то что к ясли-саду, но к элементарным коммуникациям — сама идея тотального доступа к инфраструктуре кажется фантастичной, а критика «бездущности» ступенчатой системы — анахроничной.

Сегодня в Кыргызстане о массовом строительстве речь не идет, — хотя второй ДСК, переименованный в «Домостроительную корпорацию «Азат», работает до сих пор и строит дома улучшенной 105-ой серии в рамках ограниченного государственного заказа (для небольших групп государственных служащих). Наиболее распространена сегодня так называемая «точечная застройка», когда дома малой этажности сносятся, и на их месте возводятся высотные «элитки», рас-

⁵⁸ Экспертное заключение по проекту застройки 6 микрорайона юго-восточного жилого района г. Фрунзе.

⁵⁹ Пример подобной критики: «...каким-то уж очень «плоским» оказывался горожанин-потребитель, рационально и потому дисциплинированно решавший всякий раз, к какому классу потребностей надлежит отнести то, что ему нужно или хочется в данный момент...» — Гутнов А., Глазычев В. Ступени обслуживания и принцип «матрёшки» // Мир архитектуры. Лицо города. М.: Молодая гвардия, 1990.

http://www.glazychev.ru/books/mir_architecturey/glava_4/glava_04-03.htm

тушие сами по себе, как растения после дождя. Такая застройка оценивается практически всеми как явление неблагоприятное⁶⁰. Пресса перечисляет зловредные последствия «точечного» строительства: повышение плотности застройки перегружает систему коммуникаций, электрическую сеть, водоснабжение, отопление. Высотки перекрывают обзор жителям соседних домов, препятствуют инсоляции и проветриванию. Но, несмотря на критику, «точечная» активность продолжается. Бишкек непредсказуемо формируется плюрализмом частных инициатив: капиталистический «город-организм» обеспечивает «предпринимателю» презумпцию независимости от социальной среды, привилегию строить, где и как хочется, соблюдая лишь ограниченные регламенты (типа высотности)⁶¹, т. е. привилегию классовую.

Масштабных градорегулирующих инициатив в Бишкеке не замечено, но они периодически мелькают на горизонте. В частности, власть озадачена, каким образом вернуть контроль над ростом города. На «Урбан-форуме» прошлого года руководитель мастерской генплана Д. Кулбатыров презентовал план создания «Бишкекской агломерации» (компактного комплекса населенных пунктов), — с целью рассредоточения «механического притока населения»: *«Город Бишкек должен развиваться не сам по себе, а в составе всех населенных пунктов Чуйской области, то есть необходимо создать бишкекскую агломерацию, — пояснил Кулбатыров. — При этом механический приток населения, который стремится в Бишкек, должен быть рассредоточен на территории этой агломерации, что позволит уменьшить нагрузки на центр Бишкека. Для этого необходимо развитие мощной*

---

⁶⁰ См., например: Тимофеев А. Аманкулов: Основная проблема Бишкека — точечная застройка // Вечерний Бишкек. 19 ноября 2013. http://www.vb.kg/doc/251554_amankulov_osnovnaia_problema_bishkeka_tochechnaia_zastroyka.html.

⁶¹ См.: Ложкин А. Очерк 11. Регламенты в стране согласований: de ure и de facto. <http://archi.ru/world/48881/ocherk-11-reglamenty-v-strane-soglasovanii-de-ure-i-de-facto>

инфраструктуры, одним из важнейших элементов которой является транспорт. Предлагается ввести скоростные пригородные электрички, которые обеспечат доступ со всех концов агломерации в центр Бишкека. А в самом городе необходимо ограничить население до 1 млн. 200 тыс. человек путем расселения»⁶².

Неясно, как именно будет производиться упомянутое «расселение» в целях «ограничение» и как определить данную инициативу — как акт социальной инженерии или как исполнение социального заказа? Видимо, здесь спаяны элементы и того, и другого, — социальный заказ определяет, а социальная инженерия реализует. В этой ситуации важно осознать то, что прекрасно осознавал Осип Брик, вводя в 1923 году понятие социального заказа: последний не исходит от «общества в целом», но всегда отражает интересы той или иной группы, того или иного класса. Это всегда политический выбор; в той или иной степени «социальный заказ» совпадает с тем, что называется «интересы правящего класса». Приоритетная необходимость разноцветных велостоянок⁶³ в городе, запруженном душными маршрутками и окруженном поясом саманного самостроя, действительно воспринимается как приоритетная необходимость, если понять это как социальный заказ тех, кто уже обеспечен комфортным жильем.

Советский принцип абсолютной инклюзивности, начавший работу с драмы «уплотнения», с болезненного подселения неимущих к имущим, был основан на позитивной дискриминации неимущих. Жилищная ситуация в СССР 1950-х была оценена как критическая, поскольку самые обездоленные группы находились в поле символической видимости и — в той или иной степени, с теми или иными оговорками — являлись субъектами социального заказа. Жители «новостро-

---

⁶² Ахрамеева К. В Бишкеке презентовали концепцию генерального плана города // News-Asia. 10 июня 2014. <http://www.news-asia.ru/view/6652>

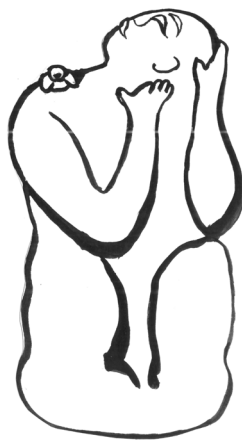
⁶³ О «хипстерском», или «креативном» урбанизме и его популярности в Бишкеке см.: Мамедов Г. Левый взгляд на город. <http://liva.com.ua/left-sight-at-the-city.html>

ек» Бишкека таковыми субъектами определенно не являются, будучи лишь объектами социальной инженерии. Они исключены с символического поля зрения подобно тому, как до Октябрьской революции были исключены с этого поля рабочие, жившие по 40 человек в избе. Мы и сейчас плохо представляем, как жили рабочие до революции. Образы их повседневной жизни маргинальны в имажинарии XIX века. Этот век для нас представляют тургеневские девушки в усадьбах, т. е. представители привилегированных сословий. Картины быта низших классов, потомками которых является большинство читающих этих строки (и просто большинство), мы не различаем в зеркале представлений, — соответственно, не можем оценить значения тех трансформаций городской среды, которые осуществила советская власть. Вместе с тем ситуация медленно, но неуклонно меняется. Мы привыкли считать жилище с канализацией и водопроводом нормой, однако с нами уже соседствуют люди, которые воспринимают эту рутину как недоступную им привилегию. Мы привыкли считать поквартирное расселение (одна квартира на одну семью) само собой разумеющимся, но уже сейчас всё больше молодых креаклов, не рассчитывающих — как когда-то их родители — на получение бесплатного жилья, арендуют жилища группами, производя феномен новых коммуналок (жилья с покомнатным расселением). «Коренным фрунзенцам», которые возмущаются «понаехавшими», стоит вспомнить, что тот Фрунзе, памятью которого они дорожат, появился благодаря принципам абсолютной инклюзивности, основанным на позитивной дискриминации угнетенных. И если бы не «стратегия тотального не-исключения», то город сейчас не насчитал бы и десятой доли от числа нынешних квартировладельцев. Квартиры попросту принадлежали бы не им, они бы жили в доходных домах.

Итого — и прошлое, и современность учат нас тому, что стоит быть более зоркими, иначе в скором будущем с символического поля зрения можем исчезнуть мы сами.

БУЛАТОВ Э.
"СОВЕТСКИЙ
КОСМОС"
1973

АНИЕВ С.
"КОСМОС"
1994
БИШКЕК,
МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Развитой социализм — де-юре,
завитой цезаризм — де-факто.
Маркс не учёл гравитации фактор.
На Земле свобода —
в форме свободного падения.
Летают не пролетарии,
а кремлёвские привидения.
Земля-эксплуататор тянет к себе:
осадок, упадок, спад.
Слишком много топлива надо,
чтобы взлететь над:
Импортной стенкой,
Кремлёвской стеной,
Научным прогрессом,
седой стариной,
Папой, мамой и мной,
спортивной семьей,
Уютом гнилым, гниютом унылым,
садиком-склепиком милым,
Родной землёй
и родной природой.
И страшной
безжалостной
волей
народа.

Научно-технический утопизм в городском пространстве Бишкека

Советский научно-технический утопизм включал веру в то, что благодаря полному избавлению от религиозных предрассудков и рациональной организации всех сфер человеческой жизнедеятельности сформируется новое общество, которое будет служить всеобщему благу и преодолет отчуждение, нужду, страдания, болезни и даже саму смерть. Научный труд представлялся как идеальный вид неотчужденного труда, доступ к которому будет открыт всем после устранения необходимости в физическом труде путем механизации всех производственных процессов. Для советского государства прогресс в научно-технической сфере должен был служить наглядным доказательством преимущества социалистического пути развития. Так, в футуристической фантазии болгарского писателя Димитра Пеева, опублико-

Академия наук Киргизской ССР. Из фотоальбома «Город Фрунзе» (Ф., 1978)

ванной в журнале «Техника — молодежи» 1973 года, двадцатый век нарекается «веком двух революций — социальной и научно-технической», а автор призывает «исполнить пророческий завет Карла Маркса, Владимира Ленина — преобразовать мир, в котором мы живем!»¹. Коммунизм, таким образом, отождествлялся с научно-техническим прогрессом.

Развитие науки и техники и их массовая популяризация стали неотъемлемой частью советской действительности². Особое влияние логика неминуемого научно-техническо-

¹ Пеев Д. Третье тысячелетие // Техника — молодежи. 1973. № 4. С. 48.

² Абрамов Р. Популяризация науки в СССР как элемент культурной политики // Время, вперед! Культурная политика в СССР / Под ред. И. В. Глущенко, В.А. Куренного. М.: Высшая школа экономики, 2013. С. 4.

го прогресса приобрела в период «развитого социализма», когда в СССР отказались от идеи мировой революции и пролетарского интернационализма, и утопия науки из движущей силы строительства коммунизма превратилась в инструмент достижения максимально комфортного будущего для советского обывателя.

В этом обобщающем тексте обсуждаются понятия и исторические процессы, объединяющие архитектурные объекты Фрунзе/Бишкека, относящиеся к утопическому советскому проекту «научно-технического прогресса», репрезентативные для отдельных периодов, институций, практик и/или концепций.

Здесь отражены два главных видения роли науки и техники в советском проекте. Во-первых, предлагаются примеры того, как в архитектуре советского Фрунзе было выражено стремление к научной организации всех сфер жизни и рациональному управлению обществом. Это стремление распространялось на организацию городского пространства, сам процесс и способы строительства, устройство быта и производственные процессы и на организацию собственно научной деятельности (комплекс зданий Академии наук, экспериментальный «дом Альбанского», фабрика «Илбирс», ботанический сад). Во-вторых, отмечены типичные институции и практики распространения научно-технических знаний (планетарий, общество «Знание», телевышка). Институты популяризации науки — в том числе посредством досуга — должны были способствовать формированию новой «все-сторонне развитой личности». Показательно, что все эти учреждения подверглись серьезной ревизии или же пришли в упадок в постсоветский период.

Научная организация жизни / научное управление обществом

Академия наук — «Дворец науки»

Сциентизация («онаучивание») политики и политизация науки — два взаимообусловленных явления современности, выраженных в советском контексте, — как в политической ангажированности академических структур, так и в формальных структурах, встраивавших научную мысль и институции в процесс принятия политических решений и стратегического планирования. С укреплением советской власти в конце 1920-х годов в Академии наук и университетах проводятся кадровые изменения, направленные на замену «буржуазных элементов» на «пролетарских ученых» и расширение штата сотрудников, в результате чего имперская академия в 1930-е годы преобразуется из «почетного клуба» в «централизованное научное предприятие» — по сути бюрократическую структуру, в которой ученые выполняют функции чиновников³. Таким образом, закладывается основа для нового режима использования науки,

когда академические центры обеспечивают государственную политику прямой идеологической поддержкой, а позже — обязательным экспертным сопровождением. Если в 1930-50-е годы эта система реализуется в форме внутриакадемической, внутрилитературной и т. д. политики правительства, то реформы конца 1950-х приводят к окончательному объединению пространств государственной администрации и науки, превращая научную карьеру в разновидность бюрократической⁴.

³ Бикбов А. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 198-201.

⁴ Там же. С. 201.

Институт химии (одно из зданий комплекса АН Киргизской ССР). 1974. ЦГА КФД КР

«Научность» системы управления социалистическим государством укрепляла его авторитет и придавала СССР ореол вечности. Так, именно на период «развитого социализма» (1967-1984 гг.) приходится издание сборника Академии общественных наук «Научное управление обществом»⁵. В этот же период — в 1963 году — в учебную программу высших учебных заведений страны официально вводится предмет «научный коммунизм»⁶. Более того, в 1973 году принимается первая «Комплексная программа научно-технического прогресса СССР», учет положений которой к концу 1970-х становится обязательным этапом составления государственных пятилетних планов⁷. Постепенно на смену радикально-

⁵ Там же. С. 240-242.

⁶ Там же. С. 242.

⁷ Там же. С. 246.

утопической и милитаристской идеи «научно-технической революции» раннего советского периода пришла утопия неизбежного «научно-технического прогресса» в позднесоветский период.

На базе преобразованной Академии наук СССР в союзных республиках в 1940-х гг. стали открывать местные филиалы АН, которые впоследствии, в 1950-е гг., были превращены в республиканские Академии наук. Киргизский филиал АН был организован в 1943 году на базе научных учреждений, созданных за годы советской власти, и эвакуированного во Фрунзе Биологического отделения АН СССР. Через одиннадцать лет, в августе 1954 года, Киргизский ФАН СССР был преобразован в самостоятельную АН Киргизской ССР. На 1982-й год в составе Академии было «14 институтов, Тяньшанская высокогорная физико-географическая станция, Ботанический сад, Отдел востоковедения, несколько стационарных и передвижных научных станций. В 1981 в 17 учреждениях Академии работали 3,5 тысячи человек, из них — 1497 научных сотрудников, в том числе 24 академика, 32 члена-корреспондента, 77 докторов и свыше 500 кандидатов наук»⁸.

На момент преобразования Киргизского ФАН в республиканскую АН пришлось и разработка проекта комплекса зданий Академии ленинградскими архитекторами Ю. В. Билинским и А. Д. Бочаровым (1953-55 гг.). Строительство комплекса Академии наук затянулось на несколько десятилетий, и история его проектирования и строительства отражает изменившиеся императивы архитектурной стилистики после смены сталинской эпохи хрущевской оттепелью. В источниках 1953 год указывается как дата заложения фундамента⁹. Однако строительство комплекса продолжалось более двадцати лет. Проект претерпел за это время большие изменения

---

⁸ Киргизская Советская Социалистическая Республика. Энциклопедия. Фрунзе, 1982. С. 285-286.

⁹ Курбатов В., Писарской Е. Архитектура города Фрунзе. Фрунзе: Кыргызстан, 1978. С. 80.

и в конечном итоге был построен со значительными отклонениями от первоначального замысла архитекторов. Изначально задуманный «в стиле русского классицизма», проект позже был переработан в духе хрущевского функционализма и «отказа от излишеств»¹⁰. Комплекс зданий АН во Фрунзе, таким образом, отражает как изменения ведущих архитектурных принципов, так и преобразования взаимоотношений между наукой и политическим режимом. Эклектичность стиля зданий комплекса иллюстрируют неоднозначность советского проекта, в то время как внушительность и пышность этого «дворца науки» указывают на ведущую роль науки в советском обществе.

В этом отношении действительно показательным является упадок как материальной базы НАН КР, так и престижа институции начиная с 1991 года. Вместе с драматическим сокращением государственного финансирования Академии и университетов прерывается и практика обязательной научной экспертизы государственного планирования. Наука, таким образом, изолируется от процесса принятия важных политических решений и в условиях интеграции республики в глобализованную неолиберальную экономику становится все более нерелевантной и периферийной. Сейчас многими силами в республике озвучиваются идеи о радикальной трансформации или полном упразднении Академии наук¹¹.

Трикотажная фабрика «Илбирс» — «Фабричный Кремль»

В то время как комплекс зданий АН во Фрунзе был построен в «благополучный» послевоенный период, здание фабрики «Илбирс» связано с историей военного времени — историей эвакуации многих объектов промышленности

¹⁰ Нусов В. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1971. С. 129.

¹¹ Высказывания о реформировании науки, расформировав НАН КР, вызвало озабоченность ученых (обращение к высшему руководству) // Kabar.Kg. 17 сентября 2014. <http://kabar.kg/rus/society/full/82753>

В одном из цехов Фрунзенской трикотажной фабрики. 1976. ЦГА КФД КР

из европейской части Советского Союза в среднеазиатский тыл. Предприятие было создано в декабре 1941 года на базе эвакуированной из Харькова трикотажной фабрики имени Микояна. Фабрика была размещена в недостроенном здании ЦУМа: производство снаряжения для фронта требовалось начать незамедлительно, фабрика была нужнее торгового центра. Вместе с оборудованием из Харькова приехали около 70 рабочих и инженеров. Спустя полгода фабричный коллектив превышал 400 человек, большинство из которых были женщины, бывшие домохозяйки. Почти все они не имели специальной подготовки и опыта, но на фабрике были созданы условия для обучения — на крыше предприятия была организована вечерняя школа.

Социалистический город должен был воплотить в себе идеалы рациональной организации жизни. Фабрики и заводы в СССР располагались обычно в периферийных городских районах, часто в специально выделенных промышленных зонах — что согласуется с принципами функционального зонирования, изложенными в «Афинской хартии» Корбюзье¹². Однако «Илбирс» находится в административном и символическом центре Бишкека — на главной площади Ала-Тоо — что неожиданно перекликается с концепцией «Фабричного кремля», автором которой был советский экономист 1920-х годов С. Струмилин¹³. Он настаивал на размещении промышленного сектора в географическом центре социалистического города, для чего производственный процесс надлежало сделать экологически безвредным. Струмилин был уверен, что безвредное производство — вполне осуществимая задача, ее только надо всерьез поставить перед советской наукой¹⁴.

Перемещение индустрии с периферии в сердце города послужило бы глорификации (прославлению) пролетариата. Струмилин считал, что заводы должны стать центральными объектами, смысловыми магнитами социалистического города, заменив старые центры социального притяжения — рынок, биржу и храм, — которые при социализме обречены на отмирание¹⁵. Центральное расположение заводов должно было подчеркнуть ведущую роль пролетариата в новом со-

---

¹² Ле Корбюзье. Три формы расселения. Афинская хартия. М.: Стройиздат, 1976. С. 118.

¹³ В книге Струмилина «Проблемы планирования в СССР» (Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1932), где излагается его концепция, метафора «Фабричный кремль» не встречается. Это не «научная», а риторически эффектная фраза прозвучала в одном из устных выступлений экономиста: «предприятия могут быть в самом центре города..., будет фабричный кремль» (Струмилин С. Выступление // К проблеме строительства социалистического города: дискуссия в клубе плановых работников им. Г. М. Кржижановского. М., 1930. С. 74. Цит. по: Меерович М., Конышева Е., Хмельницкий Д. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928-1932 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 120).

¹⁴ Струмилин С. Проблемы планирования в СССР. С. 497-498.

¹⁵ Там же. С. 496.

Фрунзенское производственно-трикотажное объединение им. 60-летия СССР. 1980-е.
Из архива ОАО «Илбирс»

циальном устройстве и одновременно обеспечить рабочим наиболее удобные и престижные городские маршруты, «пролетаризировать» карту города: «в центре должны находиться наиболее часто посещаемые, наиболее важные пункты повседневного общения данного трудового коллектива»¹⁶, — а трудовым коллективом является весь город. И, хотя «Илбирс» случайно занял столь символически важное место (к тому же трикотажное производство сравнительно безвредно), эта фрунзенская случайность явила идеальную модель научно организованного социалистического города — с производством в смысловом центре.

Такая логика организации города не была сознательно осуществлена нигде. С момента обретения Кыргызстаном независимости городской центр заняли коммерческие предприятия и места досуга. Однако фабрика «Илбирс» продолжает функционировать, хотя и в более скромном масштабе.

¹⁶ Там же. С. 495.

В 1992 году предприятие было преобразовано в акционерное общество без долевого участия государства.

Ботанический сад — «Природа как культура»

В научном управлении обществом даже природа должна была подчиниться воле человека разумного. Помимо исключительно научных и прикладных изысканий, ботанические сады служили символическим целям советского модернизационного проекта. В достижениях такой «полезной» науки, как ботаника, — которая в буквальном смысле превращала природу в культуру, — коммунистическая утопия всестороннего переустройства мира и создания нового человека обретала вполне реалистические очертания.

Ботаническая наука получила наибольшее развитие в период западного колониального господства. Так, королевские ботанические сады Британской империи, разбитые в колониях в Австралии, Индии, Индокитае и Латинской Америке, служили укреплению и умножению мощи и богатства короны¹⁷. Новые знания в области физиологии, экологии и классификации растений сделали возможным перевоз растений с континента на континент. Таким образом, британские ботаники интродуцировали резиновые деревья в Юго-восточную Азию, чай на Цейлон, кофе в Латинскую Америку, сахар в Бразилию и т. д. Экспансия Британской империи на африканском и азиатском континентах во многом была облегчена открытием хинина — вещества, получаемого из коры растущего в Перу и Боливии хинного дерева, — для лечения лихорадок и малярии.

Ботанические сады также представляли и важное символическое значение — подобно картам, они демонстрировали размах колониального доминирования империи, а также становились местом культурного досуга и получения науч-

---

¹⁷ Brockway L. H. Science and colonial expansion: the role of the British Royal Botanic Garden. Yale University Press, 2002.

Общий вид ботанического сада Киргизского филиала АН СССР. 1950-е. ЦГА КФД КР

но-популярных знаний. Новое советское государство также стремилось освоить свои окраины посредством создания всевозможных центров прикладной науки — таких как испытательные полигоны и опытные станции, ботанические сады и обсерватории. Подобная демонстрация невообразимых до тех пор возможностей человека была призвана поражать политическое воображение достижениями науки и техники, вносящими прямой вклад в улучшение жизни¹⁸.

Фрунзенский ботанический сад им. Э. Гареева был основан в 1938 году. Первыми руководителями ботанического сада были академик И. В. Выходцев и профессор Е. В. Никитина¹⁹. Первоначально ботанический сад был заложен на южной окраине г. Фрунзе на высоте 780 м. над уровнем моря в пойме реки Ала-Арча. Проект был составлен Ботаническим институтом им. В. Л. Комарова Академии наук СССР. Первые посадки из 40 видов деревьев и кустарников были проведены в 1940-1941 гг.²⁰.

В 1962 году решением исполнительного комитета

¹⁸ Бикбов А. Грамматика порядка. С. 243-244.

¹⁹ Интервью Штаба с Назгуль Викторовной Кенжебековой — ученым секретарем ботанического сада им. Э. Гареева.

²⁰ Информационный буклет ботанического сада им. Э. Гареева.

Сотрудница ботанического сада Леанбюю Мейманова за подготовкой растений для отправления на Всесоюзную сельхозвыставку. 1952. ЦГА КФД КР

Фрунзенского городского Совета депутатов трудящихся под развитие ботанического сада был отведен участок 124 га в пойме реки Аламедин в юго-восточной части города. На данной территории был создан дендрарий родовых комплексов, расположенный по систематическому принципу и представляющий растения более 1000 видов и форм²¹. В 1964 году постановлением Совета Министров Киргизской ССР ботаническому саду АН Киргизской ССР был присвоен статус научно-исследовательского института²².

Сегодня ботанический сад им. Э. Гареева — научно-исследовательский институт Отделения химико-технологических, медико-биологических и сельскохозяйственных наук АН Кыргызской Республики²³. Общее количество сотрудников — 62, из них научных сотрудников — 29, в том числе 2 доктора наук и 9 кандидатов наук. В ботаническом саду работают 4 лаборатории и 1 филиал²⁴; ведется научно-исследовательская работа по интродукции, селекции и сохранению коллекции растений. Однако научные сотрудники сада жалуются на нехватку финансирования и устаревшее оборудование²⁵.

Дом Альбанского — «Архитектура как наука»

Советская архитектура видела себя преобразующей деятельностью, основанной на материалистическом понимании мира, в то время как «строительство» стало метафорой нового мироустройства («Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим...»). Архитектура 1920-х годов не только руководствовалась научными принципами как инструментами для осуществления своих специфических задач, но и должна была стать наукой на службе социальной инженерии. Так, утопическим посы-

---

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Вебсайт ботанического сада им. Э. Гареева НАН КР. История. <http://botansad.com/o-institute/istoriya>.

²⁴ Информационный буклет ботанического сада им. Э. Гареева.

²⁵ Интервью с Назгуль Викторовной Кенжебековой.

«Дом Альбанского». Реконструкция: Галина Васильченко (на основе фотографии из: Курбатов В. Архитектура городского жилища. Ф., 1972. С. 108)

лом конструктивисткой архитектуры начала XX века было радикальное преобразование форм человеческой коллективности. Например, в журнале «Современная архитектура» 1930 года архитектор-конструктивист В. Кузьмин в статье, озаглавленной «Проблемы научной организации быта», предлагал проект дома-коммуны, основанный на теории переустройства быта, где учитывалось всё: «социально-экономический анализ, идеологическая установка, психофизиология труда и психотехника; отдых, сон, восстановление сил, питание, половая жизнь, воспитание детей»²⁶.

В позднесоветский период роль архитектуры как науки проявлялась и в том, что ею был апроприирован такой сугубо научный метод как «эксперимент», а архитекторами стал активно использоваться язык науки. Архитектор Борисовский в книге «Архитектура, устремленная в будущее» (1977) пишет: «Научный эксперимент становится методом работы зодчего. Широкая его постановка — это то принципиально новое, что несет нам архитектура сегодняшнего дня»²⁷. Во Фрунзе велось экспериментальное проектирование как отдельных зданий, так и жилых районов. В Курбатов объясняет задачи, поставленные

²⁶ Борисовский Г. Архитектура, устремленная в будущее. М.: Знание, 1977. С. 14.

²⁷ Там же. С. 33.

перед экспериментальным проектом микрорайона, который разрабатывался в институте «Киргизгипрострой» в 1963-64 гг.:

В отношении жилых домов эксперимент должен был выявить прежде всего целесообразную планировку и оборудование квартир и зданий в целом в соответствии с перспективами развития жилища, новую конструктивную основу зданий и решить ряд других задач. В отличие от действовавших типовых проектов, в которых структура каждого из основных типов жилых домов стремилась повторить демографию населенного места, разработанные экспериментальные проекты учитывали демографию в целом на микрорайон путем специализации домов по типам квартир²⁸.

Однако эксперименты не всегда подтверждают гипотезы, выдвинутые пытливыми умами исследователей. В таких случаях эксперимент представляет не меньшую, а иногда даже большую ценность, так как позволяет отменить неверные предположения и заключения. Примером такого неудавшегося в условиях советской Киргизии эксперимента является 5-этажный жилой дом, построенный в 1967 году на пересечении улиц Киевской и Исанова (ранее ул. 40 лет Октября). Проект дома, согласно документальным источникам и свидетельствам, был разработан институтом «Киргизгипрострой» под руководством архитекторов А. М. Альбанского и Г. В. Савватеева и был основан на реализованном ранее проекте латвийских архитекторов²⁹. Эксперимент намечалось провести комплексно, тестируя различные аспекты жилищной архитектуры и строительства³⁰. Дом представлял лишь один

²⁸ Курбатов В. Архитектура городского жилища. Фрунзе, 1972. С. 101.

²⁹ Нусов В. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1971. С. 125; ЦГА КР. Ф. 2710 Оп. 4 Д. 116 Л. 1; интервью со Спиваковой Р. П., жительницей дома № 80, руководителем строительного-монтажного управления (СМУ-4) при Госплане СССР.

³⁰ Курбатов В., Писарской Е. Архитектура города Фрунзе. С. 69.

из элементов запроектированного жилого комплекса на 280 квартир в районе ул. Белинского, а застраиваемый участок должен был стать частью нового микрорайона. Предполагалось, что проект «даст городу не только отвечающее его климатическим особенностям хорошее и дешевое жилье, но и интересный своеобразный участок застройки магистрали»³¹. «Дом Альбанского» должен был задавать стилистику района; а территорию нынешнего ТЦ «Бишкек-парк» по плану комплекса должен был занимать бульвар с прогулочными дорожками. Кроме того, предполагалось, что экспериментальным дом будет не только в конструктивном и планировочном решениях, но и в организации быта его жителей.

Ярким примером экспериментальности дома являлись лестничные площадки, которые не отапливались, в то время как лестница была оформлена солнцезащитной решеткой, установленной на месте оконных проемов на всю высоту здания³², что вызвало много споров на общем собрании Союза архитекторов, так как некоторые его члены считали такое решение неприемлемым³³. Однако, несмотря на все споры, было решено «проэкспериментировать дом в эксплуатации с целью проверки всех качеств»³⁴. В качестве основного аргумента в защиту запроектированных лестниц выдвигалось утверждение, что подобное их устройство «позволит осуществить сквозное проветривание квартир с односторонней ориентацией на противоположную лестнице сторону»³⁵. На деле же такая лестница себя не оправдала: «Первая же зима показала, что это не лучшее решение. У нас ведь днем тепло, а вечером холодно, и потом там лед. И каждый жилец на своем этаже чем только не закрывал — и одеялами, и покрывалами. И дети болели, и было скользко в подъезде»³⁶. В итоге

---

³¹ Там же.

³² Курбатов В. Архитектура городского жилища. С. 109.

³³ ЦГА КР. Ф. 2710 Оп. 4 Д. 116 Л. 2.

³⁴ ЦГА КР. Ф. 2710 Оп. 4 Д. 116 Л. 1.

³⁵ Там же.

³⁶ Интервью со Спиваковой Р. П.

лестницу заложили кирпичом, сохранив фигурные решетки, изначально предполагавшиеся быть сквозными.

«Дом Альбанского» отличался необычным многообразием планировки квартир, применением новых материалов (например, гофрированного стеклопластика, использовавшегося в оформлении лоджий) и технологий (к примеру, бесшовных полуэластичных полов на основе распыленной жидкой мастики сложного состава), систем ливнестока и потолочно-напольным водяным отоплением³⁷, открытостью фасада и стальными струнами для вертикального озеленения. В то время как одни решения были признаны практичными и целесообразными, другие не выдержали испытания эксплуатацией³⁸. В частности, жильцы дома не заинтересовались возможностью вертикального озеленения на стальных струнах, размещенных по фасаду здания, и исправляли недостаточную приватность лоджий, самостоятельно сооружая в них глухие экраны. Отмечалось, что стремление проектировщиков соединить пространство интерьеров с экстерьером посредством высоких окон-дверей, способствует «излишней наблюдаемости быта», таким образом, создавая неудобства для жильцов³⁹. Вообще не оправдала надежд система потолочно-напольного отопления, призванная «улучшить интерьер комнат»⁴⁰. По словам жительницы дома: «Сначала это было просто прекрасно. Коэффициент тепла у напольного отопления гораздо выше, чем у батарей. А потом все полы потекли, и жильцы начали друг друга топить. В итоге во всех квартирах поставили батареи»⁴¹.

Стоит отметить и ряд внешних, не зависевших от проектировщиков факторов, обусловивших неудачность эксперимента: ландшафт местности, недостаточное финансирование, трудности со сносом старых построек в связи с

³⁷ Курбатов В. Архитектура городского жилища. С. 112.

³⁸ Там же. С. 112-113.

³⁹ Там же. С. 111-112.

⁴⁰ Там же. С. 112.

⁴¹ Интервью со Спиваковой Р. П.

отказом населения переселяться и т. п. Дом был построен с большими отклонениями от проекта: даже визуально он кардинально отличается от первоначального видения проектировщиков. По итогам опыта строительства этого здания, задуманного как часть целого микрорайона, комплекс в центре Фрунзе так и не был построен — эксперимент был признан неудачным, а проект нерентабельным. Как объясняет жительница дома, руководившая в то время строительномонтажным управлением при Госплане СССР: «Республика наша всегда была на дотации от союзных ведомств... И сколько финансов выделили по подсчетам экономистов — столько выделили. Но по факту строительство дома потребовало больше вложений. И когда подсчитали стоимость комплекса, пришли к выводу, что строить т. н. «104-ю серию» гораздо выгоднее. Подстроили все конструкции, все опалубки под производство ЖБИ, под то оборудование, которое у нас было, и начали строить типовые дома. Поэтому он остался один недостроенный. А деньги выделили как на обычный жилой дом, без учета всего вышеперечисленного»⁴².

Этот проект — яркий пример архитектурной практики своего времени. «Экспериментальность» и «научность» архитектурного проектирования была направлена на достижение максимального комфорта и даже роскоши (а не просто приемлемого быта, как в хрущевках) в условиях массового строительства жилья. Эти стремления зачастую не могли быть реализованы (неудача дома Альбанского — тому свидетельство), но они иллюстрируют постепенные трансформации советского курса в сторону «удовлетворения потребностей личности». В постсталинском СССР либеральные ценности частного бытия становились все более влиятельными не только для оппонентов советской власти, но и для самой власти.

---

⁴² Там же.

Научное просвещение и создание нового человека

Общество «Знание» — «Академия миллионов»

Вкупе с демократизацией Академии наук в 1930-е годы посредством «пролетаризации» ее кадров, советская власть ставила перед собой задачу массовой популяризации научно-технических знаний. В предвоенный, военный и послевоенный периоды — периоды индустриализации, коллективизации и милитаристской мобилизации — государству требовались человеческие ресурсы, обладающие моральными качествами, отвечающими целям построения коммунизма, а также технически образованная рабочая сила. В сентябре 1944 года ЦК ВКП(б) было принято постановление «Об организации научно-просветительской пропаганды», что предполагало прежде всего научно-атеистическое воспитание населения. По всей видимости, первоначальные усилия не имели желаемого эффекта, в связи с чем в 1954 году Центральным Комитетом партии принимаются два постановления: «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» и «Об ошибках в проведении атеистической пропаганды среди населения». В постановлениях подчеркивалась необходимость активизации антирелигиозной борьбы и использования культурно-просветительных средств, основанных на «естественнонаучных знаниях и внедрении новых, советских традиций и обрядов»⁴³.

Учрежденное в 1947 году как Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, а с 1963 года известное просто как общество «Знание», это движение имело поистине грандиозный размах. В Киргизской ССР общество «Знание» было образовано 15 января 1948 года

⁴³ Старусева И. Культурно-просветительские учреждения Кыргызстана в советской идеологической системе 1946-1964-х годов // Вопросы истории Кыргызстана. 2007. № 1.

Из архива ОО «Общество Знание» КР

по инициативе видных деятелей науки и культуры. Общество занималось организацией публичных лекций, научных докладов и конференций, а также проводило семинары, тематические вечера, творческие отчёты учёных в производственных коллективах, беседы, научные консультации, инициировало производство радио- и телепередач и научно-популярных фильмов. Членом общества мог быть любой гражданин СССР, способный нести в массы научные и политические знания. Работа организации имела значительный охват и определяла просветительскую деятельность на огромных пространствах, а авторами книг и брошюр зачастую были известные ученые, в то время как общество возглавляли нобелевские лауреаты — академики Н. Н. Семенов (1960-1963) и Н. Г. Басов (1878-1989).

В 1963 году каждый взрослый советский человек прослушивал ежегодно в среднем 4-5 лекций общества «Знание». В 1964 году IV съезд «знаниевцев» принял решение о создании так называемых «народных университетов» — общественных учебных организаций, способствующих самообразованию и

Из архива ОО «Общество Знание» КР

повышению профессионального уровня трудящихся без отрыва от производства, которые организовывались при предприятиях, в колхозах и совхозах, при учреждениях культуры и высших учебных заведениях. В этих «университетах» работники предприятий и учреждений в свое свободное время приобретали систематические знания по самым различным вопросам науки и техники, литературы и искусства, педагогики, медицины, государства и права, международных отношений. К 1968 году в СССР работало свыше 200 таких «университетов», а число их слушателей превышало 30 тыс. человек. Общество «Знание», таким образом, осуществило переход в своей работе от разрозненных лекций и брошюр к систематическому специальному образованию. Предприятия, в свою очередь, не только повышали в «народных университетах» квалификацию своих кадров, но и привлекали ученых к решению прикладных проблем, а лидеры высшей школы получали возможность открывать и отлаживать в этих «университетах» самые передовые факультеты (например, кибернетики), которые лишь спустя годы появлялись в вузах. Учебно-тематические планы и программы «народных университетов» были рассчитаны на 1-3 года обучения с учётом уровня подготовки слушателей и их производственных интересов.

С момента приобретения Кыргызстаном независимости в

1991 году республиканское общество «Знание», следуя примеру аналогичных организаций в других постсоветских странах, предлагает населению курсы, обучающие профессиональным навыкам (бухгалтерский учет, компьютерная грамотность, дизайн и прикладные ремесла, парикмахерское дело, лечебный массаж и т. п.), приспособливаясь к требованиям нового времени и обслуживая интересы изменившегося рынка труда в условиях деиндустриализированной экономики.

Телевидение — «Красный Прометей»

Телевидение как одно из самых потрясающих научно-технических изобретений прошлого века вошло в повседневность широких масс, став не только доминирующим медиумом коммуникации, но и самой доступной формой досуга для миллионов, способом потребления, источником образования и социализации. Буквально «телевидение» означает «видеть далеко», позволяя зрителю приобщиться к мирам, отдаленным географически, культурно, лингвистически, даже исторически, — находясь у себя в гостиной. Метафоры зрения и видения формируют наш язык, относящийся к эпистемологии и когнитивной сфере — области понимания, познания, проницательности, открытия. Мы употребляем такие выражения как «близорукое руководство» или, наоборот, «дальновидность политики», говорим о необходимости «пролить свет» на проблему или «прояснить обстоятельства». Телевидение, таким образом, продолжает утопическую просвещенческую амбицию всеохватывающего познания мира посредством достижения его полной обзорности.

Древнегреческая легенда о Прометее — титане, чье имя означает «мыслящий прежде», «предвидящий», в противоположность имени его брата Эпиметя, «думающего после» — является античной версией повествования о научно-техническом прогрессе. Прометей в буквальном смысле

Дикторы киргизского телевидения Ж. Кайыпов и засл. артистка Киргизской ССР Г. Молдоева во время подготовки к очередной передаче. 1981. ЦГА КФФД КР

ле приносит людям знание и технологию в виде огня. Как уже упоминалось выше, идея НТП имела огромное репутационное значение для советского государства. Как отмечает А. Бикбов: «В 1960-е годы первенство в освоении космоса, рост производственных показателей, прямая адресация к советскому потребителю становятся аргументами новой риторики преимущества советского образа жизни. В этом контексте «научно-техническая революция/прогресс» часто используется как синоним «социалистического устройства»... Понятие остается стержневым в определении социализма на протяжении почти трех десятилетий, вплоть до конца 1980-х годов»⁴⁴.

⁴⁴ Бикбов А. Грамматика порядка. С. 239-240.

Вид на телевизионную вышку в г. Фрунзе. 1982. ЦГА КФФД КР

Бишкекская телевышка, расположенная по улице Орозбекова (ранее ул. Киргизская), является типовой вышкой первого поколения (так, к примеру, минская и даугавпилская (Литва) вышки построены по тому же проекту). Построенная в конце пятидесятых, она не может состязаться в высоте с грандиозными телебашнями Ташкента, Алматы и Москвы (высота башни составляет 196 метров, весит она 274 тонны⁴⁵), однако фрунзенская телебашня, так же, как и останкинская и берлинская, — свидетельство периода, когда технологический прогресс был важнейшей частью советского мифотворчества, и телевышки часто использовались в качестве его основных символов.

Период 1920-30 гг. характеризуется широким увлечением радиотехникой и конструированием среди населения, что хорошо иллюстрирует существование изданий вроде книги «Самодельный телевизор»⁴⁶, где «юным конструкторам» предлагается пошаговая инструкция по сборке механического телевизора. Провинциальный Фрунзе оказался навсегда вписан в историю телевидения благодаря полумифической фигуре изобретателя-самоучки Бориса Павловича Грабовского. На той же улице, где спустя два десятилетия построят телебашню, в конце 1920-х годов он жил со своей женой: «Небольшого роста, сухонький, почти круглый год щеголявший в белых парусиновых штанах и тюбетейке. Никто не знал, что он один из создателей телевидения, разработавший первую в мире электронную схему для передачи изображения на расстояние», — пишет Петров в своей популярной книге по истории Фрунзе⁴⁷.

После встречи с одним из ведущих ученых того времени, занимавшихся проблемой телевидения, — Розингом — и по его настоянию, Грабовский патентует свое изобретение.

---

⁴⁵ Инфографика «Бишкекская телевышка» // KNews. 15 мая 2012. http://www.knews.kg/infografika/15999_bishkekская_televyishka

⁴⁶ Шефер Б. Самодельный телевизор. Библиотека юного конструктора. Детиздат, 1937.

⁴⁷ Петров В. Фрунзе советский, 1926-1991. Бишкек: Литературный Кыргызстан, 2008. С. 52. <http://literatura.kg/articles/?aid=421>

Согласно Рубченко, изучившему «архив Грабовского», хранящийся в Ташкенте, «9 ноября 1925 года в Комитет по делам изобретений и открытий СССР, находившийся в Ленинграде, поступили описание и схема предложенной Грабовским конструкции. Заявителям вручили свидетельство № 4899. Три года в Комитете сверяли заявку со всем, что было сделано до тех пор в мировой технике в этой области. Но только в 1928 году был выдан патент на аппарат для электрической телекопии системы Грабовского, Пискунова и Попова»⁴⁸. Дело оставалось за техническим исполнением.

Согласно одной из версий, «в 1928 году его «телефот», так назвал свое изобретение Грабовский, получил первое изображение. Это была рука его жены Лидии...»⁴⁹. Изобретатель и соавторы повезли «телефот» в Ташкент, где руководство республики оказало им поддержку для продолжения экспериментов. Повторно движущееся изображение было передано в Ташкенте 26 июля и 4 августа 1929 года, когда удалось передать и получить на экране «телефотоизображение движущегося ташкентского трамвая»⁵⁰. В дальнейшем идея Грабовского не нашла поддержки у властей и ученого сообщества, которое было увлечено в то время оптическо-механическим методом трансляции изображения⁵¹. Грабовский прожил во Фрунзе большую часть жизни, где и умер в 1966 году. До конца жизни он продолжал свои эксперименты и изыскания: «Около 70 авторских и заявочных свидетельств — таков итог деятельности этого замечательного испытателя и новатора...»⁵².

Фрунзенская телевизионная вышка и телестудия начали свою работу 17 ноября 1958 года — три десятилетия спустя

---

⁴⁸ Рубченко Ю. Грабовский Борис Павлович и его «Телефот». Мифы и реальность. 2007. uk8aie.pr.uz/index.files/grab_telefot1.htm

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Документы личного фонда Б. П. Грабовского по истории телевидения // Вестник архивиста. 10 сентября 2009. <http://www.vestarchive.ru/arhivovedenie/707--n-e-.html>

⁵¹ Там же.

⁵² Петров В. Фрунзе советский. С. 52-54.

после первых экспериментов Грабовского и его единомышленников. Сначала транслировались пять программ в течение пары часов, но затем длительность вещания постепенно увеличивалась. И уже спустя 5 лет киргизское телевидение работало по 6 часов в сутки. Расширялась и местная телевизионная аудитория. Согласно энциклопедии «Фрунзе», «к 1979 телевидение стало доступным почти всем населённым пунктам республики».

Хотя, согласно первоначальному проекту, срок эксплуатации фрунзенской телебашни уже давно вышел (предусмотрено было заменить ее спустя 45-50 лет), вышка все еще остается главным инструментом приема и ретрансляции сигнала для большинства теле- и радиоканалов страны, и, по мнению специалистов, «находится в прекрасном состоянии и функционирует в штатном режиме»⁵³.

Телевышка и сегодня — не только инструмент ретрансляции радиосигнала. Символический потенциал этой яркой высотной конструкции привлекает внимание различных деятелей, мечтающих найти ему применение в соответствии с актуальными идеологическими параметрами. По сообщению информационного агентства АКИpress, еще в 1997 году энтузиастом была запатентована и представлена общественности идея новой 350-метровой телебашни в Бишкеке, состоящей из набора национальных символов — юрты, коокора (фляжка для питья кумыса) и темир-комуза (музыкальный инструмент). Эта идея, к счастью, не была реализована, но скорее всего лишь из-за отсутствия финансирования.

Планетарий — «Памятник гражданину вселенной»

В СССР космос раскрывался не избранным единицам, но миллионным массам. Тема космоса находила отражение в популярной культуре, быте и досуге. Всеобщий интерес к

---

⁵³ Борисенко Л. 46 минут высоты // «Российская газета — Неделя» — Киргизия № 6239 (263). 21 ноября 2013. <http://www.rg.ru/2013/11/21/vyshka.html>

межпланетным полетам нашел выражение в жанре научной фантастики. Еще в 1953 году в «Литературной газете» была опубликована программная статья известного писателя-фантаста и ученого И. А. Ефремова, в которой он призывал к широкому использованию научной фантастики в целях популяризации научно-технических знаний. Эта статья во многом определила развитие популяризации науки в СССР вплоть до его распада⁵⁴.

После полета Ю. Гагарина каждый советский ребенок мечтал — и вполне мог — стать космонавтом. Различные конструкторские и авиационные кружки, научно-популярные детские и юношеские издания (такие как «Техника — молодежи») и прочие формы досуга способствовали популяризации науки и техники среди детей и молодежи. В короткометражном фильме «Кочевье космонавта» (1983) киргизского режиссера Шамиля Джапарова мальчик, растущий на отдаленном пастбище, через игру и поедание зубной пасты из тюбика (ведь именно так питаются в космосе!) приобщается к космическому полету. Засыпая, он говорит матери, что хочет стать космонавтом. На излете существования СССР, в 1990 году, летчик Салижан Шарипов, родившийся в провинциальном Узгене на юге Кыргызстана, был отобран в отряд советских космонавтов. Свой первый космический полет он совершил в 1998 году.

Массовые космические путешествия откладывались до наступления коммунизма, но звездное небо и планеты Солнечной системы мог обозревать любой желающий. Для того чтобы почувствовать себя гражданином вселенной, достаточно было посетить ближайший планетарий. Фрунзенский планетарий, открытый в 1974 году, был единственным в Средней Азии. Планетарий проводил лекции, экскурсии, а также показы мультфильмов, научно-популярных и документальных фильмов. В планетарии было 2 зала: звездный (на 60 чел.) и кинозал (на 120 чел.); оптическое оборудование, посредством которого демонстрировалось искусственное

---

⁵⁴ Абрамов Р. Популяризация науки в СССР. С. 6.

Фрунзенский планетарий. 1976. ЦГА КФД КР

звездное небо, Солнце, Луна, планеты, спутники, космические корабли⁵⁵. А в холле планетария висела модель первого искусственного спутника Земли в натуральную величину⁵⁶. Билеты стоили всего 10-20 копеек⁵⁷.

Ежегодно в планетарии читалось около 40 лекций для широкого круга посетителей и 30 — по абонеентам для школьников⁵⁸. Так, к примеру, лекторками планетария регулярно проводились следующие лекции и экскурсии для учеников по заявкам школ: «Ожерелье экватора», «Приключения капельки воды». Особой популярностью пользовалась лекция «Мифы и легенды о созвездиях животных», посвященная истории возникновения названий созвездий⁵⁹. Помимо публичной программы и абонеентов для школьников, на базе планетария функционировали астро-

⁵⁵ Фрунзе. Энциклопедия / Гл. ред. Б. О. Орозбаева. Фрунзе, 1984. С. 206.

⁵⁶ Горохова Н. Фрунзенский планетарий: нет повести печальнее на свете // ИА «24.kg». Бишкек, 2 июня 2014.

⁵⁷ Интервью Штаба с Татьяной Викторовной Петровиц — лекторкой планетария в 1981-1984 гг. Бишкек, 14 октября 2014.

⁵⁸ Фрунзе. Энциклопедия. С. 206.

⁵⁹ Горохова Н. Фрунзенский планетарий: нет повести печальнее на свете.

Лекторки фрунзенского планетария Н. Гребенщикова и Н. Корн готовят слайды для новых лекций. 1981. ЦГА КФД КР

номические кружки. Кружковцы учились управлять цейсовской техникой, делали доклады, обсуждали «небесные новости»⁶⁰.

Коллектив планетария был небольшим и состоял всего из 3 лекторок, директорки, методистки, организаторки, кассирши, кинооператорки, технички и механика. Хотя планетарий активно сотрудничал с Министерством образования и обществом «Знание», подчинялся он Управлению парков культуры и отдыха⁶¹.

В настоящее время планетарий не функционирует, его здание полностью заброшено и пришло в упадок. Согласно данным Бишкекглавархитектуры, постановлением местного самоуправления Бишкека в 1996 году планетарий из ведомства Городского объединения парков и зон отдыха был передан фирме «Полярная звезда». Какое-то время здание планетария использовалось как ночной клуб. С

⁶⁰ Плевков в детство, или 35 лет со дня открытия фрунзенского планетария // Antipodean World blogpost. 17 марта 2009. <http://antipodean-wor.livejournal.com/2009/03/17/>

⁶¹ Интервью с Татьяной Викторовной Петровиц.

2010 года земельный участок, на котором находится здание бывшего планетария, принадлежит частному лицу. Иностранцами инвесторами рассматривался вопрос возможности строительства на данной территории гостиничного комплекса со сносом здания бывшего планетария⁶². Дальнейшая его судьба не ясна.

Заключение

В итоге этого краткого обзора материальных следов утопического «научно-прогрессистского» проекта в ландшафте Фрунзе-Бишкека становится очевидным: некоторые объекты и институции остаются частью современной городской среды, но утратили свое первоначальное значение; большая же часть артефактов руинизируется и апроприруется капиталистическими механизмами приватизации и адаптации под нужды рынка. Так, выгодное положение в центре города и внушительная материальная база Академии наук не препятствуют ее растущей нерелевантности, изоляции от власти и потере престижа, — неолиберальные тенденции глобализации науки и образования приводят к оспариванию ведущего статуса Академии и даже к сомнениям в необходимости ее сохранения как институции. Общество «Знание», некогда проводившее публичные бесплатные лекции о научном атеизме и космонавтике, ныне помогает людям самотрудоустроиться, чтобы выжить в непростых условиях «рыночных отношений». Зеленые заповедные зоны ботанического сада, находящиеся в черте города, — невыносимо соблазнительны для девелоперов-застройщиков и прочих бизнес-интересов. На примере здания бывшего планетария мы наблюдаем классический сцена-

---

⁶² В Бишкекглавархитектуру не поступала документация по участку, где расположен бывший планетарий // ИА «24.kg», опубликовано ИА «FOR.KG». <http://www.for.kg/news-264721-ru.html>

рий приватизации и руинизации объекта, некогда являвшегося общественным достоянием и местом культурного досуга горожан, — с тем, чтобы не подлежащее восстановлению здание снести и использовать освободившееся пространство в частных интересах обогащения анонимных инвесторов. Архитектурный облик современного Бишкека, в отличие от советского Фрунзе, формируется стихийным натиском сил капитала, работа которых, хоть и закономерна, но не основана на научных принципах и осмысленном планировании на службе у утопического видения будущего.

Космос — подлинная
революция.
В космосе нет правящего
класса.

В космосе — только
трудящаяся масса,
Но нет нетрудового веса.
Масса безвесна.

Бестелесна.
Свободна от дыхания
и метаболизма.

Пролетарий, природа —
последний предел.

Коммунизм есть
советская власть
плюс десоматизация тел.

Земли анатомический
театр забыт.

Даешь новый быт!

Вакуумический.

Нина Багдасарова

О проекте воспитания «нового человека», или о советской педагогической утопии

Все человеческое в человеке — то есть все то, что специфически отличает человека от животного — представляет собою на 100% — не на 90 и даже не 99 — результат социального развития человеческого общества, и любая способность индивида есть индивидуально осуществляемая функция социального, а не естественно-природного организма, хотя, разумеется, и осуществляемая всегда естественно-природными, биологически-врожденными органами человеческого тела, в частности — мозгом.

Э. В. Ильенков

Внутри обширного дискурса об «утраченных советских достижениях» одно из существенных мест занимает

нарратив о «лучшем в мире советском образовании». Часть этого нарратива носит, безусловно, мифологический характер, и этот миф чрезвычайно устойчив. Возможно, никакое другое социальное завоевание реального социализма, включая здравоохранение, жилищные программы или систему занятости, не вспоминается с такой упорной ностальгией. Интересно, что на первый взгляд организация советского образования мало чем отличалась от образовательных систем в других странах. Те же самые ступени, те же самые, в принципе, предметы и типы учебной активности. Даже доступность определенного стандарта качества и стопроцентный охват со временем перестали быть значительным преимуществом по сравнению с другими индустриально развитыми государствами. Тем не менее, убеждение в том, что эта была некая совершенно «иная» система, было (да во многом остается и сейчас) непоколебимым.

Действительно, удерживая в фокусе утопический потенциал тех оснований, на которых советское образование базировалось, с этим убеждением сложно не согласиться. Несмотря на бесконечное однообразие, зубрежку, жесткую иерархию в отношениях учитель-ученик, система несла на себе глубокий отпечаток той философии и научных предположений, на которых она была построена.

Нередко исследователи в области истории советской педагогики ограничивают время «утопических» образовательных экспериментов 20-ми годами прошлого века, когда дети в школе учились в разновозрастных группах и двигались в изучении мира, следуя за целостным объектом, а не за учебным предметом¹. «Возвращение в лоно» классической классно-урочной системы и традиционного возрастного распределения учеников по ступеням обучения рассма-

---

¹ Хрестоматийным примером является занятие по теме «Утка»: через все, что касается утки, дети получали знания по зоологии, географии, математике, физике и т. д., поскольку во время занятия обсуждалось не только строение и образ жизни утки, но и маршруты ее перелетов, численность популяций и их изменение во время миграций птиц, подъемная сила крыла и многие другие вопросы.

тривается многими как откат от утопического проекта. Нам бы хотелось показать, что сама систематичность и строгость возникшей и, особенно, развившейся в послевоенные годы системы являлась неотъемлемой частью и необходимым условием для реализации советской педагогической утопии.

«Снаружи и внутри»

Известно, что советское образование было научно обосновано (так же, впрочем, как и другие составные элементы построения нового общества и сама идея коммунизма, который был определен монолитным словосочетанием «научный коммунизм»). Основанием советской педагогики были исследования, которые делались в рамках возрастной и педагогической психологии — одной из наиболее мощно развитых сфер гуманитарного знания, существовавших в СССР.

Истоками этой дисциплины (и во многих отношениях всей советской психологии в целом) стала научная школа Льва Семеновича Выготского, возникшая в конце 20-х — начале 30-х годов XX века.

В тот период главной категорией, которая находилась в фокусе теоретических построений большинства психологов, была категория развития. Важность этой категории объяснялась тем, что ни одно из психологических явлений, описанных к тому времени, не могло быть объяснено без представления о том, откуда и почему это явление произошло. Откуда берется человеческая способность к логическому рассуждению и решению задач? Чем различается эта способность у людей и животных? Как возникает у человека контроль над своими эмоциями? Почему некоторые люди более способны осуществлять этот контроль, чем другие? Где проходит граница между «нормальным» и «патологическим» поведением?

Если грубо обобщить суть всех дискуссий, которые

велись в то время, то ее можно сформулировать как спор о том, что важнее для развития человеческой психики: влияние унаследованных от природы способностей или влияние среды и воспитания? Фактически сохранить нейтралитет при ответе на этот вопрос было невозможно. Конечно, кто-то пытался представить ответ таким образом, что для развития «и то, и другое одинаково важно», или (как это было у Фрейда), что развитие происходит на стыке и при взаимодействии «того и другого». Однако детальный анализ показывал, что, так или иначе, ведущая роль в любых рассуждениях отдавалась либо «внутренним», либо «внешним» влияниям.

Сразу можно сказать, что советская наука главную роль в процессе развития отводила обучению и воспитанию. Но эта роль не сводилась к простому усвоению новых форм поведения или увеличению и усложнению все новых условных рефлексов. (Хотя искушение и риск превратиться в разновидность бихевиоризма у советской психологии были крайне высоки благодаря традиции и авторитету работ таких ученых, как Сеченов, Павлов и Бехтерев.)

Анализируя различные подходы и экспериментальные данные о развитии детской психики, Выготскому удалось создать совершенно оригинальную концепцию развития. Полемизируя с известным швейцарским психологом Жаном Пиаже, он показал, что доминирующее в то время мнение о направлении развития психических процессов не отвечает реальности как повседневного опыта, так и экспериментальной практики.

Наблюдения и интуиция подсказывали большинству людей (и психологи, как правило, разделяли это общее мнение), что с рождения маленький ребенок сначала сосредоточен на себе и своих собственных ощущениях, и только в течение нескольких лет последующего развития он становится способным вступать в полноценную коммуникацию со взрослыми и сверстниками. Таким образом, генеральная линия развития ребенка прорисовывалась в направлении

«изнутри — наружу»: от сосредоточенности на себе — через постепенное расширение контактов с другими — к полной социализации.

Пиаже попытался проиллюстрировать этот ход развития на примере анализа процесса развития речи. Для этого он описал и ввел в научный обиход понятие «эгоцентрической речи ребенка». Известно, что в возрасте от 3 до 6 лет дети постоянно говорят вслух сами с собой. Неважно, находится ли ребенок в одиночестве или в компании других детей или взрослых — любая его деятельность сопровождается комментариями. Даже если он говорит вслух, окруженный другими детьми, характер этой речи таков, что ребенок не ждет никакого ответа на свои реплики и продолжает свой монолог, не обращая внимания на реакцию окружающих. Этот феномен и получил название «эгоцентрической» речи.

Пиаже организовал планомерное наблюдение за группой детей в детском саду и показал, что интенсивность этой речи «для себя» нарастает с того момента, как ребенок начинает говорить, достигает пика в возрасте 4-5 лет, а затем она постепенно сходит на нет и пропадает примерно к 6-7 годам. С этого возраста эгоцентрическая речь превращается в «нормальную» взрослую речь, адресованную собеседнику и рассчитанную на взаимную коммуникацию.

Объяснение, которое дал этому явлению Жан Пиаже, сводилось к тому, что состояние речи отражает уровень социализации ребенка. Маленькие дети вообще не умеют говорить, заняты только собой и скорее аутичны. Затем они осваивают речь, но эта речь по-прежнему в большей степени оказывается речью «для себя», а не для других — ее характер эгоцентричен. И только после того, как ребенок овладевает логикой и пониманием, которые уже в известной степени соответствуют «взрослому мышлению», его речь становится «социальной». Что при этом происходит с эгоцентрической речью? По мнению Пиаже, она отмирает, поскольку не несет никаких функций и не имеет смысла после появления адек-

ватной социальной речи, адресованной, как положено, другому, а не себе.

Выготский вместе со своими учениками повторил наблюдения Пиаже в детских коллективах. Однако на этот раз в соответствии с возрастом ребенка был зафиксирован не только объем эгоцентрической речи, но и ее характер, само содержание сказанного. Оказалось, что эгоцентрическая речь состоит из довольно подробных комментариев ребенка по отношению к той деятельности, которой он занимается. Маленький ребенок, рисуя картинку, сам себе рассказывает и зачастую подсказывает, что нужно делать. Его монолог действительно не адресован никому, кроме него самого, и направлен на обсуждение (порой даже в формате обмена вопросами и ответами) того, что и как он должен рисовать: «Это тут солнышко. Надо его сделать желтым. Нету желтого? Нету. Тогда каким сделаю? Оранжевый вот есть. Вот так сделаю».

Наблюдения группы Выготского подтвердили тот факт, что чем старше ребенок, тем меньше подобной речи сопровождает его деятельность. Но в этом отношении было тем более важно понять, что именно из эгоцентрической речи сохраняется с возрастом. Дети 6 лет вместо подробных монологов произносят вслух только отдельные фразы и, как выяснилось, только в ситуации, когда их деятельность встречается с каким-то препятствием. Старший дошкольник молча может рисовать довольно долго и прерывает молчание только какими-то фразами вроде: «Ой, синий сломался!» или «Нет! Тут не помещается — как теперь стереть?».

Более детальный анализ «публичных монологов» дошкольников показал, что на первоначальной ступени этот монолог больше напоминает инструкции, которые дети получают от взрослых, а также некое планирование и обоснование своих текущих действий. Выготский предположил, что речь дошкольника выступает своеобразным инструментом для организации и контроля своей деятельности. Этот про-

цесс у маленького ребенка развит еще очень слабо, но со временем навыки самоорганизации и самоконтроля становятся значительно лучше, и подробные инструкции утрачивают целесообразность. Необходимость вслух отреагировать на что-то возникает только в ситуации неожиданных проблем. Собственно, мы сами, будучи взрослыми людьми, точно так же реагируем на нарушения в нашей деятельности — у нас внезапно вырываются какие-то восклицания, возгласы недоумения или недовольства. Выготский указывает на этот знакомый каждому человеку опыт и пишет о том, что как раз вот эти восклицания и есть остатки эгоцентрической речи, которой мы активно пользовались когда-то, когда были детьми.

Он предложил развернуть аргументацию Пиаже в противоположном направлении: изначально речь ребенка социальна, она возникает во время диалога со взрослым. Она и не может возникнуть вне этого диалога, речь не может появиться вне социальной ситуации, вне говорящего человеческого окружения. Более того, для маленького ребенка овладение речью это не просто освоение слов и способность разговаривать. Овладение речью — это радикальное расширение возможностей для достижения своих целей и удовлетворения своих желаний — сначала с помощью взрослого, а затем и самостоятельно. Именно в этот момент ребенок обнаруживает, что речь может выступать универсальным инструментом по управлению своими действиями. Многие из сложных действий поначалу всегда сопровождаются «инструктивно-контролирующей» речью, которая исчезает после того, как это действие становится привычным и автоматизируется. Однако, по мнению Выготского, она при этом не «отмирает за ненадобностью»: эгоцентрическая речь переходит во внутренний план и становится основой всей дальнейшей психической жизни индивида, превращаясь во «внутреннюю речь».

Таким образом, развитие речи меняет свое направление — она начинает развиваться от социального (внешнего)

окружения и в итоге переходит во внутренний план, чтобы стать основой всех мыслительных процессов и личностной рефлексии. Выготский показывает, что это направление *«снаружи — вовнутрь»*, и что оно связано не только с речью, но и со всеми человеческими способностями и видами психической активности. Речь при этом выступает одним из главных и наиболее универсальных инструментов, который может быть использован для развития любых умений и навыков.

Принципиальным для всех дальнейших работ Выготского и его школы стало утверждение именно такого *«снаружи — вовнутрь»* направления развития, которое получило название «интериоризации». С позиций данного подхода психическое развитие осуществляется в несколько этапов: сначала к ребенку от внешней среды поступает запрос на освоение какой-то деятельности (например, на умение писать). Кто-то из взрослых или более умелых сверстников показывает инструменты, с помощью которых можно этому научиться и снабжает ребенка соответствующим эталоном, с помощью которого можно оценить свой прогресс (в случае письма это могут быть прописи). Сначала вместе со взрослым осваиваются первые элементарные действия, затем процесс продолжается под своим собственным контролем (который, кстати, очень часто состоит из эгоцентрической речи, сопровождающей написание палочек и крючков на линейках). Через некоторое время действие осваивается настолько, что больше не требует никакого внешнего контроля — оно интериоризируется, то есть становится автоматическим. На базе элементарных действий и операций, и с их использованием, постепенно надстраиваются действия все более сложные.

Эта схема применима не только к физической или предметной деятельности, но и к любой другой, включая многие интеллектуальные навыки. В таком случае инструментом для освоения деятельности, например, для анализа каких-то процессов, может выступать понятие или категория. Сравнивая какие-то предметы с точки зрения физических ха-

рактических, мы можем использовать понятия объема, массы, плотности или количества вещества. Описывая людей с точки зрения психических особенностей, мы можем привлекать понятия «эмоциональной устойчивости» или, например, «экстраверсии». Чтобы делать подобные описания, мы когда-то освоили эти понятия в качестве средств собственного мышления и научились их применять в определенных ситуациях определенным образом.

В целом, эта схема объяснения психического развития и легла в основу создания большинства методических разработок и содержания учебных предметов, которые были использованы в советской школе.

Формирование «нового человека» — от идеала к технологии

Для того, чтобы оценить утопический потенциал и масштаб образовательного влияния, который подразумевался в советской системе, важно понять вклад идей Выготского в педагогическую психологию того времени.

Наиболее ярким примером влияния педагогической психологии на систему является концепция «Поэтапного формирования умственных действий» Петра Яковлевича Гальперина, одного из самых известных учеников Выготского. Гальперин последовательно работал с инструментальной стороной умственной деятельности, используя понятие «этало́на». Чтобы правильно и точно организовать деятельность, нам нужны инструменты для ориентировки: линейка, весы или камертон. Наличие образца позволяет корректировать и совершенствовать свою активность и в тех случаях, когда мы говорим об интеллектуальной деятельности. Используя идею интериоризации, Гальперин и его ученики создали методику обучения чтению, счету и письму в начальной школе. Суть методики состояла в том, что формируемое действие

сначала проговаривалось (или сопровождалось проговариванием необходимых инструкций) вслух. Затем шепотом, затем речью про себя до тех, пока его выполнение больше не требовало внешнего контроля. Таким образом, умение превращалось в автоматизированный навык.

Эта методика обучения в начальной школе, основанная на подходе Гальперина, была детально разработана и внедрена практически на всей территории СССР. Не прибегая к статистике, ее эффективность можно проиллюстрировать простым примером. В СССР в классификаторе нарушений интеллектуальной деятельности не было диагнозов «дислексия» и «дисграфия», которые фиксируют устойчивую неспособность индивида освоить процессы чтения и письма при нормальной работе мозга и всех высших психических функций. Отучившись в советской начальной школе, просто невозможно было не научиться читать и писать. Процесс обучения был организован таким образом, чтобы не давать сбоев и предоставить всем детям без исключения равные возможности для освоения элементарных умственных операций, которые являются необходимым условием для формирования более сложной интеллектуальной деятельности и дальнейшего развития личности.

Следует выделить несколько важных моментов, которые стали неотъемлемыми предпосылками развития советского образования и определили его главные особенности.

Подход Выготского не просто утверждал «первичность» среды по отношению к «природе», он позволял конструировать воздействие внешней среды на развитие человеческих способностей почти без ограничений. Безусловно, во внимание принимались некоторые «естественные» границы развития. Например, состояние мозга, физиология которого не нарушена никакой грубой патологией. В рамках концепции также существовало понятие «зоны ближайшего развития», которое подразумевало, что не всякое внешнее воздействие может оказаться в процессе развития эффективным. Пред-

ложенные взрослыми новые виды деятельности должны основываться на уже имеющихся у ребенка знаниях, умениях и навыках. Они должны быть действительно новыми, продвигающими ребенка вперед, но и не настолько новыми, чтобы оказаться совсем неизвестными и невозможными для освоения. В остальном — главным лозунгом советской психологии был лозунг: «Способности развиваются в деятельности!».

В этом отношении — по крайней мере, среди психологов — доминировала позиция, что научить человека можно всему, если деятельность организована так, как это необходимо для эффективного обучения. А это означало в свою очередь, что разработка эффективной методики преподавания *гарантирует* запланированный результат, при условии ее соблюдения. В данном случае не имеет значения, насколько эта позиция как выражение профессионального отношения к делу была распространена среди учителей (скорее всего, большинство из них такого взгляда на педагогику не разделяло). В рамках всей образовательной системы учитель получал на руки готовую методику с уже разработанным инструментом и необходимым результатом, за который он нес ответственность.

Как раз в этом месте становится понятно, почему детально прописанный стандарт и всеобщая повторяемость являются одной из наиболее сильных утопических характеристик советской системы образования. Любая технология, для того чтобы быть эффективной, должна выполняться, а для этого она должна быть максимально точно воспроизводима. Массовый эффект достижений этой системы был результатом не школьной «дрессировки», а проверенного и научного обоснованного учебного процесса, принципы и приемы которого распространялись через педагогические вузы и училища. Но главным источником достижений было даже и не распространение, а собственно происхождение этих принципов и приемов, на которые работали институты и лаборатории, предлагая, проверяя и перепроверяя их эффективность.

Другой чрезвычайно важной особенностью внедрения подхода Выготского была ориентация на формирование в процессе развития индивида как «субъекта деятельности». То есть, помимо задачи качественного освоения некоторых интеллектуальных операций и набора научных понятий, в советской педагогической психологии велись постоянные дискуссии о роли самого ребенка в процессе собственного развития. С точки зрения осмысления того, как утопические идеалы воплощались в реальности, эта сторона советской педагогики имеет особое значение.

«Психология личности» и «Воспитание субъекта»

В 60-е и 70-е годы советская психология становится ареной дебатов, посвященных проблеме личности. Следует отметить, что по времени эти дискуссии совпадают с появлением на Западе работ Мишеля Фуко и других философов, в которых (хотя и в других терминах) обсуждаются сходные вопросы.

Очевидно, что педагогические технологии, основанные на подходе Выготского, во многом связаны с формированием у индивида инстанции «внутреннего контроля», способности проявлять волевое усилие при организации своей деятельности. С одной стороны, подобная способность является признаком «человеческого в человеке», который позволяет отличать его от животного. Фактически — это та способность, которая обеспечивает человеческому существу свободу от «природы» и избавляет его от жесткой зависимости от инстинктов и жесткой биологической детерминированности. С другой — и это ведущий пафос всех текстов, написанных в традиции Фуко — воспитание в человеке способности к самоконтролю делает его бесконечно зависимым от общества и тех социальных норм, которые навязываются ему с детства.

Усвоенная нормативность, способность контролировать себя и следовать принятому образцу — не только на уровне поведения, но и на уровне восприятия и мышления — лишает нас свободы и собственной индивидуальности.

Педагогика, основанная на идее «образца», безусловно, вызывает массу вопросов именно в сфере «формирования личности». Да, она безусловно отвечает пафосу равенства и предоставления каждому ребенку возможностей для развития. Но как быть с конечной задачей советской педагогики? Ведь ее целью (по крайней мере, в идеологическом пространстве, которое мы, в первую очередь, и анализируем в данном тексте) являлось формирование «нового человека», «гармонично развитой личности». Понятие «личности», характерное именно для советского дискурса в области социальных и гуманитарных дисциплин, имело огромное количество дефиниций. Тем не менее, оно всегда было жестко связано с представлением об индивидуальности, свободе, самоопределении и полноценной самореализации.

Серьезные сдвиги, которые произошли в советской психологии в 60-е годы, были связаны с разрешением именно этого противоречия. Эти сдвиги отразились в возникновении концепции «проблемного обучения», новой педагогической технологии, разработанной Даниилом Элькониним и Василием Давыдовым. Одним из наиболее ярких апологетов нового подхода к образованию был Эвальд Ильенков, чье имя в советской философии прочно связано с продвижением утопического идеала.

Выступая за новую философию образования, Ильенков пытается удержать оба фокуса коммунистической утопии «воспитания нового человека». С одной стороны — это условие равенства, доступа к возможности развиваться для всех без исключения. С другой — само развитие каждого ребенка должно быть максимально далеко от любого штампа и ограничений для индивидуальности.

Иллюстративной является полемика Ильенкова с одним из корифеев советской психологии Сергеем Рубинштейном, развивавшим свою научную школу, альтернативную школе Выготского. Рубинштейн формулирует возражение в адрес теории интериоризации, которое сводится к тому, что «всякое внешнее воздействие на систему опосредуется (преломляется) через внутреннюю природу системы. Неучет этого обстоятельства неизбежно приводит, согласно С. Л. Рубинштейну, к механистическому толкованию «причинной» обусловленности психики внешним миром, к представлению о том, что человек есть нечто всецело пассивное, лишь рецептивное, и не есть субъект, активная сторона своих отношений с предметной средой»².

Ильенков в принципе готов и сам подписаться под этим упреком: «Факт выставлен здесь весьма весомый: то, что называется «способностью» в точном смысле слова, действительно не может быть аналитически «разложено» на ряды операций (навыков) и признаков, по которым они должны приводиться в действие, без того, чтобы не исчез один из важнейших компонентов «способности», — умение действовать там, где заранее заданного способа действия нет, или же нет «признака», по которому следует включать ту или иную из заданных «операций». ...Ведь умение действовать в такой ситуации как раз и отличает «способного» человека от «неспособного», более способного — от менее способного, а, в конце концов, собственно человека — от машины»³.

Он далее снова обращается к тексту Рубинштейна: «Недостаточно снабжать учащегося готовыми схемами действия (хотя без этого и нельзя обойтись). Надо еще подумать о создании внутренних условий для их продуктивного использования (не говоря уже о возможности самим находить

---

² Ильенков Э. Школа должна учить мыслить. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2002. С. 64.

³ Там же. С. 65.

новые обобщения, новые приемы, новые способы действия — операции). Для того чтобы успешно формировать мышление, надо учесть эту взаимосвязь внешних и внутренних условий в детерминации мышления. ...Ничто не служит таким очевидным показателем умственной одаренности, как постоянное возникновение у человека *НОВЫХ* мыслей»⁴.

Тем не менее, Ильенков настаивает на том, что это возражение никак не отменяет возможности использовать педагогические технологии. Для него организация педагогического процесса «извне», со стороны взрослого, остается неизменным условием формирования *любой* способности, включая способности к неординарному мышлению. Для него вопрос состоит только в том, какого рода технология должна быть использована для целенаправленного формирования самостоятельной и творческой личности.

Ильенков полагает, что такого рода технология наиболее полным образом воплощена в педагогике «проблемного обучения». Он описывает этот подход следующим образом: «Значит, хитрость заключается вовсе не в том, чтобы заштамповать в индивидууме умение действовать по заученной схеме, умение включать ее по заранее заданному «признаку» ее применимости, а в том, чтобы поставить ребенка в такую ситуацию, внутри которой он вынужден был бы действовать сам как «самость», как субъект. Эта ситуация, очевидно, должна обладать следующими характеристиками. Прежде всего, быть остроконфликтной. То есть: такой, где заранее известные индивидууму «операции» и «признаки» их включения отказывают, и индивидуум должен сам найти способ решения трудности, открыть новый для себя (хотя и не новый для педагога) путь действия. Он должен сам «открыть» для себя тот единственный способ действия, ту «операцию», которая ведет к цели. Или же, наоборот, открыть новый для него «признак» применимости известных ему операций в непредусмотренном случае.

---

⁴ Там же. С. 65.

Искусство педагога, педагогический такт, даваемый «опытом», в том как раз и состоит, чтобы всегда уметь задать ребенку подобную ситуацию, и чтобы она притом была посильной для того уровня и запаса знаний, с которыми он подходит к данной задаче, трудности, была «разрешимой» на этом уровне развития и притом разрешимой одним-единственным способом и путем, — путем самостоятельного «открытия» ребенком той операции, которая здесь требуется и дает «выход» из трудности.

Ибо «активность» — как «внутреннее условие» усвоения операции и признака ее применимости — просыпается, как само собой понятно, только и исключительно там, где индивидум оказывается перед трудностью в сочетании с потребностью ее преодолеть своими силами, без натаскивания, без «подсказки», без намека»⁵.

Эта длинная цитата понадобилась для того, чтобы показать, что для советской педагогической психологии воспитание «субъектной», самостоятельной позиции может быть так же тщательно сконструировано, как и обучение алгоритмам и стандартным процедурам умственных действий. Развитие личности, яркой индивидуальности, человека, ориентированного на самоопределение и саморазвитие казалась вполне посильной задачей именно для системного воздействия, задачей, на решение которой должно было ориентироваться все советское образование.

Справедливости ради следует отметить, что проблемное обучение так и не успело стать достоянием массовой школы в советское время. Более того, в так называемые «годы застоя» знаменитая экспериментальная школа Давыдова была закрыта властями, скорее всего, слишком обеспокоенными нестандартными образовательными результатами. Но даже в этом случае предлог для закрытия был найден чисто формальный. В идеологическом пространстве дискурс о «формировании гармонично развитой творческой личности»

---

⁵ Там же. С. 69.

и о формировании «нового человека» по-прежнему продолжал доминировать.

Пределом радикального воплощения этого подхода является идея Ильенкова о том, что «личность — это талант», а задачей массовой школы является выращивание талантливого индивида из *каждого* ребенка. Активное неприятие тезиса Рубинштейна о важности «внутренних условий» для эффективности внешнего педагогического воздействия со стороны Ильенкова было связано с тем, что для него этот тезис был несомненной уступкой тем, кто отрицал приоритет «среды» по отношению к «природе». Ильенков считал, что «ссылки на природу» лишают индивида возможности развиваться: «Эта логика неумолимо ведет к тому, что талант (как и его полюс — идиотизм) начинает казаться отклонением от нормы, редким исключением, а «нормой» начинает казаться посредственность, отсутствие способности к творчеству, склонность к нетворческому, пассивному, чисто исполнительскому труду. И здесь, мне кажется, долгом марксиста является категорически возражать такому объяснению психических различий. Мне кажется гораздо более верным — и теоретически, и практически — утверждать, что «нормой» для человека является как раз талант и что, объявляя талант редкостью, уклонением от нормы, мы просто-напросто взваливаем на матушку-природу нашу собственную вину, нашу собственную неспособность создать для каждого нормального в медицинском отношении индивида все внешние условия его развития до самого высокого уровня талантливости»⁶.

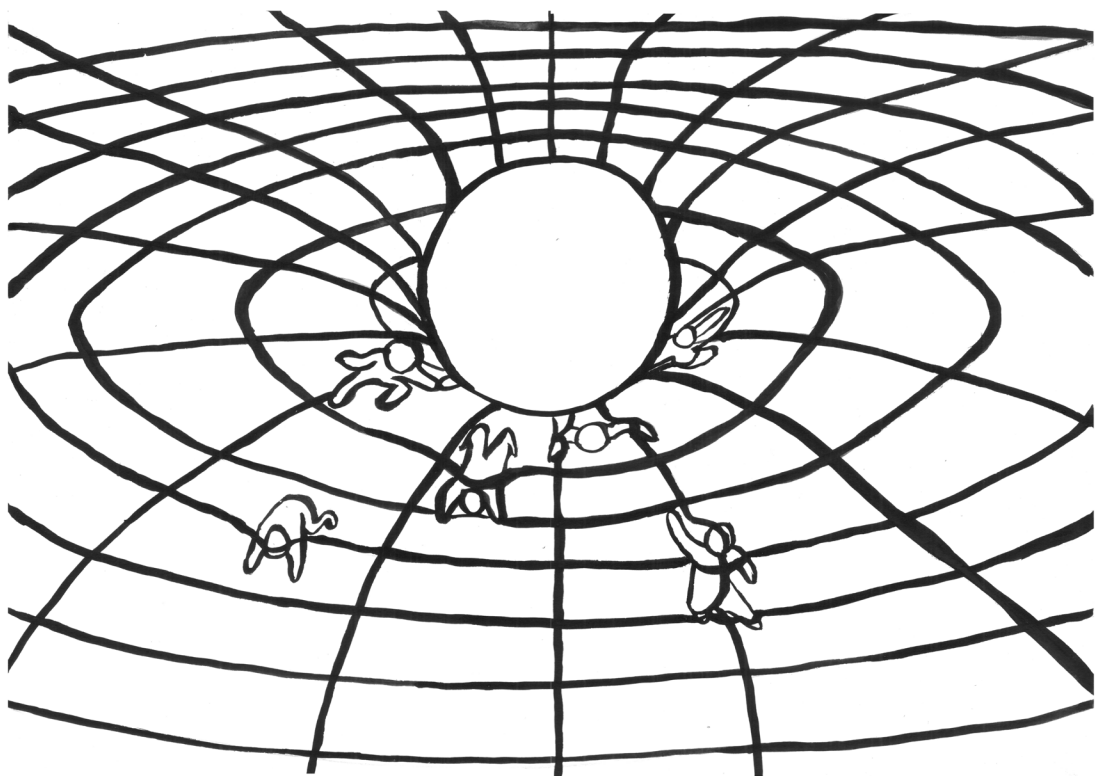
В целом позиция Ильенкова отражала позицию всех сторонников Выготского, работавших в традиции теории деятельности, возникшей в рамках его подхода. Возможно, не все из них были готовы производить тексты, сопоставимые с текстами Ильенкова в том, что касается преданности утопическому идеалу, который был заложен в советской педагогике. Но сама позиция была радикальной, и она была ведущей

---

⁶ Там же. С. 76.

как в теоретических размышлениях, так и в практических разработках.

Анализируя предпосылки и принципы советского образования, хочется подвергнуть сомнению популярный тезис о том, что в нем воспитывались «винтики» для функционирования тоталитарной системы. Сама история перестройки и дальнейшей трансформации общества зачастую свидетельствует об обратном. Более того, то, что происходит в школах Кыргызстана сегодня, гораздо чаще наводит на мысли об унификации, утрате у ребенка критической мысли и творческого начала. Современная ориентация системы образования на запросы рынка, пренебрежение важнейшими для человека ценностями развития и свободы заставляет снова и снова возвращаться к достижениям советской педагогики и переосмыслению ее опыта.

Не есть.

Важно не только по капле
Выдавливать из себя раба,
Но и губить в себе надсмотрщика,
Который истязает и холит раба,
Научно подходит
к охране рабского здоровья,
Разрабатывает нормы ГТО,
Обеспечивает смыслом жизни,
Учит быть счастливым.

Нужно погубить обоих,
Оба — это я,
Раб и надсмотрщик,
Неразлучная пара,
Хозяева моего тела,
в котором я — временный
квартиросъёмщик.

Не есть.

Не поощрять деление плотных клеток,
Обмен тучных веществ,
Синтез грузных липидов.

Не есть.

Тогда мои палачи
Покинут меня
Вместе с моим эшафотом.
Тогда я смогу не быть.

Не есть.

Архитектура, космос, секс: «коммуна им. Коллонтай» во Фрунзе 70-х гг.

Архив бишкекской квир-коммуны

Работая над проектом «Бишкек: хроники радикального воображения», мы получили доступ к обширной библиотеке фрунзенского психолингвиста и философа Арона Брудного (где сосредоточены книги и рукописи как самого Брудного, так и его коллег и знакомых). В одной из прежде не разобранных семей Брудного коробок мы обнаружили пачку документов, свидетельствующую о том, что во Фрунзе 70-х гг. работало сообщество диссидентов, осмысляющих пол и гендер с той позиции, которую сегодня можно обозначить как близкую социально-конструкционистской. Вариант: это сочинения не группы, а мечтателя-одиночки, который придумал себе соратников, — что существенно не меняет картину:

текст говорит за себя.

Мы назвали чудесную находку *«архивом бишкекской квир-коммуны»*. Приблизительно датируемый — согласно выходным данным печатных носителей — первой половиной 70-х гг., этот архив включает:

1) машинописный 9-страничный текст, означенный как «доклад», под титулом *«Исторический материализм, советская власть и вопросы пола на современном этапе»*;

2) восемь иллюстрированных видами Фрунзе почтовых открыток без марок, с нацарапанной на обратной стороне (простым или цветным карандашом) поэтической критикой института семьи, призывами освободиться *«от органических пут»* и улететь в космос;

3) модифицированный советский пропагандистский плакат с изображением Маркса-Энгельса и карты российских социал-демократических кружков. Детурнеман (тушь и аппликация) анонимных авторов заключается в: добавлении на карту пометки *«Коммуна им. А. М. Коллонтай»* в «г. Фрунзе»; оснащении кабинета Маркса-Энгельса портретом этой же революционерки и вложении в пророческие уста основоположников лозунга *«Дорогу космическому Эросу!»* (апгрейд Эроса Коллонтай¹);

4) единственный не относящийся к гендерному топик-у артефакт — архитектурная фантазия на тему горного города, состоящего из типовых зданий. Здания собираются на отдаленно расположенном заводе и переносятся в горную местность через стратосферу — посредством *«стратостатов-домовозов»*. Поскольку артефакт был стиснут в пачке вместе с вышеперечисленными документами, логично также отнести его к продукции «коммуны им. Коллонтай». Космическая тема также присутствует на эскизе — в виде изображения кометы, устремленной к Полярной звезде.

Все эти артефакты с первого взгляда диагностируются

---

¹ Один из известных текстов Коллонтай носит название *«Дорогу крылатому Эросу!»* (1923).

как симптомы привычной диссидентской «тайной свободы», — тихого, но упрямого противостояния репрессиям власти. Однако анализ составляющих этого дискурсивного комплекса — архитектурной футурологии, вопросов сексуальности, космической тематики — позволяет простроить более сложную конфигурацию диссидентской «машины желаний», некоторые механизмы которой скрывались под поверхностью, другие не запрещались, но пребывали в тени, третьи — открыто поощрялись и администрировались властью. В такой оптике отношения диссидентов с властью описываются фигурой не антагонизма, но, скорее, ереси, или интерпретации.

Контекст квир-коммуны: «концептуальное проектирование»

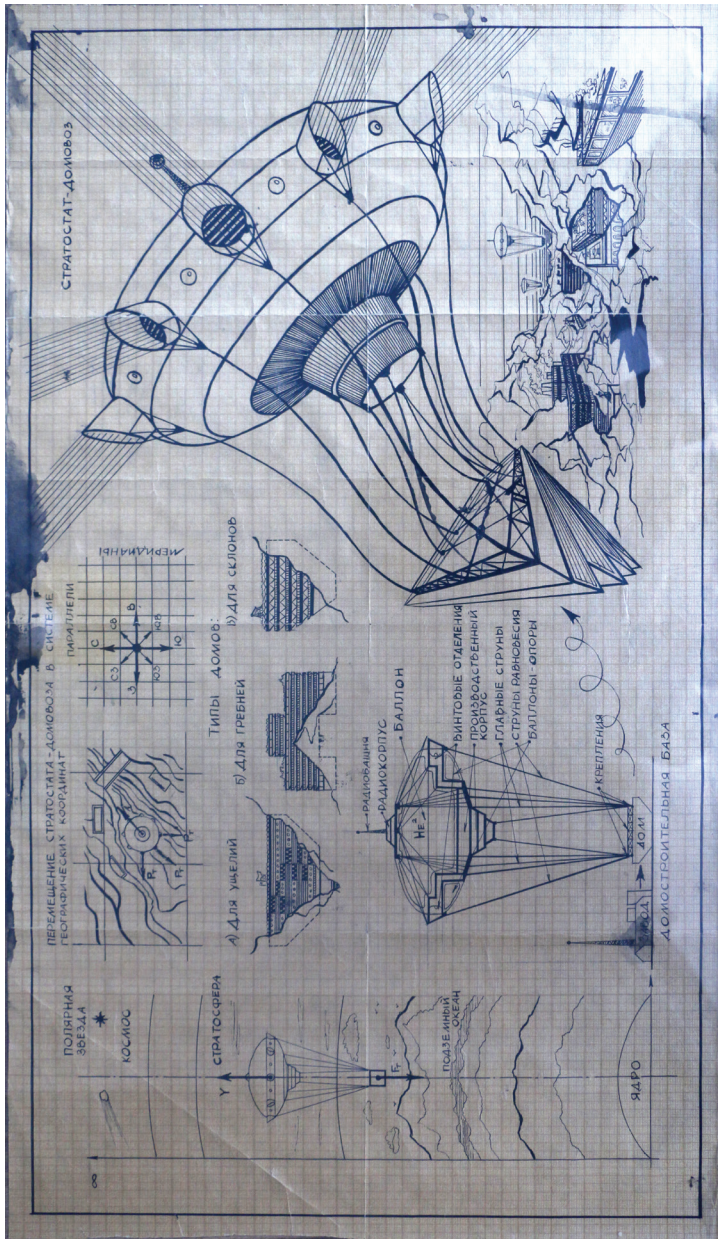
Начнем с архитектуры, которая поставляла в СССР легальные поводы для утопических воодушевлений и идентификаций. Имеется в виду архитектура не «реальная», а «бумажная», аккумулировавшая амбициозную утопическую мысль как первой, так и второй половины XX в.: в оттепельно-застойный период архитектурные игры воображения кочевали по научным и популярным изданиям, архитектурным и дизайнерским конкурсам². Летающие дома квир-коммунаров являются здесь не радикальным, но просто современным примером. В 60-70-х в моде были: динамика, легкость, обуздание гравитации — подвешенные, «падающие», непоседливые города-метаморфы:

В далеком будущем Локтев представляет себе архитектуру антигравитационной. Города или, как он их называет, градолеты расположатся на искусственных спутниках земли³.

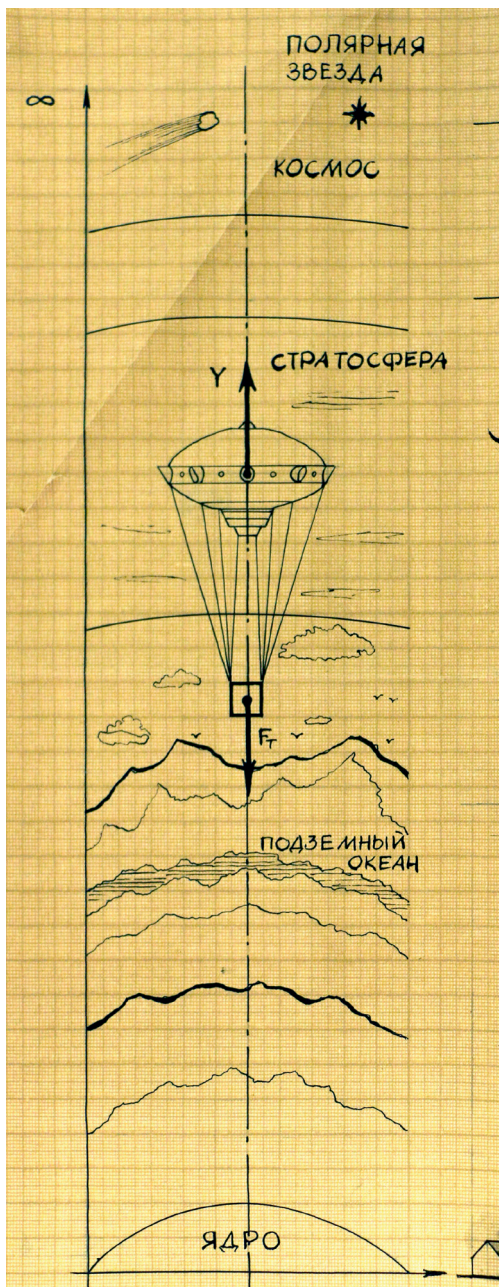
Когда мы научимся управлять гравитацией, в воздух

² См.: Рябушин А. Развитие жилой среды. Проблемы, закономерности, тенденции. М.: Стройиздат, 1976. С. 156-164, 337-353.

³ Там же. С. 160.

Архитектурная фантазия на тему строительства горного города с использованием «стратостатов-домовозов». Архив «коммуны им. А. М. Коллонтай»

Архитектурная фантазия на тему строительства горного города с использованием «стратостатов-домовозов». Фрагмент. Архив «коммуны им. А. М. Коллонтай»

смогут подняться и наши жилища. Дома уже не будут прикованы к одному месту и станут гораздо более подвижными, чем нынешние туристические автоприцепы. Они могут перемещаться по суше и по морю, с одного континента на другой, из одной климатической зоны в другую; будут следовать за солнцем, изменять свое местоположение в зависимости от времени года⁴...

Если сравнить эту цитату с ситуационистским «Сводом правил о новом урбанизме» И. Щеглова: *«мобильный дом-трансформер будет поворачиваться нужной стороной к солнцу, стены дома будут раздвижные и позволят наблюдать за природой вокруг. Собранный на рельсах, утром он будет спускаться к морю, а к вечеру возвращаться обратно в лес»,* то можно опознать полное совпадение футуристического образа-желания во фрондерском манифесте и в книжке, выпущенной издательством «Знание» тиражом 60 тыс. экз.

Подобные штудии определялись самими авторами как *концептуальное проектирование*:

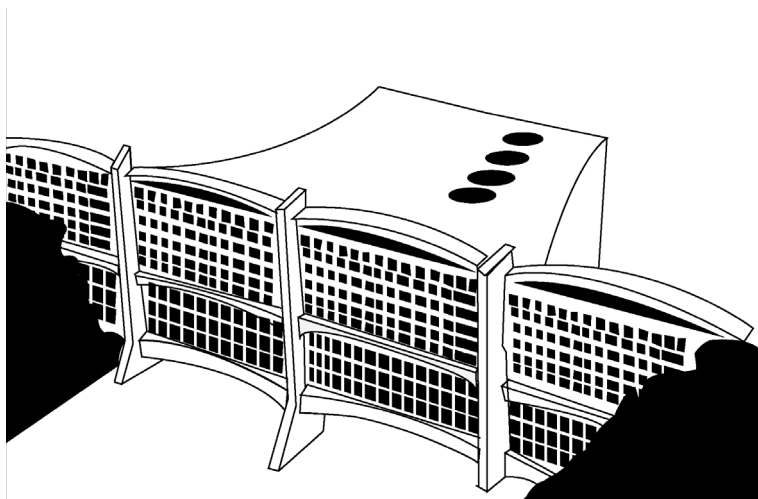
...такого рода проекты принципиально не предназначены для практической реализации... Концептуальное проектирование сродни... чуду. Человек избавляется от связывающих его творческую инициативу пут — жестких экономических ограничений, нормативных предписаний, традиционных представлений о возможном и невозможном — и получает свободу поиска новых, нетривиальных путей и выходов из различных тупиков современности⁵.

Во Фрунзе 60-70-х гг. подобная деятельность осуществлялась школой Валентина Курбатова, разрабатывавшего на архитектурном факультете Фрунзенского политехнического

---

⁴ Борисовский Г. Архитектура, устремленная в будущее. М.: Знание, 1977. С. 74.

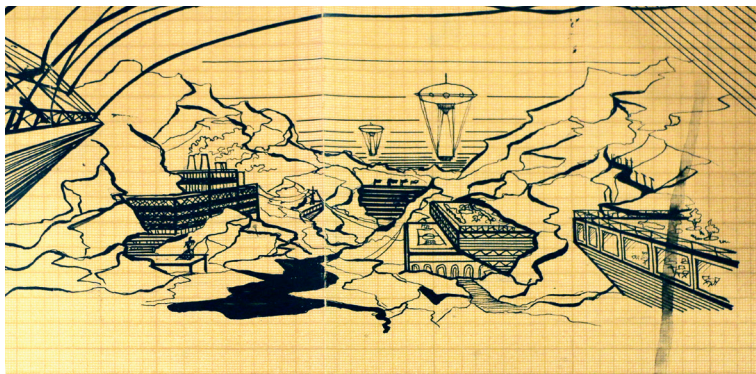
⁵ Рябушин А. Указ. соч. С. 338-339.

Жилой дом-мост (комплекс) на шесть тысяч жителей в системе расселения на сложном рельефе. Дипломный проект студента ФПИ Ш. Джекшенбаева. Реконструкция: Галина Васильченко (на основе фотографии из: Курбатов В. Архитектура городского жилища. Ф., 1972. С. 151)

института тему типового строительства на сложном рельефе. Считалось, что лежащий у подножия Киргизского Ала-Тоо Фрунзе, разрастаясь, рано или поздно начнет карабкаться в горы. Т. е. разработки имели как будто локальную прагматическую направленность, однако поставляли фантазии без привязки к конкретной местности и материалам, т. е. также являли собой пример «концептуального проектирования»⁶. На реализацию не рассчитывали — по теме защищались дипломные проекты, представлявшиеся затем на всесоюзных конкурсах. Показателен здесь утопический масштаб притязаний. Покорение гор, равно как и поворот рек вспять, и одоление гравитации — модернистский пафос пар экселланс, и этот жизнестроительный пафос методично производился советской образовательной машиной. Около десяти лет студенты Курбатова упражнялись в утопическом варьировании,

⁶ См.: Курбатов В. Архитектура городского жилища. Учебное пособие. Фрунзе: ФПИ, 1972. С. 143-151; Курбатов В. Архитектурная школа Киргизии // Архитектура СССР. 1978. № 10. С. 36-42.

Архитектурная фантазия на тему строительства горного города с использованием «стратостатов-домовозов». Фрагмент. Архив «коммуны им. А. М. Коллонтай»

изобретая монументальные ходы — например, гигантский, на 6 тысяч жителей, дом-мост, перекинутый через ущелье. Очевидно, что архитектурный эскиз «коммуны им. Коллонтай» развивает те же горные фантазии, — что позволяет предположить, что его авторы были близки кругу Курбатова. Они также были озабочены решениями отдельных концептуальных ребусов: транспортировки в сложном рельефе и недостатка в горах ровных пространств. В транспортном вопросе авторы разрубили гордиев узел, решив перемещать собранные на заводе готовые дома по воздуху, а недостаток ровных поверхностей компенсировали за счет эксплуатации плоских крыш. Эскиз демонстрирует широту возможного приложения сил человека, озирающего, словно свою собственность, весь преисподний и горный мир — от земного ядра до Полярной звезды.

Подобные архитектурные футурологические практики развивались в СССР 50-70-х на пересечении трех разнозаряженных факторов: доступа архитекторов к информации, распространения индустриального строительства и реактуализации архитектурного авангарда 20-30-х гг. Первый фактор: в отличие от изобразительного искусства, советская архитектура не замыкалась в информационном гетто и имела доступ к разработкам «капстран». Иллюстративны здесь воспоминания

архитектора Шайлоо Джекшенбаева, в 60-70-е гг. учившегося у Курбатова. На вопрос о тогдашних профессиональных интересах последовал ответ: «Мы современным советским не увлекались». Интересовались западным. Библиотека иностранной литературы при Госстрое выписывала французские, итальянские, японские архитектурные журналы, доступные специалистам, — благо, для чтения планов не обязательно знать язык. Некоторые журналы частично переводились на русский язык в Москве и поступали в библиотеку в черно-белых копиях⁷. Сюда же примыкает и второй мотив. Студенты 60-70-х «не увлекались советским» в силу изменившейся роли архитектора при индустриальном домостроении. Архитектура перестала быть «искусством» и стала наукой и инженерией. Наиболее востребованной практикой являлось проектирование микрорайонов: архитектор, зажатый рамками строительных стандартов, обладал творческой свободой лишь на уровне «игры в кубики», — «свободно» расставляя домики по территории, что именовалось «привязкой к ситуации»⁸. Радикальная «непривязанность» футурологии являлась здесь очевидной компенсацией — примечательно опять же, что компенсации находилось место на открытом, а не на андерграундном поле. И, наконец, третий фактор: смена стилистической парадигмы⁹ реабилитировала наследие 20-30-х гг. с их интересом к типичности и функциональности, — но также и к радикальному отрыву от земли. Книга архитектора Борисовского иллюстрирует «возвращение» авангарда символическим пассажем: автор описывает торжественное извлечение из чулана подшивки конструктивистской «Современной архитектуры» и отправку на ее место альбомов по архитектуре Ренессанса¹⁰.

Архитектурный авангард, собственно, и реактуализи-

---

⁷ Интервью Штаба с Шайлоо Джекшенбаевым. Ноябрь 2014.

⁸ Там же.

⁹ Границу между сталинским ампиром и хрущевским функционализмом принято прочерчивать по дате 4 ноября 1955 года — когда вышло Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве».

¹⁰ Борисовский Г. Указ. соч. С. 10.

ровал «тему квир-коммуны» — быт, гендер, сексуальность. Вернее, предпринял такое усилие, попытавшись вернуться в политическом всеоружии. В довесок к эстетике 20-30-х гг. советская архитектура 50-х получила — словно невольно активировала — риторику «коллективизации быта» и «освобождения женщины от кухонного рабства», обязательную для авангардного этикета. Известно, что в первые после-революционные годы «вопросы пола» находились в центре общественной дискуссии, — были поставлены под сомнение институты брака, семьи, домашнего воспитания детей. Архитекторы и проектировщики социалистического быта активно участвовали в этой дискуссии. Согласно логике наиболее «левых» ее участников, традиционное семейное разделение труда подразумевает соответственную пространственную ситуацию: *«Структура жилища (например, деление жилищ на комнаты) вытекает в свою очередь из факта разделения труда внутри жилища»*¹¹. Эта логика вела к уничтожению кухни как изолированного пространства в новостроящихся домах-коммунах. Реактуализация авангарда в 50-е гг. привела к тому, что про обобществление «женского» домашнего труда вновь стали много говорить. Дома-коммуны и жилкомбинаты 20-30-х обрели наследников: в 50-х стали проектировать «дома-комплексы», включавшие развитый сектор коллективного быта¹². Тот же Курбатов в своих книгах предсказывал будущее отмирание кухни, развитие жилья «с полностью обобществленным бытом»¹³ и даже общественное воспитание детей, — школьники будут проводить большую часть времени в интернатах, а с родителями видаться «эпизодически»¹⁴. Однако подобные примеры — языковая инерция или флэшбэки 20-30-х — вступали в противоречивые отношения с консервативной гендерной политикой. Ревизия авангарда постоянно сопровожда-

---

¹¹ Охитович М. Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья (1929).

¹² Рябушин А. Указ. соч. С. 150-156

¹³ Курбатов В. Архитектура городского жилища. С. 151-157.

¹⁴ Там же. С. 144.

лась оговорками в духе «грубые ошибки конструктивистов». Ошибки заключались в том, что авангардисты «разрушали семью», утверждая ее историчность и пытаясь форсировать новые формы совместности. Опасаясь повторения подобных «ошибок», в 50-70-х «обобществление быта» призывали проводить осторожно, оберегая институт семьи. В этой точке и опознается радикальное расхождение авангарда 20-30-х и его поздней реинкарнации: исключая первое «дискуссионное десятилетие», прочие советские периоды утверждали гендерно-сегрегированную семью с «природными различиями полов» как вечную и безальтернативную. Таким образом, постановка задачи «освобождения женщины от кухонного рабства» в 50-70-е содержала внутреннее противоречие: в ситуации гендерной сегрегации она не имеет решения. Закономерно, что пафос переустройства быта постепенно стал сходиться на нет. В 70-х всё чаще звучали фразы типа «домашний обед оборачивается укреплением семейных уз»¹⁵. Прославлялась «малая механизация домашнего хозяйства»¹⁶ (т. е. не обобществление быта, а усовершенствование индивидуальной бытовой техники, — социалистическое «освобождение женщины» сливалось с капиталистическим по модели, описанной Бетти Фридан). Нарастающие семейные ценности шли рука об руку с нарастающей валоризацией «личности». Архитектура дрейфовала в том же интимизирующем направлении: интерес проектировщиков смещался от домов-комплексов с их измерением коллектива к дизайну атомизированной «жилой ячейки», готовой в любой момент трансформировать каждый дюйм в угоду пожеланиям разросшейся на всех срезах официального дискурса «личности»¹⁷. Эта же «личность» заняла позиции фетиша и в неофициальных дискурсах. В архитектурном сообществе — в частности, на вышеупомянутом ар-

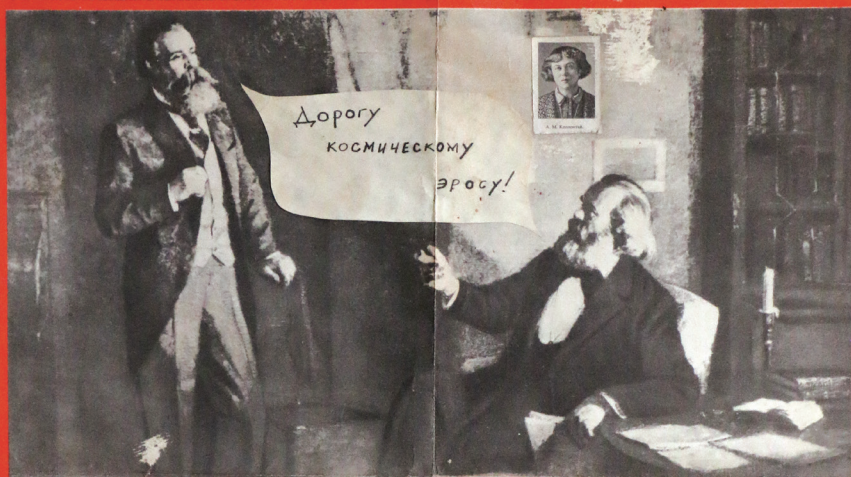
¹⁵ Рябушин А. Указ. соч. С. 270.

¹⁶ Там же. С. 271.

¹⁷ Там же. С. 150-164. О советском дискурсивном гуманизме также см.: Бикбов А. Буржуазная личность в государстве «зрелого социализма» // Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издательский дом высшей школы экономики, 2014. С. 195-237.

В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории... Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине в ы с т р а д а л а...

В. И. Ленин

К. Маркс и Ф. Энгельс. С картины художника Н. Угрюмова.

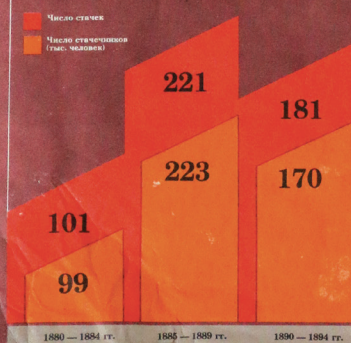

Группа В. Маркса и Ф. Энгельса, распространяющая в России и Германии Т. В. Плетневского и других классовых групп «Освобождение труда» — первой русской марксистской организации.

Группа «Освобождение труда» лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению.

В. И. Ленин

СТАЧЕНОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1880 — 1894 гг.

Модифицированный пропагандистский плакат. Архив «коммуны им. А. М. Коллонтай»

хитектурном факультете ФПИ, к кругу которого мы относим квир-коммунаров, — самиздатовские традиции продолжались вплоть до 80-х. Однако в позднее время размышления архитекторов, «осознавших себя художниками»¹⁸, вращались вокруг проблем эстетических и экзистенциальных, вокруг риторики чистого искусства и персональной «неординарности». Известен эпизод начала 1980-х, когда студенты этого факультета едва не были отчислены за издание студенческого журнала «Зебра» (скандал вызвала публикация автобиографии «антисоветчика» Дали)¹⁹. В журнале были опубликованы романтические рисунки городов с дирижаблями и воздушными шарами, весьма напоминающими «стратостаты-домовозы» квир-коммуны. Однако теперь дирижабли не решали концептуальных задач будущего, но предъявляли смутно-декоративную метафору художественного полета — своего рода дальний отзвук космических штудий квир-коммунаров (рисунок назывался «Сны»)²⁰.

Темы квир-коммуны:

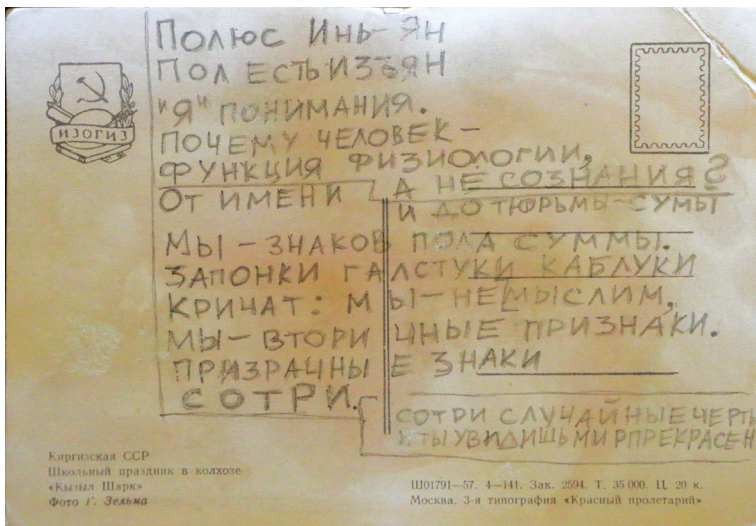
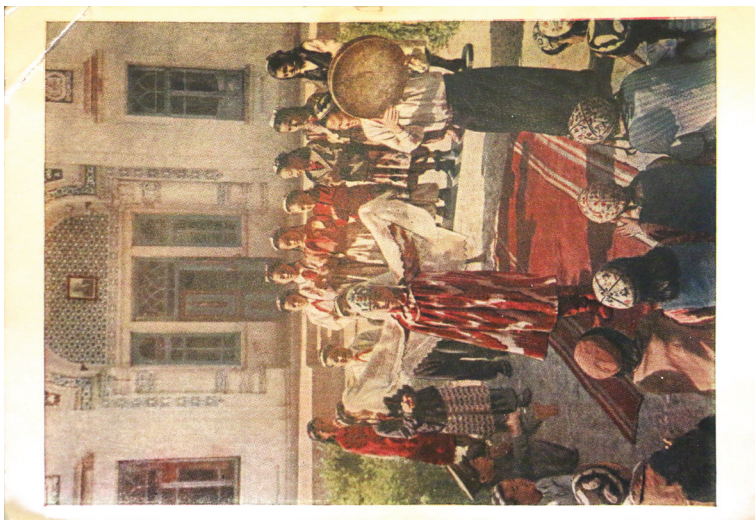
1. «Советская власть и половой вопрос»

Если женский труд, общественное воспитание детей и обобществление быта начиная с 50-х в том или ином виде вновь стали частью широкой общественной дискуссии, то вопросы секса и сексуальности в публичном советском дискурсе с конца 30-х и до середины 80-х практически не обсуждались. Игорь Семенович Кон, ведущий советский и российский сексолог, сопроводил следующим комментарием интернет-публикацию своей статьи 1966 года «Половая мораль в свете социологии», впервые напечатанной в жур-

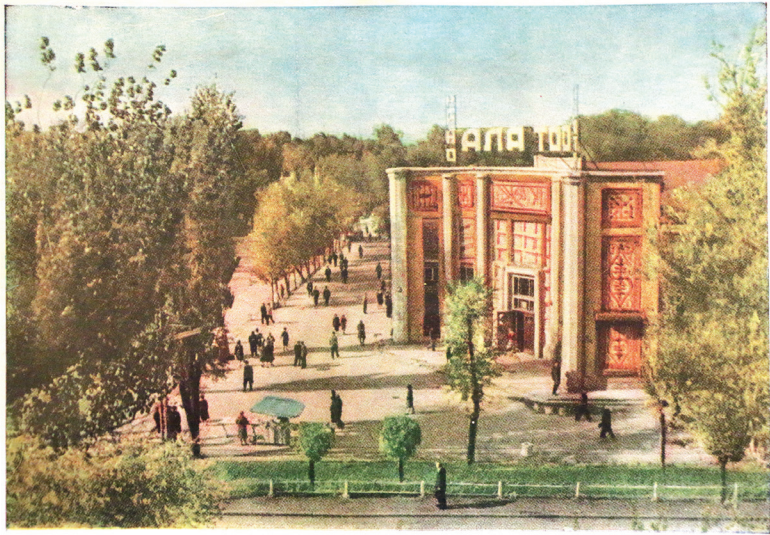
¹⁸ Предчувствие архитектуры // Газета «Мой Город». 10 июня 1992. С. 5.

¹⁹ Гузаиров Э. Авторизованная история журнала «Зебра», изданного на архитектурном факультете в 1984 году // Курак. 2008-09. № 3. С. 162-165.

²⁰ Предчувствие архитектуры // Газета «Мой город». С. 5.

Стихи на открытках с видами г. Фрунзе 1960-70-х гг.
 Архив «коммуны им. А. М. Коллонтай»

Стихи на открытках с видами г. Фрунзе 1960-70-х гг.
Архив «коммуны им. А. М. Коллонтай»

нале «Советская педагогика»: *«Эта статья была первой серьезной советской публикацией о сексуальности с середины 1930-х годов»*²¹. Статья примечательна тем, что в ней Кон пытается рассматривать сексуальность и романтическую любовь с марксистских и советских позиций, одновременно делая заявления в духе социально-конструкционистского подхода: *«Нет ничего более наивного, чем представление о «естественных нормах» половой морали»* и противопоставляя высокую мораль межполовых отношений в СССР сексуальной революции на капиталистическом Западе. И все же главный мотив статьи — в исследованиях сексуальности и сексуальном просвещении ведущую роль должен играть сложный и противоречивый комплекс психофизиологических и социально-исторических факторов, а не нормы и императивы морали. Этот и другие тексты Кона 1960-70-х годов («Секс, общество, культура», 1970; «Психология юношеской сексуальности», 1976) представляют собой попытку критической ревизии советского догматического и нормативного дискурса о сексуальности и гендерных отношениях с марксистских и коммунистических позиций. Схожую, но более радикальную попытку мы обнаруживаем в наших находках. Напечатанный на машинке «доклад» «Исторический материализм, советская власть и вопросы пола на современном этапе» предваряется цитатой из Ленина: *«В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции»*. «Доклад» в целом представляет собой сборник ярких цитат по вопросам пола и сексуальности, собранных из широкого спектра марксистских текстов, включающих «Манифест коммунистической партии», воспоминания К. Цеткин и тексты А. Коллонтай. Цитаты в докладе призваны продемонстрировать, что вопросы сексуальной эмансипации неотделимо связаны с коммунистическим проектом, и что эту связь понимали и декларировали уже основоположники. Между тем, рассуждения Ленина и Коллонтай подвергаются «товарищеской критике»:

---

²¹ Сексология. Персональный сайт И. С. Кона. <http://sexology.narod.ru/publ034.html>

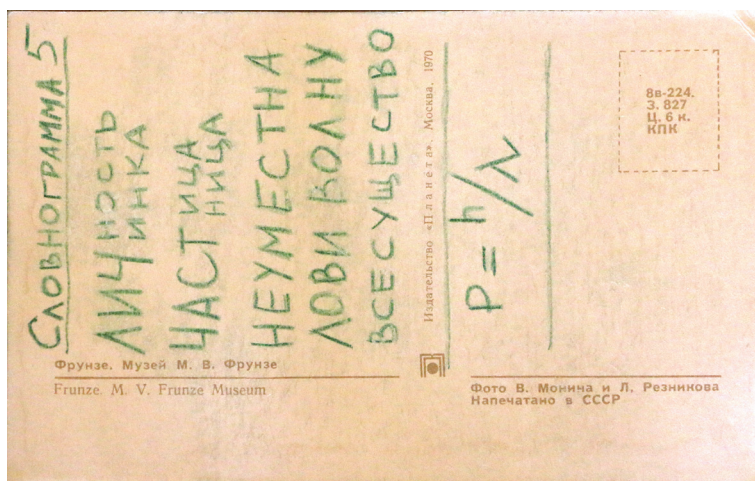
Историко-материалистический анализ отношений между полами на различных этапах развития производственных отношений — родовом, феодальном и капиталистическом, не смог подвести тов. Коллонтай к закономерному выводу, что и сама провозглашаемая исключительность эмоционального и эротического влечения мужчины к женщине и женщины к мужчине исторически и идеологически обусловлена. Тов. Коллонтай провозглашает любовь-товарищество между женщинами и мужчинами, но разве не может быть любви-товарищества между женщинами и женщинами и между мужчинами и мужчинами???

Парафраз названия текста Коллонтай «Дорогу крылатому Эросу» становится лозунгом авторов или авторок архива и своего рода ключом к нему. Доклад заканчивается экспрессивным и поэтизированным изложением их собственной «критическо-утопической» программы:

Крылатый эрос слишком слаб для борьбы с гравитацией гнусной семьи гнусного папы и гнусных детей бабушкидедушкитетушкидядюшки нам нужны космические скорости и космические мощности галактические-нет-вселенские масштабы чтобы эту человеческую гравитацию преодолеть оторваться улететь КОСМИЧЕСКИЙ ЭРОС КОСМИЧЕСКИЙ ЭРОС КОСМИЧЕСКИЙ ЭРОСС

Нам неизвестно, составляют ли восемь коротких стихотворений, записанных на почтовых открытках с видами Фрунзе, цикл. Но если в качестве путеводной нити выбрать тему сексуальности, то обнаруживается последовательность, начинающаяся вопрошанием пола как определяющей человека идентичности (*Почему человек — / функция физиологии,*

Стихи на открытках с видами г. Фрунзе 1960-70-х гг.
Архив «коммуны им. А. М. Коллонтай»

а не сознания?) и заканчивающаяся прокламацией полного отказа не только от пола, но и от тела. Человек, избавленный от физического тела, превращается в бесконечный поток частиц и энергии — «волну» (ЛОВИ ВОЛНУ / ВСЕСУЩЕСТВО).

Именно это поэтическое вопрошание и преодоление пола и телесности обнаруживает поразительную конгруэнтность современной квир-теории и позволяет нам условно обозначить авторов найденных материалов как «бишкекскую квир-коммуну». Квир-теория не только заявляет историзирующий подход к гендеру, полу и сексуальности, и, соответственно, рассматривает эти категории как социальные конструкты, но в целом осуществляет деконструкцию политики идентичностей (включая этнические, национальные и пр.), вскрывая неразрывно связанные с этой политикой отношения власти.

Наши возможности реконструкции образа фрунзенской «квир-коммуны» крайне ограничены. Возможно, это творчество одного человека. Но внимательное изучение доступных материалов позволяет предположить некоторую периодизацию в производстве найденных текстов. Стихотворения на открытках, видимо, созданы позднее остальных артефактов. В них советской действительности «развитого социализма» уже отказывается в возможности каких-либо трансформаций в сторону подлинного коммунистического проекта, критика сменяется негацией:

*Развитой социализм — де-юре,
завитой цезаризм — де-факто.
Маркс не учел гравитации фактор.
На Земле свобода —
в форме свободного падения.
Летают не пролетарии,
а кремлевские привидения.
Земля-эксплуататор тянет к себе:
осадоk, упадоk, спад.*

*Слишком много топлива надо,
чтобы взлететь над:
Импортной стенкой,
Кремлевской стеной,
Научным прогрессом,
седой стариной,
Папой, мамой и мной,
спортивной семьей,
Уютом гнилым, гниютом унылым,
садиком-склепиком милым,
Родной землей
и родной природой.
И страшной
безжалостной
волей
народа.*

2. «Космос — подлинная революция»

Окончательное разочарование в советском социализме выводит наших «коммунаров» на проторенную тропу — обращению к космосу как пространству для побега из угнетающей действительности. Мотив подобного побега берет свое начало в философии русского космизма. Космисты понимали космос как пространство, свободное от всех земных ограничений — не только гравитации, но и энтропии. Космос — пространство бессмертия. В теории Циолковского о межпланетных путешествиях ракеты уносят в отдаленнейшие галактики воскресших предков живущего человечества. В 1920-е годы в среде российских анархистов формируется мистико-поэтическое движение биокосмистов, писавших футуристические манифесты и стихи. Перемещение человечества в космос и обретение бессмертия анархо-биокосмисты полагали естественным развитием Октябрьской революции.

Кораблем, перемещающимся в космическом пространстве, им виделась Земля. Освоение просторов Вселенной — дело не индивидов, а всего человечества, освобожденного не только от эксплуатации и культурных предрассудков, но от самих пространства и времени.

В конце 50-х советская партийная номенклатура окончательно отказывается от экспансионистских амбиций мировой революции, объявляя в качестве приоритета «удовлетворение растущих материальных потребностей советских людей». Освоение космоса остается единственной сферой, где притязания на глобальную идеологическую гегемонию сохраняют свою актуальность. Авангардная фантазия 20-х о коммунизме как исключительно вселенском проекте в своеобразной перверсивной форме усваивается официальной идеологией 60-70-х. Радикальные социальные трансформации, обещанные революцией, но очевидно недостижимые ни «в отдельно взятой стране», ни на отдельно взятой планете, однако, могли обсуждаться в контексте научной фантастики и футурологии, которые и превращаются в полигон для практически ничем не ограниченного воображения (аналогично концептуальному проектированию в архитектуре). На страницах массового научно-популярного журнала «Техника — молодежи» в 70-е обсуждается вселенское будущее человечества, в котором футуристические фантазии анархо-биокосмистов о бессмертии и подчинении человеку всех видов энергии, времени и пространства описываются как научно обоснованные экстраполяции. Наряду с ними прогнозируется и разрушение «эдипова треугольника»:

Сегодня (хотя это и довольно странно, если призадуматься) никто нам не задает важнейшего из всех сколько-нибудь важных для нас вопросов: хотим ли мы вообще явиться в сей мир, дабы жить в нем? Это принудительный дар, полученный каждым из нас от родителей, обычно не обремененных конкретными

перспективами. Вот и сегодня все 3 миллиарда и 600 миллионов жителей Земли отнюдь не добровольно избрали тот образ жизни, который они вынуждены иметь, ту личность, которой их «одарили», ту социальную среду, те конкретные возможности, что мы именуем талантом, знанием, должностью, судьбой. И вообще, будет ли этично согласно нормам общества третьего тысячелетия предоставлять решение такого вопроса, как создание новой личности, всего двум людям — родителям, сколь бы они ни были возвышенны в интеллектуальном и моральном отношении? Без участия самого заинтересованного.²²

Катастрофическую инфляцию космическая тема претерпевает к середине 80-х, когда в космические дали улетает из коммунального ада «совка» «маленький человек» Кабакова (инсталляция «Человек, улетевший в космос из своей комнаты», 1986). Его «персонажи тоталитарного мира» не грезят бессмертием в бескрайней Вселенной. Для них, изможденных советской действительностью, сам побег, причем в любом направлении — в космос или в картину — величайший подвиг, а исчезновение равно освобождению.

Мечта же о космосе фрунзенских последователей А. Коллонтай, возможно, и не лишена эскапистского отчаяния кабаковских Комаровых и Гавриловых, но все же больше похожа на вселенские амбиции биокосмистов и советских фантастов-футурологов. Космос сохраняет надежду на «подлинную революцию», пусть не социальную и возможную лишь как трансформация материи:

---

²² Пеев Д. Третье тысячелетие (окончание) // Техника - молодежи. 1973. № 5. С. 43.

*Космос — подлинная революция.
В космосе нет правящего класса.
В космосе — только трудящаяся масса,
Но нет нетрудового веса.
Масса безвесна.
Бестелесна.
Свободна от дыхания и метаболизма.
Пролетарий, природа — последний предел.
Коммунизм есть советская власть
плюс десоматизация тел.
Земли анатомический театр забыт.
Даешь новый быт!
Вакуумический.*

Отношения наших фрунзенских квир-диссидентов с советской действительностью кажутся сложным комплексом взаимодействий и пересечений, которые не исключали ни лояльность и согласие, ни критику, оппонирование, разочарование или протест. Подобная неоднозначность, возможно, объясняет, почему эти артефакты оставались все это время незамеченными — их нельзя дешифровать с помощью знакомого двоичного кода — тоталитарная власть/свободная личность, официальная/неофициальная культура, мы/они. В отношении многих советских феноменов и процессов, например, того же концептуального искусства, объяснительная продуктивность этих оппозиций не ставится под сомнение. Однако А. Юрчак (ссылаясь на исследования социолингвиста П. Серио) обращает внимание на то, что если сравнить перестроечные и постсоветские воспоминания и комментарии о советском прошлом с документами, создававшимися в собственно советские годы, то окажется, что «ощущение того, что советский язык будто бы делится на «их язык» (язык власти, тоталитарный язык) и «наш язык» (язык простых людей, свободный язык), в советский период отсутствовало, а распространилось именно в перестройку или постпере-

строечные годы»²³. Так, официальная позднесоветская критика архитектурного авангарда, выступая от имени гуманизма, использовала те же риторические фигуры, которые либеральная критика использовала во время перестройки и использует до сих пор для обличения советского: «казарменность», «подавление индивидуальности», «забвение человеческой личности»²⁴. В этой оптике, как ни парадоксально это звучит, художники-концептуалисты с их измерением Акакия Акакиевича оказываются ближе властному дискурсу, чем анахронические в этом смысле фрунзенские квир-коммунары, критиковавшие «личность-личинку» и «семью — ячейку общества» и выдвинувшие концепт «всесущества», преодолевшего индивидуальные границы.

---

²³ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 42-43.

²⁴ См.: Рябушин А. Указ. соч. С. 137-140; Борисовский Г. Указ. соч. С. 14-15.

Доклад

Исторический материализм, советская власть и вопросы пола на современном этапе

Из архива «коммуны им. А. М. Коллонтай»

В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции.

В. И. Ленин

В докладе товарищей ХХХ об архитектуре 1920-х годов наше внимание привлекло упоминание бурного обсуждения в первое послереволюционное десятилетие вопросов переустройства быта, семьи и отношения полов. Эти вопросы были в числе важнейших и серьезно обсуждались в связи со строительством и архитектурой. В новом социалистическом строительстве должны были быть отражены не только изменившиеся после Октября экономические отношения, но и повседневные человеческие отношения — в семье и между полами. Нас заинтересовало бурное обсуждение этих во-

Д О К Л А Д

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ, СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ВОПРОСЫ ПОЛА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В области брака и половых отношений
облизится революция, созвучная
пролетарской революции.

В. И. Ленин

В докладе товарищей ХХХ об архитектуре 1920-х годов наше внимание привлекло упоминание бурного обсуждения в первое послереволюционное десятилетие вопросов переустройства быта, семьи и отношения полов. Эти вопросы были в числе важнейших и серьезно обсуждались в связи со строительством и архитектурой. В новом социалистическом строительстве должны были быть отражены не только изменившиеся после Октября экономические отношения, но и повседневные человеческие отношения — в семье и между полами. нас заинтересовало бурное обсуждение этих вопросов в первые послереволюционные годы, и мы решили разобраться в них и нашим изысканиям по этому поводу будет посвящён наш доклад.

В первую очередь необходимо напомнить, что половой вопрос не оставили без внимания Карл Маркс и Фридрих Энгельс, провозгласив одной из целей коммунизма — уничтожение семьи. /К классикам обратиться нужно обязательно./

Цитаты из "Манифеста коммунистической партии" /1848/:
"Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов. На чём основана современная, буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии, но она находит своё дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в дурацкой

просов в первые послереволюционные годы, и мы решили разобраться в них, и нашим изысканиям по этому поводу будет посвящен наш доклад.

В первую очередь необходимо напомнить, что половой вопрос не оставили без внимания Карл Маркс и Фридрих Энгельс, провозгласив одной из целей коммунизма — уничтожение семьи. (К классикам обратиться нужно обязательно).

Цитаты из Манифеста коммунистической партии (1848):

«Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов. На чем основана современная, буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии; но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции. Буржуазная семья естественно отпадает вместе с отпадением этого ее дополнения, и обе вместе исчезнут с исчезновением капитала. Или вы упрекаете нас в том, что мы хотим прекратить эксплуатацию детей их родителями? Мы сознаемся в этом преступлении. Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы хотим уничтожить самые дорогие для человека отношения. А разве ваше воспитание не определяется обществом? Разве оно не определяется общественными отношениями, в которых вы воспитываете, не определяется прямым или косвенным вмешательством общества через школу и т. д.? Коммунисты не выдумывают влияния общества на воспитание; они лишь изменяют характер воспитания, вырывают его из-под влияния господствующего класса. Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата благодаря развитию крупной промышленности, чем более дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты».

Вспомним и еще об одной из целей коммунизма: «Далее,

старые отношения господства, когда начинает гибнуть целый общественный мир, в эту эпоху чувствования отдельного человека быстро видоизменяются. Подхлестывающая жажда разнообразия в наслаждениях легко приобретает безудержную силу. Формы брака и общения полов в буржуазном смысле уже не дают удовлетворения. В ОБЛАСТИ БРАКА И ПОЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ БЛИЗИТСЯ РЕВОЛЮЦИЯ, СОЗВУЧНАЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ».

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ
ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Главное, о чем мы должны помнить, — это исторический материализм, который учит нас, что все формы человеческих отношений историчны и соответствуют определенному этапу развития производственных отношений, т. е. базису. Тов. Клара Цеткин.

Клара Цеткин:

«Видоизменения форм брака и семьи в ходе истории, в их зависимости от экономики — удобное средство для искоренения из ума работниц предрассудка о вечности буржуазного общества. Историко-критическое отношение к нему должно переходить в безоглядное расчленение буржуазного строя, в разоблачение его сущности и вызываемых им последствий, включая и клеймение лживой половой морали. Все дороги ведут в Рим. Всякий марксистский анализ касательно важной части идеологической надстройки общества, выдающегося социального явления должен приводить к анализу буржуазного строя и его базы — частной собственности; и всякий такой анализ должен приводить к выводу, что “Карфаген должен быть разрушен”».

АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА КОЛЛОНТАЙ АЛЕКСАНДРА
МИХАЙЛОВНА КОЛЛОНТАЙ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА
КОЛЛОНТАЙ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА КОЛЛОНТАЙ

Александра Михайловна Коллонтай. Много интересного можно почерпнуть в текстах А. М. Коллонтай.

Цитаты:

Отношения между полами и классовая борьба

«Вторичным моментом, искажающим психику современного человека, обостряющим «сексуальный вопрос», является понятие о «неравенстве» полов, неравенстве их прав, неравной ценности их психо-физиологических переживаний. «Двойная мораль», присущая и буржуазному, и родовому кодексу, в течение стольких веков отравляла психику мужчин и женщин, что отделаться от ее органически с нами сросшегося яда еще труднее, чем от унаследованных от буржуазной идеологии представлений о собственности супругов. Это понятие о «неравенстве полов» даже в области психо-физиологии заставляет применять постоянно различные мерки к одному и тому же поступку, совершаемому представителями различных полов. И даже самый «передовой человек» буржуазного лагеря, давно перешагнувший через весь кодекс ходячей морали, легко поймает себя на том, что в этом пункте он при расценке поведения мужчины и женщины произнес различный приговор». (Отношения между полами и классовая борьба)

Дорогу крылатому эросу

«С самых ранних ступеней своего социального бытия человечество начало регулировать не только половое общение, но и самую любовь».

ЛЮБОВЬ-ТОВАРИЩЕСТВО-ЛЮБОВЬ-ТОВАРИЩЕСТВО-
ЛЮБОВЬ-ТОВАРИЩЕСТВО-ЛЮБОВЬ-ТОВАРИЩЕСТВО-
ЛЮБОВЬ-ТОВАРИЩЕСТВО-ЛЮБОВЬ-ТОВАР

«Лицемерная мораль буржуазной культуры беспощадно вырывала перья из пестрых, многоцветных крыльев Эроса, обязывая Эрос посещать лишь «законобрачную пару». Вне супружества буржуазная идеология отводила место только общипанному «бескрылому Эросу» — минутному половому влечению полов в форме купленных (проституции) или краденых ласк (адюльтеру-прелюбодеянию).

Мораль рабочего класса, поскольку она уже выкристаллизовалась, напротив, отчетливо отбрасывает внешнюю

форму, в которую выливается любовное общение полов. Для классовых задач рабочего класса совершенно безразлично, принимает ли любовь форму длительного и оформленного союза или выражается в виде преходящей связи. Идеология рабочего класса не ставит никаких формальных границ любви. Но зато идеология трудового класса уже сейчас вдумчиво относится к содержанию любви, к оттенкам чувств и переживаний, связывающих два пола. И в этом смысле идеология рабочего класса гораздо строже и беспощаднее будет преследовать «бескрылый Эрос» (похоть, одностороннее удовлетворение плоти при помощи проституции, превращение «полового акта» в самодовлеющую цель из разряда «легких удовольствий»), чем это делала буржуазная мораль. «Бескрылый Эрос» — противоречит интересам рабочего класса. Во-первых, он неизбежно влечет за собою... излишества, а следовательно телесное истощение, что понижает запас трудовой энергии в человечестве. Во-вторых, он беднит душу, препятствуя развитию и укреплению душевных связей и симпатических чувствований. В-третьих, он обычно покоится на неравенстве прав во взаимных отношениях полов, на зависимости женщины от мужчины, на мужском самодовлении или нечуткости, что несомненно действует понижающе на развитие чувства товарищества. Совершенно наоборот действует наличие «Эроса крылатого».

«...пока мы находимся еще на переломе двух культур. И в этот переломный период, сопряженный с жаркими схватками двух миров на всех фронтах, включая фронт идеологический, пролетариат заинтересован в том, чтобы всеми мерами облегчить скорейшее накопление запасов «симпатических чувствований». В этот период моральным идеалом, определяющим общение полов, является не оголенный инстинкт пола, а многогранные любовно-товарищеские переживания как мужчины, так и женщины. Эти переживания, чтобы отвечать складывающимся требованиям новой пролетарской морали, должны покоиться на трех основных положениях:

И все же мысли тов. Ленина и тов. Коллонтай прогрессивны и для нас важны. Вопросы пола обсуждались после революции бурно и жарко. Тов. ХХХ упоминал о психологе Райхе (?), который описал дискуссию между тов. Лениным и Троцким, в которой якобы Владимир Ильич ратовал за снятие всех ограничений с сексуальной сферы, включая однополую любовь. Мы не смогли найти текстов Райха, чтобы это подтвердить. Но даже, когда читаешь подобные строки тов. А. М. Коллонтай: «Не забывайте, мой юный друг, что любовь неизбежно видоизменяется и преобразуется вместе с изменением культурно-хозяйственной базы человечества», то возникает острое желание спросить кандидатов в члены и даже самих членов Политбюро ЦК КПСС, знакомы ли они с историческим материализмом? Ведь очень важный вопрос перед нами стоит — а какова она, советская любовь в нашей социалистической культурно-хозяйственной базе? Сильно ли она отличается от заклеянной и К. Марксом, и В. И. Лениным буржуазной любви, проистекающей из господства священной частной собственности?

Жаркие и бурные обсуждения полового вопроса сменились годами безмолвия, годами жуткого отката и предательства революции. Но даже сейчас, когда благодаря достижениям нашего советского строя перед человечеством открываются бескрайние космические просторы, когда наконец-то преодолена гравитация, приковавшая человека к земле, к почве, державшая людей подобно огромным деревьям многометровыми корнями, вросшими вглубь земной поверхности. Когда деревья вновь стали легкой пылью, способной парить над брэнной землей, гравитационные силы гораздо большей мощности, нежели те, что заставляют космические тела вращаться вокруг своих орбит и еще больших космических тел (гравитация), не дают этой почти безвесной пылице вознестись к бескрайним высотам космоса. Эти силы — не силы природы, они человеческие — слишком человеческие. Вся гниль и мерзость, гнусь и пакость лице-

Сборник — результат исследовательско-художественного проекта «Бишкек: хроники радикального воображения» (2014-2015), продолжающего долгосрочную программу Штаба по исследованию советской истории в Центральной Азии. Сборник включает как теоретические, так и арт-студии истории Бишкека начиная с 1920-х и заканчивая 1970-ми гг. Каждый раздел книги отведен осмыслению определенного утопического концепта, благодаря которому в Бишкеке появились те или иные здания и сооружения: «Пролетарский интернационализм» (осмысление и переосмысление деятельности кооператива «Интергельпо»); «Социалистический город» (история обычного микрорайона); «Наука и техника» (исследование объектов, удостоверяющих ведущую роль науки в СССР). Особняком стоит раздел «Радикальная эмансипация», — эта утопия не оставила материальных следов на карте города, но зафиксирована в документах таинственного диссидентского кружка 1970-х гг. Главная цель проекта — найти в утопиях прошлого материал как для критического осмысления настоящего, так и для радикального воображения будущего.

